ГРАД СПАСЕННЫЙ

ИЛЬЯС ПРИВЕТОВ

Град спасенный

Ilyas Privetov

Published by Ilyas Privetov, 2025.

This is a work of fiction. Similarities to real people, places, or events are entirely coincidental.

ГРАД СПАСЕННЫЙ

First edition. October 16, 2025.

Copyright © 2025 Ilyas Privetov.

Written by Ilyas Privetov.

Содержание

Title Page

Copyright Page

Предисловие от переводчика и составителя

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

XVIII

XIX

XX

XXI

XXII

XXIII

XXIV

XXV

XXVI

XXVII

XXVIII

XXIX

XXX

XXX*

About the Author

Предисловие от переводчика и составителя

Перед Вами, дорогой читатель, раскрыт монументальный труд вестфальского гуманиста Лаэтия Барваргобренского. К сожалению, творение дошло до наших дней лишь фрагментарно. Причем самой тяжелой утратой следует считать порчу подлинника бессмертного опуса. Легенды гласят, что некий граф О. имел неосторожность пролить бокал вина на рукопись в ходе ночных чтений. После этого граф О. легкомысленно отложил роман в дальний ящик, не озаботившись его просушиванием. Впоследствии камердинер пытался избавиться от кислого запаха в кабинете и обнаружил источником рукопись, пораженную плесенью. В ту эпоху суеверия, когда светоч науки еще не пробился сквозь мрак теологии, не существовало иного способа избавиться от биологических агентов, кроме огня. Бумага оказалась слишком сухой и горючей, так что даже те уцелевшие крохи, промоченные в вине и съеденные цвелью, были повергнуты в пепел. Огонь — средство грубое и бессоюзное; пламени неважно, уничтожает ли оно вредителя или созидателя.

О жизни Лаэтия имеются лишь скудные отрывки, сообщающие скорее о формальной стороне биографии. Он родился в семье протестантского пастора и смолоду обучался в строгой религиозной атмосфере. Лаэтий рано осиротел из-за эпидемии тифа, найдя приют в католическом монастыре, где прислуживал и получил базовое образование. В дальнейшем он принял постриг в том же заведении. Также Лаэтий окончил Ахенскую академию, где его готовили к духовной и правоведческой карьере; в дальнейшем он плодовито трудился на поприще юриспруденции, христианского богословия и мистики. Из-за последнего увлечения Лаэтий дважды защищался перед комиссией по вопросу еретической трактовки символа веры, однако был оправдан. В трудах последующих авторов обнаруживается множество неправдоподобных слухов или умозрительных заключений, добытых из неглубокого анализа творческих продуктов Лаэтия.

Говорят, что он ходил в плавание под флагом Объединенной Ост-Индской компании как корабельный капеллан, в дальнейшем путешествовал по Индии в составе посольства. По свидетельствам Иеронима Бушправгильского, Лаэтий якобы принимал самое деятельное участие в тантрических ритуалах, и даже был посвящен в таинственную традицию йогов. Кроме того, имеются неоспоримые свидетельства присутствия Лаэтия на Формозе в качестве нотариуса; его имя числится в списке эвакуированных из форта Зеландия. Этими жизненными обстоятельствами объясняется его тяготение к ориентальной мысли. На склоне лет Лаэтий вернулся в Европу и осел в Лейдене как преподаватель. Скончался, подавившись рыбной костью на шестьдесят девятом году жизни. Надгробную плиту Лаэтия в начале этого века случайно обнаружили строители в основании старинного здания, нуждавшегося в реконструкции.

О взглядах и убеждениях Лаэтия Барваргобренского сложно судить. Будучи свидетелем колониальных конфликтов и Тридцатилетней войны, Лаэтий попытался дать собственное, подчас ядовитое и буффоническое, толкование мировосприятия современников. В эпоху великих потрясений и смут сложно оставаться беспристрастным. Он часто бывает противоречив, и неясно, где следует образ тонкого обличения или действительная позиция автора. Кто-то находит Лаэтия сатириком-эпигоном, другие усматривают в романе глубокий метафизический контекст, а третьи отдают почтение

самобытному слогу. Но в чем сходятся все литературные критики и исследователи творчества — Лаэтий срезал культурный слой своего времени и навечно поместил его под яркую музейную витрину — чему мы выражаем искреннюю благодарность.

С уважением, переводчик и составитель настоящего издания Ильяс Приветов.

I

Вокруг пахло рыночными специями, на нагарной кипящей сковороде приготовлялось жирное мясо. Меня сейчас же обволокло шумом и привычной базарной возней. Где жарили, там и продавали, ели и пили, резали, пилили, латали да штопали, изготовляли и сооружали, словом, хозяйствовали, — точно на огне шипел хор сделок. Только повернусь — уже несет опилками от мастерской; в другой бок — потянуло дымом от кузни на углу. Здесь улавливалось тонкое воздушное смятение, причиненное ругательскими заклятьями матросов; торопливо взвивалась городская жизнь. Я склонился над головкой чеснока. Она занимательнейшим образом выкатилась из-под прилавка. На кой ляд я сюда приблудился, откуда я произошел? Налицо неразрешимая загадка. Посреди дороги продолжает робко катиться чья-то чесночина. Без задней мысли поднял ее с грязной булыжной мостовой, когда она оказалась у ног. Чья будет пропажа?

По улице неусыпно сновал народ, отпихивая друг друга торбами, тачками и темными мозолистыми локтями. Какой-то прохожий паренек, оббегая, бросил огрызок яблока в лужицу меж камней. Лиходей чуть измазал мою тунику и тотчас скрылся. Пятно расползлось по ткани, что кровь. Я молча поднялся, незлобиво вздохнул, размял спину до характерного хруста, предвещающего облегчение. Осмотрелся в поисках владельца утерянной чесночины, мягко улыбнулся. Между прочим, она была алебастровая, большая и толстошкурая: кабы не трепетал перед ротовым зловонием, то наверняка отведал пару витаминных зубчиков.

По обе руки простерлись сколоченные торговые ряды у двух-трехэтажных каркасных домиков, подпираемые стройной крепостной стеной. Вдалеке, высясь на вычурном замковом шпиле, по-княжески тщеславно реял бордовый флаг. Раньше я полагал, что такое могут схалтурить только иллюстраторы сказок, поскольку кто и почто изволит шить полотнища на столь большую высоту? Я бы в жизни не полез его заменять, уплати мне хоть мошну под завязку. А ведь ткань под воздействием ветра исподволь трещит, рвется, и вот уже воздушный поток режет бесформенную тряпку, убогое пятно, застилающее львиную долю величавого небосвода. Поиграв мыслью, я подошел к тучному купцу и протянул ему недосмотрено брошенную чесночину. Завидев мокрую головку, он вмиг покраснел и разразился страшной отповедью:

— Убери от меня убыток! Пропади оно все пропадом, честное слово! Глупцы, видишь ли, не употребляют чеснока в городе по своему умалишенному порядку. Дураки, скудоумные бюргеры, чтоб им повылазило: «Недозволенно, граф не дают-с!» Да где ж это видано и слыхано, коль я избороздил вдоль и поперек, и вглубь и ввысь твердь земную и ширь водную, чтобы не добавляли честные люди чеснока?! Прочь, забери у меня хоть весь мешок задаром — поди погниет иль я шустрее преставлюсь — не станут приправлять чесноком! Хоть свари в медном быке его, хоть на шибенице вздерни горожанина — чеснока «не дают-с» А мне, между прочим, спервоначалу голову морочили, что, мол, в этом городе за чеснок тебе дадут впятеро больше рыночной! Даже если под запретом он, а охотники до приправки все равно есть, и страждут они без остроты, и погано им на душе, не откусивши пекущей дольки пред вкушением супа. А выходит в сухом остатке, что всуе повозку снаряжал, понапрасну фуражом лошадку харчевал.

Купцы, попал я в ваши обманы, — пусты мои карманы.

— А ты не делал попыток допытаться, почему граф не разрешает людям покупать чеснок? Видит Бог, что он вкусен и полезен, и не найдешь в нем скверны, под каким первоначалом не испытывай.

Несмотря на нелюбовь к делячеству, я вылупился на торговца, как поклонник на артиста.

— Ежели бы меня во дворец пущали, то наверняка осведомился. Ведь я не бюргер досточтимого града, и тем более не дворянин Его Светлости графа фон Лихтхерштеллера, чтобы меня рекомендовали видеть в крытом дворике, где во время прогулок мимоходом выносятся серьезные решения. Бастион непреступен. Торговцу-иноземцу разрешено только перед крепостной стеной поторговать пожитками, дрянным товаришком; можно и посредством бартера.

— Постой, — я пришел в недоумение, — если в городе запрещен чеснок, то я не верю, чтобы ты так беспечно разбрасывался им.

— Он запрещен к покупке, продаже и хранению либо горожанами вообще, либо любому, кто находится непосредственно в городской черте. Чужакам вовне можно, а мы сейчас в пригороде, свободной зоне. Допетрил?

— А пошлины как с Вас взимают?

Вырвалось из уст случайно, профессиональные издержки. Не туда я хотел завести разговор.

— Их тут принято натурально драть! А это дело нехитрое, — мой собеседник сконфузился, рвачески забегал глазками, — все вопросы к откупщику. Свои выгоды и он, и я непреложно соблюдем. Так ты чего зенки вылупил, покупать намерен?

— Отдай мне чеснок, господин стяжатель. — сам себя не понимаю. — Что есть. Коль в местечке выторгую, и ты в барышах будешь.

— Тоже разум отняло? — купец выронил психический смешок. — Тебя за это, глядишь, на крюк подвесят. Нравы у Его Светлости графа Августа фон Лихтхерштеллера не отличаются привычным человеческим милосердием и деловым смиренномудрием — он есть чувственно беспробуден, когда на месте чувств высочит законная защита интересов. От начала до конца оцениваю это как неразумный поступок. Я уверен, что и по-черному никто не купит. Нет здесь клиента, как не выдумывай, что не хоботи. Тщетно я силился толкнуть чеснок.

— Насчет последствий будь уверен, что это не твоя забота. Не нужно беспокоиться о бесчинстве власть держащих, потому как мешок будет в моей собственности. И не волнуйся за покупателей, ибо их я тоже найду самостоятельно, по особливой методе. Выйду оттуда с деньгами — поделюсь; кончат меня — все равно сгниет. Отдам тебе треть выручки по возвращении.

— А обеспечишь обязательство чем?

— А что у меня есть?

Я осмотрелся: моя одежда хоть и не кажется скорбным вретищем, но и достатком, по правде, не пышет. Полез в кошель на поясе, извлек несколько монет, покрутил в ладони. Номинала я не знал, так что для начала положил на прилавок одну.

— А как пронести вздумал? — торговец пожирал взглядом большую монетку с малахитовым налетом.

— Дай мне в довесок картошки, чтобы не прознали про чеснок на дне. — я выложил на прилавок еще одну монетку, но мельче.

Через минуту мне вручили тяжелый мешок, наполненный чесноком вперемешку с картофелем ближе к завязке. При беглом осмотре казалось, что

я несу картофель.

— А как намереваешься пройти сквозь кордон стражи?

— Назови мне одного из богатейших вельмож, живущего в черте города, вдобавок имеющего столько челяди, что всех разом и не упомнишь?

— Барон фон Кнохенбайсер, кто же еще. Он владеет шестью хуторами за околицей, а его благолепное поместье находится прямо напротив дворца: исполинская каменная твердыня в четыре этажа. Говорят, будто у него в доме сотня комнат и в придачу мрачная подземная столовая, а сам он никогда солнца не застит пред землей, как и все вотчинники. Ибо они из дремучего суеверия мыслят, что благородному человеку не пристало жечься солнечными лучами.

— Это еще что за несуразица? — мне с удовольствием ложились в слух провинциальные предрассудки. — Господин негоциант, с этого места прошу Вас поподробнее.

Купец оказался весьма словоохотливым человеком. Он наклонился ко мне и сделался тише, заговорщически зашептал:

— Они посветлу улицей не ходят. Пиры-балы-приемы-отъемы справляют ближе к полуночи. А если и в дневное время, то в своих авантажных подземельях. У них там стены и утварь золоченые да посеребренные, что хоть приходи и трись одежкой, — из нее потом драгоценную пыль выжмешь. Кого достопамятным приемом наградят, так те жуткие вещи вторят: бледны вельможи как мел; нелегки на ногу, сонны; кожа у них гладкая, будто шелк; глаза у них с тусклым красным отсветом, то ли от огоньков свечей, то ли в отражении золотистой мебели; в общем, чахлые и жестокосердные дворяне, помыкающие забитым, темным крестьянством. А что нашему брату, торговцу? Мы охочие до прибытка, нам ихние иерархии нипочем, интерес напрямую отсутствует. Ввяжусь я в это гнилое дельце, глядишь, насильно отчуждение товара осуществят. Паче того, и от головушки моей ясной отрешат. Намотал на ус их щедроту? Что-то я шибко общительный, ты ж не из их агентуры, а?

— Нет-нет, — я утвердительно замахал головою, — мне бы самому доискаться, кто я таков.

— Это что еще за вздорные искательства недоросля? — недоумевал рыночник.

— Я очутился здесь четверть часа назад с ощущением полной пустоты в уме, душе, сердце и, что немаловажно, желудке. Не могу сказать, как меня зовут, и зачем я объявился. Но теперь нашими общими усилиями я облагорожено направлен на достижение пятикратной прибыли от сбыта чеснока.

— По твоему делу я бы порекомендовал явиться в приют для беженцев, бедняков и душевнобольных. Тебе стоит узнать, не выходец ли ты из охваченных войной районов или сбежавший квалифицированный безумец; не удивлюсь, если из-за качки тебя выкинуло за борт или ты вовсе потерпел крушение. Не могу этого исключать, ведь часто бывает, что человек теряет память от удара по голове или в силу невыносимого груза многих душевных тревог. Только будь осторожен, избегай служивых по пути; они охотятся.

— Приют? — я пожал плечами. — А кто его содержит, кто облагодетельствовал убогих?

— Они самоокупаются. Дело щепетильное. По секрету сообщу, что я иногда поддерживаю приют посредством добровольных пожертвований. Я своеобразный волонтер, но не афиширую этого, потому как занялся

общественно полезными деяниями не полностью безвозмездно, но получал некоторого рода услуги в знак глубокой благодарности.

— Хорошо. Вы большой молодец, достойный член гражданского общества. — я протянул руку рыночнику. — Пожелайте мне удачи.

— Я буду ждать тебя на этом же месте с третью от общей выручки, положенной мне условиями настоящего договора. — бакалейщик крепко жмет руку. — Возвращайся как можно скорее.

II

Я вымазался в маслянистой базарной луже, чтобы быть похожим на обыкновенного селянина. По-лицедейски сгорбил спину, смотря на отражение в мутной воде, и, пожалуй, мне понравилось прятаться за личиной истерзанного работой мужика. Во второй слой загнал под ногти почву, руками повозившись в заросшей придомовой клумбе. Давно не приходилось копошиться в цветниках, не целясь отыскать заложенного клада. Кроме того, довелось натереть зубы чистотелом для пущего правдоподобия: теперь кость была настолько желтовато-грязной, что я прежде по утрам, видимо, не имел привычки чистить зубы. С таким органично-шаблонным крестьянским платьем я вознамерился попытать удачу и преодолеть пост стражи.

Задумавшись, совсем не заметил, как пересек ров через трескучий выдвижной мост. Двоица степенных гвардейцев бдела у врат. Иногда они разворачивали неблагонадежных бродяг или по своему усмотрению производили проверку поступающего в город движимого имущества. Как только я подошел так близко к бронированным верзилам, чтобы мочь разглядеть их на предмет лютости или взяточничества, то обнаружил лишь печальную матушку лень. Служили они довольно бессистемно и в известной мере расхлябано. Изобразив, что я бываю частым ходоком и, не обращая даже самомалейшее презренное внимание, будто так и следует, пошагал сквозь ворота. Я умышлял сбить с панталыку гвардейцев прежде всего уверенностью, непринужденностью коренного жителя. Надо сказать, меня довольно распорядительно окликнули:

— Эй, голь хуторская! Поди сюда.

Разыграв крайнюю зашоренность, я двинулся мимо них; начистоту, мешок был и вправду очень тяжел, трещала голова.

— Куда?! Назад, ко мне!

Дурака я не доиграл. Пришлось идти к привратнику:

— Ваше превосходительство, повинуюсь.

— Чей будешь?

— Его превосходительства барона фон Кнохенбайсера.

— Зачем тащишь этот мешок, что содержится в нем?

— Ваше превосходительство, тащу уродивший картофель на кухню барона, как наказал староста. Сегодня им к ужину велено.

— Это с каких пор картошку стали есть родовитые люди, деревенщина?

— Почем мне знать, ваше превосходительство? Может не к барскому-то столу, а челядь кормить.

— Развяжи.

Мне ничего не оставалось, как поставить перед гвардейцем мешок и предъявить содержимое. На первый взгляд, если не перебирать внутренности мешка, везде будет только картофель.

— Ладно, шуруй. — стражник крутанул пышный ус, отвязался; на въезде маячило несколько груженых повозок. — И руки помой, а то отсохнут, невежда.

— Внемлю Вам, господин. Храни Вас Господь.

Оглянувшись вслед стражникам, я приметил в них сиюминутно проснувшуюся алчность. Как только обоз пристал у городских ворот, его ждал лицеприятный и грабительский осмотр. Хорошо, однако, наготовать в частных вещах: казаться нищим в очах властного бузотера, чтобы знание об

имеющихся средствах не стало общественным достоянием, и не обложилось произвольными поборами. А что до города? Те же приятные на глаз фахверковые домики, только выше, кучнее, богаче. Узкие мокрые улочки, загаженные закоулки, горшки с цветами, веревки с сушащейся одеждой, беглые горожане, ремесленная суета. Я прогуливался улицами, не зная, кому и при каких обстоятельствах можно предложить чеснок. Если купец в порыве сетования растрезвонил, что ему прорицали пятикратную прибыль, то важнее всего вычислить клиентов. Они точно где-то среди нас, как притаившиеся развратники или члены тайных сообществ.

Я добрел до небольшой площади, опоясанной зданиями общественного назначения. Они были выкрашены в лучистые алые цвета. На центральную площадь приходилось размещение ряда специалистов, государственных торговцев, графских учреждений. Тут также нашли приют многие кабачки, публичный дом, лазарет, и даже оказалась втиснута каменная кирха с точеными шпилями. Центр городского притяжения находился у колодца посреди площади. Перед ним сколотили грубую деревянную виселицу, где красноречивые глашатаи извещали о законодательных новеллах и обнародовали самые разные эдикты властей, а кроме этого частные лица рекламировали товары и услуги. Сегодня здесь имел выступление один из воевод графа. Это был ражий мужчина в изукрашенном доспехе, доводивший указ сюзерена тихо взволнованным горожанам. Он держался важно, а интонации его были такими искренними и трогающими, что их мог произносить только по-настоящему проникнутый праведным гневом человек. Я встрял в толпу с мешком чеснока, приобщился к необычному развлечению. Теперь, кажется, смог прислушаться к громогласной речи воеводы:

— Вюрствареншадцы есть столь вероломное и ненасытное племя, что не испытывая сердцем нравственных угрызений и в упор не замечая творимого ими нечестия, общепринятого среди всех сколько-нибудь цивилизованных народов, они учинили безмерное зло. Вюрствареншадские посягатели посмели ступить косолапыми ногами в богоизбранные владения Его Светлости графа фон Лихтхершеллера! Они одномоментно запамятовали не только о своем человеческом долге и правилах благоприличного общежития в мире, но, пуще того, позабыли о праведном страхе пред Господом нашим; они заплутали во грехе, и стезя их ныне обратилась в порок, ибо они ныне суть нечестивцы, ответившие на многие наши благодеяния изменническим военным походом. Братья мои, флейшвольфбуржцы, наша Родина нуждается в защите и опеке, но не словом, не кошелем, не молитвой, — мечом. Вюрствареншадцы самовольно пересекли границу у деревни Опфер, и подчистую вырезали всех жителей селения от мала до велика, оставив в живых лишь молодых женщин, обратив их в рабынь, как в трофеи, атрибут воинской мощи и политического всевластия. Детей они резали, словно молочных телят, и бросали изуродованные тела в овраги на окраине Опфера. Они использовали переполненные трупами ярки в качестве нужников и свалок, а спустя время, зная их жестокую натуру, вюрствареншадцы станут промышлять селитроварением на костях наших соотечественников; они уже сооружают навесы над местом массовых казней. Но сначала, отобрав у косарей серпы, они насильно отделяли головы замордованных, совершая святотатство над самим человеком как Божьим творением. Разве позволено шелудивому волку терзать чудесное достояние Его стада?! Отделенные головы они варили в глубоких котлах, что говяжий гуляш. Очищенные черепа вюрствареншадцы водружали друг на друга, покуда не соорудили из них

скверную башню; скрепляющим раствором служила кровь, вдоволь лившаяся в тот жуткий день, в тот мрачный час, когда тяжелая кручина поселилась в наших сердцах. Не осталось ни одной живой души, которая могла бы поведать о случившейся трагедии. Последний выживший в резне скончался вчерашней ночью от ран. Братья мои, флейшвольфбуржцы, на нас ополчились не люди, но бестии, бесчестные бесовские чудовища, низвергнутые самой преисподней в сей терзаемый несчастьями мир, чтобы привести к власти их отцов, дьявольских владык! Я призываю всякого из Вас взять в руки оружие, как и предписывается мужчине, и вступить в гвардию Его Светлости графа фон Лихтхерштеллера. В данный момент мы формируем штурмовые отряды, которые будут сражаться в авангарде войск против греховодников из Вюрстваренштадта. Те, кто стремится отомстить за совершенные злодеяния, чьи дома были разрушены людоедами из Вюрстваренштадта, кому не терпится восстановить справедливость и не допустить приход порождений пламени геенны, — записывайтесь в штурмовые отряды Его Светлости Августа фон Лихтхерштеллера. Вас снабдят лучшим оружием и крепчайшими доспехами; посадят на боевых обскаканных коней; выдадут в устрашение противника чудесное шелковое знамя. Этот стяг всенепременно приведет Вас к победе над Злом во имя Добра. Охотники до праведных сражений, подходите к вербовщику около виселицы. С сего дня и до конца месяца мы будем производить набор в штурмовые отряды; мы испытываем нужду во всех мотивированных мужчинах, кои желают обрести почет, славу, доброе имя и оставить след в истории нашего нетленного государства. Да хранит нас Господь! Пусть пребудет неизменным, в будущности неисчислимым мудрое правление династии Лихтхерштеллеров!

Бюргеры, перешептываясь, в полнейшей сумятице расходились по благочинным мещанским делам. Они погружались в спасительную мышиную беготню, в любимое рыночное круговращение, лишь бы вытравить из ума немотивированную жестокость соседей. Другие, напротив, объятые пламенем патриотизма, шли к вербовщику с готовностью служить где угодно. Отчизнолюбцы желали возмездия. Добровольцам повторно зачитывали памятку, что рекрутов ожидают тяжелые лишения во время несения службы в штурмовом отряде, то есть в первых рядах, на острие меча, непосредственно в пылу сражения. После чего, правда, с помощью риторических приемов доказывали преимущество такой службы: честь, доблесть, возможность подняться на крутизну общества, предоставление налоговых льгот впоследствии, завидное жалование на входе. Новоиспеченных штурмовиков в конце концов сбили в общую эклектичную купу и под бравую песню увели в казармы. Я стоял отстраненно, охотно наблюдая за взъяренным столпотворением, перетекшим на соседнюю улицу. Тут же, сидящим на лавочке у колодца, мною был примечен плутоватый старик. Он курил трубочку, крутил головой, почти беззвучно шевелил губами, будто анализируя высказанные воеводой пассажи. Голова старика была покрыта драпированным голубым шапероном. К тому моменту площадь обезлюдила, и я решил узнаться по чесночным делам у старика, потому как тот выглядел прожженным хитрецом, явственным беспутником.

— Храни Вас Господь, дедушка! Как у Вас идет?

— Хорошо. — он прижмурился. — А у Вас как?

— Да вот было бы лучше, кабы нашел, куда сплавить товар.

Я демонстративно бросил мешок перед ним.

— А чем торгуете?

— Тем, на что, если бы не запрет, не существовало бы спроса.

— Вертко. — дедок отставил трубочку. — А что за мнение Вы составили об сегодняшней речуге воеводы?

— Он является продавцом смерти. — вырвалось из моих уст. — Что тут добавить?

— Метко. — дедок берет трубочку. — А какое мнение Вы составили об нашем священном руководстве?

— Они являются самодурами на неискушенный взгляд. Однако мне неизвестно, что их по-настоящему побуждает, и к каким итогам они приближают эту сцену; также остается доныне туманной причина, по которой соседний город, ранее союзный, начал незаконную интервенцию.

— Дерзко. — дедок затягивается. — А какой информацией Вы владеете касаемо устройства нашего войска?

— Я видел ваших гвардейцев, и они ничем не уступают в ханжестве и денежной нечистоплотности солдатам других городов.

— Кратко. — дедок причмокивает. — Сверните на эту улочку, чтобы обнаружить образец войсковой сути поярче. После этого вертайтесь ко мне. Товар оставьте, я добросовестно постерегу.

— Спасибо. Я ужасно счастлив, что повстречал Вас, господин. Скоро вернусь.

— Вероятно.

Легковерно оставив мешок у колодца, я пошагал по подговору старика указанной улочкой. Вступив несколько раз то в гнилые овощи, то в лошадиные кучи, я наконец доковылял до ярчайшего образца воинской сути. Открылась следующая картина: двое бронированных вербовщиков зорко следили из-за угла дома за редкими прохожими, их случайными жертвами. По улице как раз неторопливо прогуливался усатый мужчина, на вид травоядный пахарь, измаянный трудом и убеленный сединами. Звероловы, с присущей им силой и горячностью, настигли мешкотного усача, а вместе с тем отворилась дверь в зверинец за спиной. Заключив добычу в тюремные объятья, дюжие похитители по-паучьи поволокли мужчину в здание. Я непрошено вошел следом, наверняка придержав дверь ногой; как ослепительно блестели доспехи вербовщиков!

Из невольничьей храмины тянуло сыростью, табаком и страхом. В помещении, тускло освещенном единственной свечой, на полу скопились какие-то люди. Их было много, все мужского пола; из скверной наружности мужчин, той особенной обреченности во взгляде следовало, что они томятся здесь не по своей воле. Пленников охраняли несколько арбалетчиков из графской гвардии. Присутствующие мигом обожгли меня глазами, оттого что я оттенил уличный свет. Я прочувствовал, что на секунду показался для присутствующих неким благоутробным серафимом, возвещающем о спасении. Арбалетчик, наведя заряженное оружие, изумленно поинтересовался:

— Ты чей?

— Ничей.

— Понятно. Заходи.

— Не хочу. — я несогласно помотал головой.

— Приглашение все еще в силе. — сверкающий арбалет живо подкрепил угрозу.

Мне пришлось присоединиться к обществу нехотя робеющих мужчин. Я получил в условную собственность место возле отсыревшего камелька.

Кажется, его не зажигали уже несколько зим сряду. От нечего делать я писал сажей по глиняной стенке. Примерно раз в десять минут звероловы забрасывали к нам добровольца по принуждению; каждый последующий претерпевал все больший испуг, принимая вид не то парии, не то галерного раба. Сейчас один из них, поневоле оказавшийся в сим сыром узилище, гневливо спросил у арбалетчика:

— Какое Вы имеете право заключать меня в этом здании?!

— Ты призван в рамках государственной кампании подвижности на воинскую службу. Садись и жди. Грядущее уже предрешено. Ты отважно послужишь Родине.

Я, как лапидарный стенографист, написал на стене грязным пальцем: «подвижность на воинскую службу». «Подвижность», мне кажется, сродни «подвигу», «подвижному», «мобильному». Почему же государственные мужи не рвутся совершать подвиги собственными силами, но собирают прохожих бродяг отовсюду? Ведь посторонние в теории отнимут их славу, власть и деньги? Вопрошаю в пустоту.

— А если я не хочу поспешествовать государственной кампании?

— Твое субъективное мнение не повлияет на ее ход, потому что у тебя имеется прямая обязанность участвовать в ней в качестве расходного материала.

— Я буду звать юриста! Я буду идти в суд, предъявлю Вам иск на мешок сребреников! — кричит неукрощенный пленник.

Ему не отходя от кассы заехали в живот железной рукавицей. Комната мгновенно погрузилась в грузное безмолвие, как будто наши опустевшие головы накрыли медными тазами. Я ощущал, как непростительно много мы дышим: воздуха, вероятно, не хватит на всех. Молодой человек по левую руку смотрит на меня с укоризной. Мы встретились взглядами, я повел бровью, как бы зачиная беседу.

— Зачем ты мажешь стены? Хозяин не сподобит твою умелость. — спрашивает он.

— Судя по всему, наш домик необитаем уже довольно давно, так что не считаю, что кто-то вообще обратит должное внимание на мазню.

Мой палец, подобно излучине тропической реки, изящно изгибался по шершавой глиняной стенке. Налепив из сажи словосочетание «расходный материал», я оставил граффити концептуально дозревать.

— Я вижу, что нас многое объединяет. Мы с тобой не такие, как все, мы — не обыватели, каких тринадцать на дюжину; мы отстоим от них, поскольку витаем окрест вышних сфер, и служим не тем владыкам, что прочие.

— Это отчего ж ты удумал?

— Мы пришли в этот домик вдвоем как добровольцы, хотя знали, что на улицах излавливают неосмотрительных горожан, чтобы отправить их на войну, на колбасный убой. Как гласно в сколько-то сведущем обществе, воевать есть удел или благородных людей, которые возглавляют войско, или злая доля жертв, добычи.

Я не внял речи этого парня. Он был так молод, словесно затейлив и энергичен, что для разумения требовалось приложить известные усилия.

— Добычи? Объяснись, не вникну.

— «Несчастны те, кто служит на военной службе, так как играть роль чужой добычи — несчастье». Так было сказано в одном из трактатов о маетности сущего.

— А где можно прочитать такое? — во мне пробудился ученический энтузиазм.

— В городской школе. При храме у нас была добротная библиотека: как вкрапления, в ней были явлены редкие, значительные труды. Школяром я изучал грамматику, арифметику, логику, риторику, геометрию и астрономию под руководством богословов. Мы занимались в небольших классах по десять человек. Чудесное было время, ладное.

— И почему же ты не применяешь знания в нужной области, а отправился как возможная добыча? Не находишь ли ты, что в этом забвение многолетней интеллектуальной пахоты?

— Фокус моей реальности сместился с примата физической действительности в те достоверно неизведанные дали, где всем правит вселенская справедливость и единая правда. Сообщаемые мне истины таковы: я могу не только пренебречь собою, потому что все это лишь умелая игра, театр неведомых сущностей, но и окрылиться в потоке благочестивого борения.

— Тебе ведь должно быть известно, что, скорее всего, ты будешь в роли обыкновенной добычи? Подранком убежишь в лучшем случае, без ноги и руки ли.

— Это явственно для каждого солдата, если он не вольтанутый. Я знаю, что меня предают изначально, посылают на бесполезные нечеловеческие испытания, используют в роли пушечного мяса. Я представляюсь лишь средством для достижения успеха, для обогащения и властвования дворян-богатеев. Я — игрушка в руках брюзглых воевод; я — воин-невольник, не сегодня-завтра кладбищенская земля. Они двигают нами, как им заблагорассудится; кого-то палкой, другого лестным словом, а третьего, обращаясь к его корыстолюбию или подпитывая болезную гордость, завлекут деньгами и притворной хвалой; есть среди нас и доверчивые патриоты, которых я равняю на обыкновенных дураков и заблудших метафизиков. Я же, в отличие от них, полон решимости пройти этот путь и лечь во гроб за чужие интересы; я разумею, что моя жизнь никому не интересна. Раз уж меня народили мелким рогатым скотом, и груди мои не источают молока, — хоть мясо сгодится, пусть и жесткое. Только жалею, что не был прожорлив, и жирку к умерщвлению не набрал. А что ты преследуешь?

— Я продавец чеснока, и, признаться, немного заплутал; мне рекомендовали на что-то посмотреть в этом переулке. Коварный старик кругом облапошил: я шел не за преждевременной кончиной, уж поверь.

— Я не верю. Ты, кажется, попросту сбрендил. Или подсадная утка? — парень цокнул.

— Я приобрел чеснок у купца в пригороде по договору. По возвращении я обязуюсь отдать ему треть от выручки.

Парень прикусил нижнюю губу, а после надул их, демонстрируя многоученое снисхождение во взгляде, как следствие глубокого презрения к моей шкурной личности.

— Вы скверно впечатлили меня. Если это не глупая шутка, то Вы являетесь беспринципным лавочником и отъявленной деревенщиной, раз посетили этот город с... чесноком. Хорошо, что Вы его лишились по своему тупоумию и алчности. Нам стоит прекратить сношение, малюйте грязь дальше, лабазник.

Был уже вечер, когда порог комнаты переступил человечек с письменными принадлежностями. Он имел выступающее и в то же время коротковатое

лицо, чем-то походя на грызуна; темные редкие усики только додавали нелепого антуража. Человечек разложился за скрипучим столом, и тонким, но уверенным голоском запел:

— Подходим по одному, я буду записывать! Шустрее, свежевыпеченные гвардейцы!

Вереница пленных устремилась один за другим к вербовщику, как будто им предстояло взойти на эшафот. Пленники предъявляли какие-то бумаги, или их записывали со слов, если документа недоставало. В моем случае дело обстояло слегка иначе:

— Имя. — звонко начальствовал вербовщик.

— Не знаю своего имени.

— Что?

— Я есть неместный.

— А у чужаков нет имен?

— Похоже, что так, господин, ведь у меня его нет.

Мы посмотрели друг на друга так, как смотрят две родственные души. Интимно подмигивала свеча; меня стали колотить арбалетчики. Через пару минут, кончив выть от боли, я поднялся с холодного земляного пола. Воздух пронзил прежний вопрос:

— Имя?

— Не ведаю, как меня звать.

— Почему?

— Я не отсюда.

— Нездешние не имеют имен, их не нарекают при рождении?

— Судя по мне, да.

Во взгляде вербовщика я усматривал обреченность; он был мертв, как и я. Мне вновь всыпали железными рукавицами. Теперь я лежал в сладком беспамятстве.

III

Я пробудился неподалеку от логова звероловов, раскинувшись среди нечистот, будто на клопиной перине. Тело ужасно ныло, пульсировали и жгли мышцы. Я не мог двинуть корпусом, чтобы тот не ответил резкой болью; приведенные в движение мускулы, кажется, были тотально расколочены. На улице светало, устанавливался новый день. Я проспал всю ночь прямо здесь, в помоях. Поначалу была поднята голова, за ней туловище с руками; последними взлетели ноги. Сломя голову рванул прочь с этой злосчастной улочки, шипя и метая проклятья. Здания сбивались в единый красный ком каркасов; стягивались в один узел голоса прохожих, крики глашатаев, лай собак. Я не заметил, как очутился ровно у колодца. На лавочке нежил чресла тот самый дедушка с той самой трубочкой. Завидев меня, он ухмыльнулся и пресмыкающимся тоном произнес:

— Невероятно.

— Вы ввели меня в заблуждение. Где мой товар?

— Я не знаю, кто вы, и тем более не разумею, о каком товаре идет речь. Скройтесь восвояси, незнакомец. — ответил тот издевательски.

— Я расскажу, что ты прячешь мешок чеснока, старикашка, и тогда из тебя выбьют жирную отбивную вон те бугаи. — я указываю на нескольких стражников, весело беседовавших у ратуши о вчерашней попойке.

— Может быть, что я знаю, кто ты, но про товар все так же ни сном ни духом не знаю.

— Подумай дважды. Мне терять нечего.

— Так и быть. Ты пытался продать настолько запрещенный товар, что я, начистоту, побоялся присвоить его, чтобы не ухудшить и без того неравновесное положение собственной лысины. Я скажу, где находится мешок, если ты в свою очередь поможешь мне кое с каким делом щепетильного характера. Уверяю, что мы все от этого приобретем. Не только убытки покроем сполна, но больше, в разы больше. Мы потрудимся во благо всех живых существ.

— Ладно. Чего ты хочешь?

— За церковью располагается небольшое кладбище. Там триста лет никого не хоронят, окромя священников и дворян. Для этого у них выстроены усыпальницы. Тебе нужно вломиться в один из склепов, на дверях которого высечен крест. В том склепе, как я рассчитываю, еще будут зажжены свечи. Посреди камеры установлен саркофаг, а в нем, будто в матрешке, лежит разлагающееся тело преставившегося епископа Шлафмунера. Да не будет упокоен его омерзительный дух, навлекший множество ненастий на сей стенающий град. Я страстно желаю, чтобы он мучился после смерти за все преступления перед законом Божьим, коль человеческий его по досадному упущению не настиг. Мерзостный поп пройдет сквозь горнило правосудия за все те несметные злодеяния, что он посмел совершить, покуда чахлое тельце оказывалось способным извергать отходы, что сервильно нарекались учеными трактатами и нравственной корреспонденцией. Вырви перстни с дряхлых пальцев, оторви златой крест с груди, а после сорви тяжелую цепь с бездыханной шеи, усеянной трупными пятнами! Кажется, у него еще были драгоценные зубные протезы: их я разрешаю выбить со свирепым огоньком. Все это добро тащи ко мне, я отдам долю монетами; также я верну тебе мешок с чесноком. Договорились?

— Да, но в первую очередь расскажи, а зачем ты послал меня к бронированным людоедам?

— Во имя расширения сферы познанного. Рафинированный опыт. Тебе в процессе восхождения пригодится. Сверх того, этим ты еще завершил обряд инициации, прошел первое испытание в длительной цепочке оных. Только особенные люди возвращаются оттуда, даже если им пришлось претерпеть множество неприятностей.

— Я выступлю ночью. Завтра с утра мы осуществим обмен.

— Желательно. — старик кивнул, мечтательно затянувшись трубочкой.

Днем я бесцельно слонялся по городу. Прохожие пялились, пятились, щурились, смеялись. Левый глаз заплыл, обратился в сплошной синяк; угол обзора сильно уменьшился. В таком виде не то что зазорно идти в высший свет, но и появляться среди простых людей по общему правилу. Мановением высших сил я был примагничен к трехэтажному зданию с единственным входом и долговязыми узкими окнами. На пороге меня встретил безногий мужчина на грубом подвижном стуле с колесиками. Он улыбнулся полупустым ртом, шепеляво протараторив:

— Кто тебя так отмудохал, парень? Небось в кабачке подрался?

— Нет, господин, это были вербовщики графа. Я отказался назваться, вел себя вызывающе, противился их законным требованиям.

— И что? Тебя просто побили, но не призвали? Не завирайся, быть такого не может.

— Так и есть. Я не подданный графа, не житель города, а всего-то чужестранец без имени.

Безногий пожал плечами и бодро задребезжал колесиками. Несмазанные механизмы едко поскрипывали.

— Не те уже вербовщики, что прежде; расстроились люди, как гусли. Недожимают. В прежние походы из постели выкуривали рекрута, и чхать они хотели на подданство и законные механизмы призыва.

Безногий весьма мастерски управлялся стулом, налицо большой опыт. Я втайне глядел ему в спину, и сквозь неуклюжие маневры инвалида проступало что-то трагическое, безотрадное, слабосильное. Меня обдало волной проникновенной жалости; так бывает, что душа тяжелеет, запечатлев надломанные судьбы. Жестом он приказал следовать за собой, посчитав обыкновенным посетителем. Вывеска на предбаннике гласила: «Городской приют». Изнутри веяло алкоголем и старостью. Мы свернули из плохо обставленного общего зала в небольшую комнатушку, где за столиком, раскуривая кальян и играя в карты, сидели дамы. На поверку они вышли разнузданными девицами. Одна из них, миловидная курносая блондинка средних лет, завидев меня подмигнула и потянулась пухлой ручкой к платьевой бретельке. Девица завлекающе оттянула бретельку с плеча, и тем оголила пышную грудь; я опешил.

— Она обаятельна и умела. За час берет пять грошениалов, а это на два дешевле, чем у гильдии проституток в вертепе на площади Сен-Хапборн. Беженка из Опфера, ей теперь надо наново жизнь устраивать, бытовую опору строить. Дом сожгли, всего лишили, кроме красоты и высокоценного навыка любить. Считай, что ты вносишь пожертвование на гуманитарные нужды, из человеколюбия и богобоязненности поддерживаешь городской приют. У нас крыша прохудилась, как раз на черепицу собираем.

— Все хотят кушать и жить в тепле. — я согласился и передал колясочнику оговоренную сумму, мягко уложив монетки на упрятанный под

брючиной обрубок. — Конечно, я не меценат, ведь мне недостает необходимых для столь высокого звания средств, но посильно помогу. Я сожалею, что Вам приходится жить в нищете; вечный позор вашим родственникам, коль оставили Вас на равнодушном городском попечении.

— О, я сирота и калека от молодых ногтей, когда меня столкнули однокорытники из окна спальни прямиком на железные прутья. Мне неведом домашний уют и материнская забота. И сводником я работаю не по своей воле.

Пока дородная блондинка прыгала на мне, одноместная допотопная койка навзрыд стонала. Хотелось заняться чем-то осмысленным, посему без обиняков спросил у беженки:

— Это правда, что ваша деревня сожжена дотла, а на пепелище установлена пирамида из черепов?

Она остановилась из-за внезапно подступившей волны смеха, кокетливо прикрывая рот.

— Да, камня на камне не осталось. Ах, батюшка мой, матушка... на какие мытарства меня обрекла лихая судьба!

IV

Как только тучи устлали крыши домов мрачным плащом так, что даже лунный свет был неспособен пробиться сквозь их черноту, я вышел на воровской промысел. Подобраться к храму было несложно, поскольку он никак не охранялся, а вся его оборона исчерпывалась декоративной полутораметровой чугунной оградкой. Ее я преодолел, навесив на пики найденный в подворотне ветшающий ковер. Моей посредственной сноровки хватило, чтобы преодолеть это незначительное препятствие. В церковном дворе я ориентировался скверно, и сразу побежал по скошенной росистой муравке напрямик к огороженным склепам. Я неряшливо перевернул кадку с огарками свечей по пути; было громко. От волнения зашлось сердце; я даже не заметил, что пронесся как сайгак, перепрыгнув низкий каменный забор, венчавший элитный некрополь. Экстерьер кладбища даже во тьме виделся мне тяжелым, обстоятельным, излучающим власть и богатство. Так полагалось быть месту упокоения благородных мертвецов и правоверных водителей церкви. По чьей-то неосторожности только захоронение Шлафмунера было открыто для ночных посетителей. Такая небрежность меня ничуть не смутила, и я остался благодарен, ведь не пришлось рыскать среди могил. Хотя, как мне кажется, эта подозрительная открытость могла сделать внушение касаемо наличия ловушки. Я преступно вторгся в последнее пристанище епископа Шлафмунера. Склеп с крестом, заменяющим вывеску, при детальном осмотре вышел скучным, серым, изысканно исполненным зодчими, и, между тем, откровенно безжизненным. При саркофаге догорали выставленные на закате свечи и лежало раскрытое Писание, чем все интересные детали и кончились. Я подобрался к свежему саркофагу, ухватился за мраморную крышку и потянул ее вбок, чтобы вскрыть; силы были приложены немалые, отчего крышка рухнула на гранитный пол и раскололась на несколько частей. В ремесле расхитителя могил есть место и подмастерьям вроде меня; печально лишь то, что малейшая ошибка может стоить не только свободы, но и жизни. Разразился страшный грохот, скорее всего, меня было слышно не только в церкви, но и на площади. Осколок впился в сапог, распоров обувную кожу. Я наклонился, проверяя, не отбило ли мне большой палец. Когда с облегчением поднялся, то перед моими глазами, из-за болезненного помрачения сознания, уже мерещилась двоица вооруженных монахов. Я спросил самого себя:

— Ужель камешек угодил так сильно и метко в мою полую головешку, что я обрел ясновидение и зрею призраков, пришедших порицать меня за расхищение крипт безвременно ушедших владетелей сего трижды чахлого мирка?

— Нет, добрый человек, мы ждали твоего прихода, и зашли присмотреть, чтобы кражу исполнил истовый верующий. Ежели мы посчитаем, что ты достоин стяжать драгоценные прикрасы епископа Шлафмунера, то уйдешь вместе с ними. Коль нет, то останешься узником подземной темницы графа, где справедливое место всем опустившимся преступникам. Отпавшие от нравственной жизни да будут растерзаны в августовских клыках.

— А как Вы поймете, что я не мошенник, и не прибег к поруганию трупа из алчности и стремления обогатиться нечестным путем?

— Поведай нам, человече, как ты узнал об сокровищах епископа Шлафмунера, и кто привлек тебя на наше заведомо состряпанное игралище?

— Старик у колодца, святой отец, напротив вашей церкви. Он ухищрениями отобрал нечто очень важное для меня, и вынудил обворовать мертвеца, тем самым нарушив священный покой почившего. Однако я должен добавить, что взамен он предложил мне половину средств от добытых трофеев в денежном эквиваленте. Я не испытываю уверенности в том, что крученый старикашка придержется обещанного.

— Хорошо. — монах кивает, все так же наводя заряженный арбалет на мою грудь. — А что столь ценное было отнято, что за это ты, воистину, согласился впасть в большой грех и расхитить могилу церковного иерарха?

— Нечто, что в вашем граде считается более запретным, чем убийство, кровосмешение и отрицание веры вместе взятые. То, что за крепостным рвом есть обыденный и незаслуживающий никакого внимания атрибут крестьянского рациона, а здесь — ужасающий плод зла.

— Тише! — второй монах взволнованно взмахнул факелом. — Призываю соблюсти разумность. Мы поняли, что имеем дело с праведником. Доделай начатое, и приходи в церковь, где мы сообщим более предметно, как тебе сыскать покупателя. А пока возблагодарим Бога за нашу знаменательную встречу!

Свечные благовония образовали интересную смесь со въедливым запахом разложения. Монахи показались мне весьма образованными и порядочными людьми. Они суетливо покинули склеп, чтобы не задыхаться и не наблюдать необходимых надругательств, а я взялся усердно выбивать зубные протезы епископа Шлафмунера. Раскурочил челюсти, сидя верхом на мертвеце; по мне сновали ненасытные личинки, выползавшие из выеденных полостей и отворившихся миазм. Он был одет богато, чинно. Епископ имел тороватое богослужебное облачение, отчего в саркофаге покойник блистал золотистыми переливами при свете факела; жаль, что плоть Шлафмунера кишела некрофагами. По-честному, мне не нравилось глумиться над трупом знатного попа, но иначе старик не обменяет чеснок; очередная победа материи над разумом. Вскоре, раздавив прицепившихся к украшениям куколок, в мешочке оказался драгоценный крест, златая цепь, зубы и перстни, инкрустированные редкими минералами. Последние пришлось вырезать ножом, потому что гнилые пальцы вздулись. Смею предположить, что сейчас в моих руках содержался пожизненный бюджет многих простых семейств. Запечатав массивные двери склепа, я оставил епископа Шлафмунера покойно тлеть в обществе мух и Писания. Дерзну допустить, что епископ посмертно грезит неразлучным миром безнаказанной роскоши и радостного благоденствия; без зубов, однако, это делать в определенной степени затруднительно. По выходе меня опутали горькие чувства, как бывает с тем, кто не знает, идет ли верной дорожкой. Не сошел ли я со столбовой дороги в сумерках жизни, халатно пропустив важный путевой знак? Покуда я вприкрадку шел к огонькам церковной пристройки, то отчего-то невольно заговорил сам с собой, и слова эти казались какими-то чужими и ненастоящими:

— Я только что уродовал вонючий труп, кишащий червями. Поругание чинилось с позволения монахов. Теперь я несу награбленные украшения старому махинатору, который единожды уже надурил меня, недоделу. Умопомешательство. Мы предали забвению наставления о первостепенной ценности человеческой жизни, и легкомысленно стерли из памяти, что такое нравственный закон, и как должно вести себя настоящему человеку; мы по собственной воле превратились в свирепых троглодитов. Чем изволим одарить Господа, о каком опыте поведаем на небесах? Изъявили скрытое

нутро примитивных тварей. Столь странные мысли посещают меня на храмовой земле, диву даюсь, ибо горклые они, как несвежее масло. Сперва нужно наведаться к церковникам, распрощаться с хорошими людьми.

Я очутился под высокими библиотечными сводами, где кружилось эхо и стойкий запах храмовых благовоний. Меня овеяло бурной смесью ладана, мирры, воска с различными добавками, пыли и книжных клопов. Дышалось настолько сперто и тяжело, будто я находился около топкого водоема. Меня встретили осовелые монахи и предложили устроить полуночное хождение по библиотеке, на что они получили спешное согласие. Потряхивая прибранными могильными побрякушками, я с благоговейным молчанием вкушал очами величавое убранство и интеллектуальную могучесть столь редкого места. Библиотека обнимала собой всю полноту наличного человеческого опыта, хотя бы в рамках города и сопредельных государств. Мы сделали остановку при искусной картине, изображавшей, по-видимому, усопшего епископа. Я сообразил небыстро: пришлось для сравнения доставать кольца. Шлафмунер при жизни был весьма рослый, толстый, кожей дряблый, старый, лысый, с густыми, точно птичье крыло, неопрятными черными бровями; его слабый углубленный подбородок лениво обволакивался сплошной жировой складкой.

— Что тебе доступно соскрести с полотна? — монах продемонстрировал подкупающую улыбку.

— Передо мной явственно разворачивается сущность несдержанного человека. Он предавался чревоугодию, был жаден до денег и власти, раз умер в золоте и шелках, произведенный в непоследний духовный сан. Крайние годы он коротал в мягкой и обеспеченной старости. Словом, узник страстей, жрец порока. Таких судьба жалует больше, чем меланхоликов и бездействующих слюнтяев, как мы с тобой. Ведь хочется иногда, полагаю, плюнуть на все с высокой колокольни вашего храма, и пойти жарить крестьянок из окрестных деревень, и наделать три сотни бастардов, а потом мирно отойти в еще лучший мир. Жрать в три горла, пить дорогое вино, одеваться на зависть окружающим, топтать в грязь подчиненных, невежественно отрыгивать обеды на важных совещаниях. И, пожалуй, не просто уйти, а почить в мраморном саркофаге, высеченном мастеровитейшим скульптором. Важно, чтобы досюда саркофаг влачили голодные и больные каторжники из каменоломни в двухстах верстах на западе. Завидую, и боюсь жить подобным образом, ведь это не по-человечески, — но в личине злостнейшего полубога, в виде живого иероглифа, олицетворения понятия «беззаконие». Он умер уже не человеком, а могучим полководцем преисподней. Невозбранно, сладко, превосходя и подавляя всех, кто ранжировался ниже. Беззаботная, безнаказанная, бесслезная кончина. Шлафмунер накрепко сжал ключи от порока. Полагаю, как и всякий полководец, он имел предводителя и собственного властелина, перед которым раболепствовал и смиренно подлаживался, как остальные перед ним самим. А уж что поразмыслить о предполагаемом начальнике, как трактовать нечестивую вершину?

— Ты в самом деле читаешь мысли, мой друг-резонер. Хоть и не внешнее их выражение, но, пожалуй, имплицитный образ. Фактически, мы с тобой примешиваем зависть к жажде справедливости, составив из них вечно мятущуюся амальгаму. Да, я в некоторой степени завидую жизни этого адожителя, страстного деспота, отрекшегося от правды, любви и мудрости. Но в глубине души, в самой-то человеческой сердцевине мы сознаем, что

метаморфоза, преобразовавшая Шлафмунера в скелет вселенской лжи, определенно ужасна. Эту неправду нам полагается прежде разрушить из осознания ее безоговорочной грязноты, будь мы любой веры, убеждения, цвета кожи и разреза глаз. Это этический универсум. Но по факту борьба наша мелочна, как тот сев, из которого мы проросли; он пал не от нашей руки, не вследствие вознесенной кары, а в кровати ясноликой любовницы, как в самом терпком альковном сюжете. Право, довольно кривотолков. Да будет навеки проклято имя Шлафмунера, епископа Флейшвольфбуржского.

— Поэтому я разорвал останки, выпотрошил могилу и ушел с ценными вещами, чтобы продать их на черном рынке еще большим негодяям. — вырывается из моих уст. — Я мщу, будто природа моя стервятничья.

— Ты расхитил могилу, чтобы получить чеснок. — монах наклонился ко мне, прошептав это слегонца безумно.

— Но я простой продавец, святой отец. Негоже мне вплетаться в великие дела.

— О, сын мой, не тревожься непомерно, ибо кто до осуществления попытки убеждается в ее несостоятельности, тому почти всегда сопутствует неудача. Держи этот мешочек с серебром, что был обещан стариком; он твой, расточай его по собственному усмотрению. Не забудь отнести драгоценности старику у криницы на площади, а оный обязан указать в ответ, где был спрятан мешок чеснока.

— Мне нужно знать, где его после этого сбыть.

— Направляйся в «Адерласс-салон», что на улице Швайнефармской. Покупателем выступит паб, вложенный в цокольный этаж свиноводческого хозяйства. Обратись с прямым предложением к бармену. Он введет тебя в курс дела. Благословляю на продажу чеснока, и пусть Господь благоволит тебе, коль он на стороне подлинного Добра. А теперь лобызай крест во спасение души. Вместе мы во что бы то ни стало спасем графство от съедения.

V

Клирики уложили меня на неудобный холщовый сенник, перед этим угостив остатками рыбной похлебки отменного вкуса, несмотря на ее остылость. Сначала я скромно отказывался, но учтивые священники убедили меня также употребить несколько пинт крепкого монастырского пива в качестве действенного успокоительного. Кто я такой, чтобы перечить профессионалам врачебного дела, да еще в случае безвозмездного предложения? От первоклассного снадобья не отказываются. Стало быть, я в минуту уснул, растворился в волнах хмельного блаженства, словно нежась во дворце на парчовой кровати. Общеизвестно, что сон алкоголика чуток, усечен и тревожен, — этим недостатком воспользовался блуждавший во тьме дух кошмара, — он заявился нежданным гостем к моему вгретому, беззащитному подсознанию. Морок постучался с щедрыми гостинцами, недвузначно предлагая мне взглянуть на лихорадочный поток мыслеобразов; я был пьян даже там, так что без промедления окунулся в купель безумия.

— Стоять! — эхом разлилось где-то в темноте.

Вокруг дивным красками расцвела городская ратуша. Я почему-то стоял в очереди за осанистым господином в старомодной меховой мантии, который как раз проходил проверку благонадежности. За мной, кажется, также вилась вереница посетителей разных сословий: некоторые были невзрачными обывателями, а другие показались мне обладателями нечеловеческих пропорций и жутких скрюченных гримас; были в очереди и дикие звери со взъерошенными гривами. Лакей перегородил дверной проем своей высоченной, почти недвижной, словно фанерный лист, долговязой фигурой; он разворачивал по собственному усмотрению лица, нежелательные в этом месте.

— Нет, на сегодняшнем мероприятии есть определенный ценз. Только обладающие живым физическим телом в радиусе сотни миль от Флейшвольфбурга могут стать посетителями просветительской акции.

— Полноте, Виктор: приглядись, я же из плоти и крови, и дух мой людской!

— Не тот запах, и платье лет на двести устарело. Вечеринка для мертвецов будет в следующую пятницу на полнолуние.

— Черт с тобой, Виктор. — дух в старинной зимней мантии резко взмыл над землей и тотчас растворился в тумане сновидения.

Мне скомандовали подойти поближе, и пред мои очи предстало изуродованное трехметровое чудище, сшитое из несоразмерных кусков плоти. Виктор был безносым и беззубым, а на голове у него отсутствовала какая-либо растительность, что безобразно подчеркивало не в меру выдающееся надбровье. Признаться, на лакее все же хорошо сидел грифельный фрак, кричащий тайноведением и мрачной тонкостью. Виктор провел мне пристальнейший наружный осмотр, после чего наклонился и по-цензорски вдохнул эфир двумя черными, как смола, носовыми отверстиями. Зловоние, источаемое моей блеклой алкогольной аурой, воспалило в лакее извращенную симпатию.

— Аромат как надо, смердишь отвратительной бездомностью. Занимай место в зале слушаний, человече.

— Дарю Вам благо! — что-то щелкнуло, и в следующий миг я уже сидел на неудобной деревянной скамейке.

Кажется, здесь собралась добрая половина города: мы теснились, как маслянистые шпроты в консервной банке. Слышалась привычная возня толпы, хаотично поднимались всполохи энергии; зрители то и дело неуклюже воспаряли над местами или проваливались под землю. Услужливый Виктор, не выказывая раздражения, с видом самого терпеливого на свете чудовища возвращал гостей на места, материализовывал дополнительные сидения и вежливо консультировал живых по вопросам управления астральной проекцией. Сосед по левую руку, пытаясь опробовать ограничения наличной реальности, случайно ткнул меня в бок; было неприятно, между нами прошел разряд фиолетового тока. Где-то я его точно встречал: уж больно знакомо это ехидное лицо, изборожденное морщинами. Сосед мгновенно извинился и добавил, что ему непривычно сидеть в судебном зале на местах для зрителей, поскольку до этого он присутствовал здесь только в качестве ответчика или подсудимого.

— Понимаю Вас, мессер, иначе в этом городе не обрасти богатствами и связями. — машинально ответил я.

— Помни, сынок, что побег от кредиторов — славное состязание. Я жил под шестью разными именами в десяти городах, ухарски сбегал из темниц дюжину раз. Не бойся запятнать честное имя, ибо всегда можно сменить его, как грязные портки. Не гложь себя, если обманывал многих людей и притом страшишься потерять кажущееся благорасположение некоторых из них — людей на свете несметные орды, так что всегда останутся верные друзья, и найдется с кем выстроить доверительные отношения. Мотай на ус: стыд — не дым, глаз не выест.

Что-то щелкнуло. Лакей внес на сцену переносную трибуну и суетливо ушел в подсобку. Вскорости он вынес бледную голову старика, крепившуюся на низкой шее с удивительно ровным обрубком ключицы в основании. Зал замер в тревожном ожидании. Виктор долго и трепетно усаживал голову на трибуну, озаботившись, чтобы та ненароком не упала на пол. Лакей угловато поклонился, обратившись к зрителям, и вмиг испарился. Поначалу голова глядела в безмолвном сосредоточении в пустоту над гостями, не двигая широко раскрытыми глазами; мне стало не по себе. Однако спустя известное время, обратив на себя растерянные взоры посетителей образовательной акции, голова вдруг ожила. Плешивая старческая голова обнажила ряд ровных, ослепительно сверкающих зубов, после чего не постеснялась ошарашить зрителей нечеловеческим бархатным голосом:

— Трепещите, уязвимые! Вопите громче набата, ибо морок опутал ваши сны сетями сладкого наваждения. Я внушаю ужас в сердца, лишь столкнись со мною во тьме ночи; я холожу кровь в жилах при одном неосторожном поминании; я обращаю в бегство храбрейших и подвигаю наложить на себя руки самых трусливых, коль они легкомысленно бросят перчатку в мою сторону. Лишь от одной моей улыбки люди сходят с ума, а от жуткого смеха теряют дар речи; мое гиблое прикосновение отнимает конечности, навечно приковывая к постели. Я насылаю темные чары и волхвую первородное зло...

— Боимся! — слышится выкрик с галерки. — Да только зачем собрал, неужели ради наложения проклятий? Мы люд рабочий, времени свободного мало, — так хоть дай во сне погрезить, отпочить! Не занимай нас волшебной придурковатостью!

— Молчать, козлопас, не чини препон! — зал покрывается некой плотной удушливой завесой. — Пожалуй, продолжим. Я летел тучей саранчи над сим гиблым краем, Гроссшмерцляндией, в полете обозревая захудалые селения,

иссохшие нивы и помойные ямы, что Вы их называете городами. Я нежно перешептывался со спящими ведьмами, приходя к ним как обольстительный инкуб. Я жарко сплетался эфемерными оболочками в объятьях мрака, разряжая пространство выбросами пылкой любви, сходясь с рыжими смутьянками. К некоторым колдунам, по правде говоря, я тоже наведывался в образе субтильного инкуба. Впрочем, ведьмаки чаще влеклись к призракам изгибистых дам с монструозными ягодицами, но не об этом речь. В ходе ярких магических упражнений я разузнал о вашем графстве несметное множество гадливых подробностей, из-за чего мурашки пробежали несколько полумарафонов по моей ужасающей энергетической коже. И вот, наконец, паря над хмурым замком, я столкнулся лицом к лицу с темным лордом сих кровоточащих земель, нечаянно вступив в лужу его липкого сновидения! Я — ночной кошмар, дух морока — устрашился сам! Видит Господь, что так не может продолжаться вечно, это поворотный момент моей духовной эволюции! Несмотря на принадлежность к роду нечистой силы, в сравнении с Вашими порочными дворянами я миленькая серафическая сущность, машущая перистыми крылышками. Внемлите, бедные жители Флейшвольфбурга, моему честному наставлению! Не слушайте владык ночи, сопротивляйтесь их гнусным приказам! Разбегайтесь кто куда, бросайте курные хатки и обжитые квартирки, ибо грядет страшный суд! Он завершится съедением грешников и праведников без разбору! Грядет великий блот нечестивцев! Вы сгинете в муках и корчах, и никакая молитва не убережет Вас, глупцы! Господи, прости меня и забери к себе, ибо только здесь я понял, что значит отпасть от Твоей божественной воли!

Экзальтированному старику не дали кончить исповедальную речь. Выступление оказалось брутальным образом сорвано вторжением незнакомцев. Зрителей обступили темные вытянутые фигуры в длинных плащах с готическими зубчатыми краями. Они так смело и энергично влетели в зал заседаний, что я не решился оказать противодействие; к тому же я не мог разобрать их лиц из-за магических капюшонов. Виктор вступил с ними в ожесточенную схватку, но астральные захватчики, как умелые хищники, окружили его со всех сторон, закрыв от толпы извивающимися телами. Через считанные секунды чудовищный лакей рухнул на посетителей, весь искусанный и окровавленный; на теле у него зияли глубокие раны от клыков. Незваные гости, по-змеиному крутясь в надземном эфире, с наскока добрались до говорящей головы; решительно сняли ее с трибуны, несмотря на защитные заклятья. Игнорируя ярое негодование кошмарного духа, один из захватчиков упрятал старика к себе под плащ, словно непослушную собачку.

— Вы хотите спать. — магнетически произнес лидер вторжения. — Вы очень устали от бестолковых бесед. Род Лихтхерштеллеров стоит на страже Вашего покоя и благополучия. Когда я досчитаю до трех, Вы забудете произошедшее и вернетесь в локальные миры сновидений. Настанет утро. Вы хорошо выспитесь и пробудитесь в мажорном настроении. При умывании Вы смоете последние капли несуразного видения и улыбнетесь грядущему дню. Да будет так. Раз, два...

VI

Позабыв о нелепом кошмаре, я доспал крепким безмятежным сном на подсобной койке до самого утра. По рассвете я незаметно покинул пределы церкви через изобильный винный погребок. Алкоголь принципиально не заимствовал, потому что не вижу себя крадуном, хоть мне нетрудно это совершить, случись я пленником аффекта клептомании. Я чудаковато размахивал мешочком с ювелирными украшениями покойного епископа как беззаботный, резвый ребенок. Мешочек был грязен, в пятнах, от него несло разложением и полновесной городской десятиной. Знаете, а ведь мошну с приватизированным серебром я крепко-накрепко привязал к поясу, ибо уже познал теневую сторону мещанского общества. Выполз я из потайного лаза, привычно испачканный с ног до головы; внове были только несколько оробевших пауков на одежде, которые потянулись за мной вместе с их мастеровитыми сетями. Паучков я из жалости сдул в траву чьего-то сада, извинившись за нанесенный ущерб их ткацкому производству, а после этого перелез через невысокую изгородь, исколовшись усохшими ветками. Я оказался на улочке невдалеке от площади. Кстати говоря, а хозяин сада не притязает на восстановление нерушимости своего права собственности, нарушенного церковниками? С другой стороны, достойно иметь задний двор, напрямую сообщенный с домом Божьим, откуда можно своевременно и без толчеи у дверей получить необходимые священнические услуги. Настроение было радужное и полное крылатой надежды. Вера в успешную сделку надолго поднесла меня над дырой обыденности. Неожиданно я услышал крик о помощи, откуда-то зычно сыпалась грозная мужская брань. Кажется, кричали со стороны переулка; я из праздного любопытства направился в жерло происшествия, чтобы воочию наблюсти дивную сцену схватки.

Шатия ротозеев столпилась вокруг отчаянного сражения плотного бюргера против загорелого оборванца. Действо имело место на брусчатке у цоколя трехэтажного дома с вывеской «Ростовщик». Оборванец, хоть и был мускулист, тщетно пытался сорвать кошель с пояса лощеного толстяка. Жертва была одета в двое разноцветных шосс внахлест, а нападавший, тщась отчленить деньги от пояса, по случайности стянул только верхнюю пару. Так они и ворочались в пыли, плюясь да яро кляня друг друга. Лишь иногда, собрав энергию в единый наступательный кулак, стороны осыпали друг друга слабыми ударами или проводили неудачные попытки известных борцовских захватов. Впрочем, неумелые приемы тут же трансформировались в инстинктивные сковывающие объятья, а они не наносили значительного урона. Было ясно, что это война на истощение; победный натиск будет неожиданным и предельным.

Я без промедления присоединился к команде наблюдателей. Для меня оказалось странным обнаружить так много зевак, и пальцем не пошевеливших, чтобы помочь согражданину в беде. Я спросил у филонящего ближнего:

— А почему Вы не разнимете их и не схватите разбойника, чтобы потом передать в руки правосудия?

— А я должен? Ты еще молоденький, не уразумел, что такое гражданское общество. Знаешь ли, мы передаем наше право мстить, то есть вручаем важнейшие правомочности естественного состояния, в котором боремся все против всех, в пользу легальных властей. Это жизнь по рассудку, векование по

ученому расчету. Графу мы уплачиваем налоги и сборы, подчиняемся его требованиям и нормативным установлениям, то есть действуем во всем в связи с законами общества. Сейчас правонарушитель посягнул на имущество и здоровье этого милого толстячка, мухи не обидевшего соседа. И ведь по факту он позарился на собственность такого достойного человека, что сколь не вкапывайся, все одно не найти, чем его охулить. Ну и что ж, что сосед сумел сколотить хороший капитал, барышничая при ломбардах? Правду говоря, я честен перед самим собою, поскольку читывал одного философа, и он постановил в качестве твердой геометрической истины, что для человека высшей и первой, многажды превосходящей все прочие добродетели, есть стремление сохранить свое существование. Я разумный эгоист, я рационален. Если ты искусен в философии, то возьмешь в толк. Мы уже выкликали стражников, и они оценят, квалифицируют данный случай на предмет юридического факта, предполагаемого нарушения. Они правоохранители, а не я. Мы можем только стоять и смотреть, как избивают наших братьев и друзей, насилуют женщин и унижают стариков, ибо если ввяжемся в побоище, то превысим меру необходимой самообороны. Я не хочу сидеть в темнице несколько месяцев за то, что нечаянно надаю тумаков грабителю; этот-то грабитель, сидя в той же камере, спуску не даст. Истинно так, я вручил эти полномочия государству, взамен оно защищает меня. Знаешь, в гражданском обществе имеются свои неоспоримые преимущества...

Я отвернулся от говоруна-правоведа, он был мне совсем неинтересен. Следующий собеседник с ходу заявил:

— Ставлю грошениал на зеленые шоссы. Он жирный, в нем живого веса много, а дури станет от страха и в доходяге; зеленый в фаворе. Нет, в грабителе мышцы тоже сеченые и крепко спаянные, как корабельный канат, но нападать в разы сложнее, чем отбиваться.

— Ставлю пять грошениалов на разбойника. — я слежу за тем, как нападающий вынимает из набедренного кармана брюк небольшой зазубренный нож. — Потому что он сейчас пырнет борова раз пятнадцать, отрежет кошель и сбежит.

— Я так не играю. — собеседник стал по-детски кукситься. — Бесчестный поступок.

Долго ждать не пришлось. Истекая кровью, тучный бюргер потерял сознание и беззащитно распластался по земле. В нем больше не осталось духа естественной борьбы после нескольких десятков ударов ножом в туловище. Теперь он спорадически кашлял, рефлекторно двигал конечностями, — медленно колел. Шоссы толстяка пропитались неровным пунцовым красителем. Нападавший срезал кошель, вытер лезвие об одежду жертвы, приподнялся и стал лихорадочно резать воздух перед толпой, прикрикивая:

— Кто сдаст меня, того так же заколю! Торгаши трусливые, стервой распухнете раньше срока. Стадо говорливое, трясущееся, копеечное.

Убийца, кончив наскоро сложенную речь, что было мочи ринулся наутек. Стражники, как обычно и случается, явились уже после свершения непоправимого. Они погремушкой ввалились как раз в тот узенький проход меж домами, через который убийца умышлял скрыться, тем самым расстроив его злодейские планы. Обнаружив вооруженного мужчину, могуче сложенный гвардеец безапелляционно перегородил путь преступнику. В этом стражнику была помощницей острая алебарда. Злодей принял кроткий вид и смиренно застыл, отделенный от гибельной иглы расстоянием одной ладони.

— Бросай кинжал сейчас же, не то проткну, как бычий пузырь.

— Это ж беглец, — во всеуслышание просвещает насупившийся напарник гвардейца, — который надысь умыкнулся с темницы!

— Еще одного загубил, бесталанный? Брось нож, да поживее.

Убийца мыкался глазами; он не хотел лишиться последнего средства обороны. Наконец, кончив думать, грабитель наспех совершает нервное, угловатое движение, то ли намереваясь каким-то чудом приблизиться к стражнику и вступить с ним в поединок, то ли развернуться и улизнуть другим проулком.

— Не палачом я шел на службу, видит Бог!

Стражник ставит ноги шире; лихо, заправски, со всей тренированной тяжестью служитель правопорядка возносит оружие, метя наточенным полумесячным лезвием в плечо беглеца. Грузно пало порубленное тело.

VII

Мы, цокая да нараспев судача об дерзком смертоубийстве, с интересом обступили ликвидированного разбойника. Гвардеец долго возился с алебардой, встрявшей в лопатке неудачливого мертвеца, пока с хрустом и кровавыми брызгами не вырвал орудие справедливости из теплой плоти. Стражник склонился над телом, срезал ножом лоскут ткани с латаных бридж оборванца; поднявшись, он взялся оттирать лезвие трофейной ветошью. Престижно служить графу, гордо быть проводником закона.

— Нехорошо случилось. — говорит его напарник. — Теперь надо чистить тут все, выдраить кровь и спрятать кишки обратно, покойников на возы грузить. Во всеоружии с таким не управишься. Надо бы вертаться в управу, переодеться и подмогу позвать.

— И то правда. — могучий гвардеец погремел блестящим латным доспехом. — Толпу сначала надо разогнать. Они при драке руки в брюки, а кармашки почивших в бозе, только волю дай, втихомолку обследуют. Крысиное племя.

— Показываю единожды, как это делается. — напарник подходит к очевидцам. — Кто желает выступить свидетелем и пройти бесплатную консультацию у гвардейского душеправа?

В два приема я остался единственным очевидцем борьбы, стоявшим около вывески «Ростовщик». Бессовестно удрал и тот парень, который должен мне пять грошениалов, побившись об заклад; честно сказать, крысиное племя и есть. Мне знакомо, что люди имеют тягу обтяпывать друг друга, а потому я пожал плечами и согласился на прием у гвардейского душеправа. У нас явно будет про что пообщаться: я расскажу, что такое гордое одиночество перед лицом врага. Гвардейцы остались равнодушны к грязному и вонючему мешочку в моих руках, несмотря на то, что украшения епископа бряцали при ходьбе. Возможно, они посчитали меня не от мира сего, но даже в самых суровых законодательствах не предусмотрено беспричинных гонений на людей с приветом. В придачу мне пришлось рассказать про встречу с гвардейскими вербовщиками, хоть и в усеченном формате. После этого мы двинулись к офису стражи, не проронив ни слова.

Управой называлась высокая каменная пристройка, сообщаемая с крепостной стеной несколькими внутренними переходами. В ней располагались казармы, арсенал, подземелья с мягко оступившимися горожанами и кабинеты гвардейских служащих. Управа была огорожена от улицы двухметровым укреплением с бойницами и зацементированными ржавыми штырями наверху. Мы встали перед облупленными воротами. От ворот донесся скрип. Из специального выдвижного отверстия нас сканировала пара раскрасневшихся карих глаз.

— Открывай!

— Задохлика зачем приволокли? На нем живого места нет, лишние бумаги на завтрашнего покойника оформлять.

— Типун тебе на язык! Это ж свидетель.

— Прошу прощения, он мне показался городским сумасшедшим. — послышался язвительный голос постового.

— Одно другому не мешает. — могучий гвардеец подмигнул мне, бросив злорадный смешок.

Отворили дверцу в воротах. Мы прошествовали через грязноватый внутренний двор, усеянный ящиками, тюками и оружием. Что-то явно затевалось. Мы вошли в прохладное сырое здание. Гвардеец вел меня извилистыми коридорами, пока мы не уткнулись в закрытые порепанные двери с пустой кривой табличкой. Это оказалось крайнее помещение, идти дальше некуда. Стражник пропустил вперед, тем самым преграждая путь отхода.

— Сначала обязательная консультация у душеправа. Мы должны выяснить, вменяем ли ты, а если нет — получишь необходимую помощь — после чего сочтем тебя способным свидетельствовать. Не переживай, это только условность. Душеправ наш — славный дедок. Он душевные страдания лечит заговорами да не абы каким внушением. Я обожду в коридоре.

Меня протолкнули в душную каморку, где горела одна-одинешенька свечка, поставленная на столе при несметных грудах бумаг. В углу грелся чайник на углях миниатюрной жаровни. Было слишком жарко и душно, хотелось открыть окно, которого здесь не прорубили. За столом, склонившись над учетной книгой, сонно сидел пожилой мужчина. У него были высокие сухие скулы и пристальные карие глаза; от него веяло дисциплиной и дотошностью. Сначала он игнорировал меня, занятый степенным заполнением журнала, но через какое-то время с отвращением внюхался. Дело в том, что пропитанная тленом мешковина, равно как и хранившиеся в ней драгоценности, отдавали невыносимым мясным душком. Старик, пронзив меня испытывающим взглядом, барственно махнул рукой:

— Присядь. Кто таков, что стряслось?

— Спасибо. Не знаю, кто я.

Я воспользовался щедрым предложением взять дополнительную опору, поскольку в тесном кабинете стояла невыносимая духота.

— Вызывающий ответ. Сынок, ты знаешь, куда попал?

— Да, на проверку вменяемости. Я вполне адекватно воспринимаю мир.

— Тогда ответь, как тебя звать.

— Мне отшибло память, господин. Не могу знать.

— Нет проблем. — старик сменился в лице, демонстрируя легкое волнение. — Что у тебя в мешочке?

— Костяная мука. — я злоумышленно соврал, поскольку это мешало бизнесу чесночника.

— Что? А зачем тебе этот реагент?

— Я садовод. Хочу вырастить тюльпаны, они имеют чудесный спрос. Кто-то радует благоверную или матушку, а другому нужно чествовать столоначальника. А какие чудесные ароматы они испускают!

— Знаешь... — душеправ смутился, задумчиво двигая челюстью. — Ты куда-то спешишь или не против выслушать одну поучительную притчу? Она напрямую не затрагивает твой случай, но тюльпаны напомнили мне историю из детства; отец рассказывал это несколько раз на застольях.

— Прошу, господин. Я предоставлен самому себе, и никто не ждет меня возле семейного очага или в пыльной конторке. Но прежде позвольте приоткрыть двери и впустить свежего воздуха.

— Конечно. — старик легко согласился. — Между тем я заварю чай.

Когда я приоткрыл двери, то рослый стражник, бездумно ждавший за ней, взглянул на меня с неприкрытым негодованием, поскольку я терял драгоценное время оплачиваемого простоя. Негоже служивому человеку напрягаться и хлопотать по пустякам — я это явственно осознавал. Душеправ,

приняв во внимание кислую мину стражника, пригласил его войти, чтобы служитель закона тоже смог послушать нотационную притчу. Стражник присел на скрипучий табурет рядом, едва не надломив хлипкие ножки. Нам разлили приятный ромашковый отвар и подали причудливо расписанное блюдце с маковыми сушками. Старик, собравшись с духом, начал заплетать моральные словеса, как и требовалось казенному витии.

VIII

В одном несопредельном государстве, у граждан коего в жилах текла чужая нам кровь, и во времена, неизмеримо отдаленные от настоящего, путешествовал некий благородный человек. Он был легкомысленный рантье, расточавший отцовское наследие весело и бессовестно, и оттого задался амбициозной целью осмотреть все пределы цивилизованного мира. Его пылкая натура, мучимая непостоянством и охотой к впечатлению новых мест и знакомств, живо устремлялась к кочевому образу жизни. Этот искрометный душевный порыв едва ли представлялось возможным заглушить учебой, интересами или куртуазными развлечениями. Ради осуществления столь непрактичной мечты молодой человек отказался от многих мастерских и земельных участков, доставшихся по наследству, в пользу их денежного эквивалента, который представится с удобством употребить на нужды долгожданного путешествия. Благородный не только на словах, он произвел несколько невыгодный обмен с младшими братьями и сестрами, изначально обладавшими более скромной долей в завещании усопшего патриарха семейства, дабы мочь посвятить остаток жизни комфортным странствиям. Родственники сочли его желание оголтелым вздором и сумбуром незрелого дитяти роскоши, посему всячески отговаривали от безрассудной жажды приключений. Они сетовали на возможные болезни, грабежи, хищения и прочие опасности, которые подстерегают неопытных, избалованных достатком, беспечных тепличных авантюристов. Родственники отдавали себе разумный отчет в том, что по собственной воле в далекий поход отправится лишь вертопрашный безумец, хитроумный должник или безнадежный нищий. Но благородный человек был непреклонен: добровольно отвязавшись от сытого дома, и не стремясь когда-либо возвратиться к огню родных пенат, он снарядился в морскую экспедицию на быстроходной яхте. Ему тогда едва исполнился двадцать один год — молодой человек пересек черту совершеннолетия и был волен распоряжаться судьбой самовольно — однако предупредительная мать все же уговорила взять с собой некоего верного слугу, заправского моряка, способного изворотливо разрешать трудности в сношениях с чужеземцами и сведущего в навигации. Тогда молодой рантье составил множество вычурных векселей и бережно забил сундук монетами, а также упаковал немало одежды и парочку любимых книг в довесок. Юноша нежно простился с матушкой, и уверенно двинулся в путь, как он полагал, длинною в жизнь.

Не успел молодой рантье добраться до гавани, где его ожидал помощник с легким и быстрым судном, как на его пути объявились замысловатые истории. Он ехал неторопливо, утонув в мягком сидении кареты; он мечтательно вкушал свежесть приближающегося взморья, как первого указательного столба на дороге к полновесной жизни. Вдруг у приоткрытого оконца послышался докучливый шум и базарная трескотня: экипаж въехал на околицы портового городка, где осуществлялась торговля со всех ветров и морей. С утра хлестал обильный дождь, а от берега тянуло привычной влажностью, так что на улице блестели свежие лужи, а прохожие вынужденно утопали в весенней слякоти. Юноша потребовал остановить экипаж, и покуда кучер с охраной остались на страже имущества, он стал бродить между торговых рядов, неопрятно пачкая сапоги из нежной телячьей кожи в грязи людного места. Молодой рантье был одет изысканно и цветисто, чем не

преминул возможностью похвастаться, собирая на себе раздраженные взгляды рыботорговцев и бакалейщиков, одетых в засаленные рабочие лохмотья. Юноша, восприимчивый к диковинкам, остановился у хлипкого лабаза с мешками, набитыми некоей белой сыпучей субстанцией. Продавец был румян, упитан и нахален.

— Что Вы продаете, сударь? Это какие-то заморские приправы? — молодой рантье добродушно улыбался.

— Костная мука, дружище. — лабазник приветливо развязал узел на мешке под навесом, демонстрируя порошкообразную смесь. — Самое лучшее удобрение или достойная прикормка для скота и птицы, если харчуются бедно.

— Костная? Это толченые останки? — недоумевал парень; он подошел поближе, вглядываясь в сероватую пыль с разнородными черными и коричневатыми фракциями.

— Да, перетертые. В них много питательных веществ, будет хорошим подспорьем в повышении урожайности.

— А откуда у Вас так много костей?

— С материка. У меня свои поставщики. Качество отменное, покупатели не жалуются. Уже второй сезон длятся поставки. Ко мне возвращаются довольные клиенты, мол, репа уродила как надо. Почва обогащается, отменно жиреет.

— А где они так много костей отыскали? Не думаю, что костедобытчики скупали у животноводческих хозяйств: слишком много мороки ради бросового товара. Небось подворовывали кладбища или промышляли как трофейные команды?

— А шут его знает. — слегка раздраженно ответил барыга; глаза его нервно забегали. — Ты брать намереваешься, господин щеголеватый? Я отпускаю мешками. Уверяю, это полностью законно, у меня есть все бумаги.

— Нет, сударь, я не землепашец и не свинарь. Благодарю за справку о костях. Будьте здоровы!

Юноша осмотрел все прилавки до последнего, смущая торговцев чудаковатым поведением, но в итоге приобрел разнообразный шанцевый инструмент, дополнительные снасти, припасы длительного хранения и несколько безделушек, включая экземпляр популярного сентиментального романа, после чего сел в карету и помчал в порт. Там он попрощался с верными слугами семьи, тоскливо глядя вслед бордовой кареты, будто это был замогильный перевозчик, а он сам уже пересек границу удела вечного покоя. Затем он познакомился с нанятыми моряками: те оказались матерыми мореходами, и молодой рантье заключил, что команда из четырех человек, включая его самого, сможет справиться со всеми невзгодами, всплывающими из темноводных пучин. Они сели ужинать, яхта приятно качалась на воде; немного разгоряченный вином, рантье в подробностях изложил произошедшее за сегодня, включая подозрительный разговор с продавцом костной муки.

— И тогда в его глазах заискрилось недоверие, и между нами словно возникла стена: торговец явно знал намного больше о поставщиках, чем сообщил мне. — с горечью выпалил юноша.

— Они торгуют останками людей. — мрачно отрубил матерый помощник, звонко бросив вилку в жестяную посудину. — Шныряют, точно гиены, полями сражений гремевшей лет так пять назад распри королей. Ваш покойный отец в то время снабжал войско оружием, я перешел к нему на

службу из флотских снабженцев; шла молва, что непреданных земле павших негодяи из местных грабили до нитки. Когда с тел несчастных было нечего стащить, и по степени тления они обратились в скелеты, их кости стали молотить для продажи в виде удобрения. Вот так и служи великим идеалам и самым благородным на свете людям, чтобы потом тебя ограбили и перетерли в пыль. Впрочем, многие из товарищей вернулись домой, но не на кладбище, а в оранжереи лендлордов как питательная среда экзотических растений. Прекрасная острастка для тех, кто метит в герои. Тошно, что теперь их незавидная кончина воспета в велеречивых поэмах, а каждый третий трактирщик считает долгом вывесить полковые флаги да иные военные аксессуары, чтобы пьяницам было где поразвлечься с удобством и флером нравственного возвышения, если их вдруг посетит опустошенный одиночеством ветеран.

Пораженный досужими байками, на следующее утро непоседливый рантье отправился на пригородный рынок вместе с командой и без замешек выкупил весь ассортимент у бесчестного торгаша. Следом он приказал жестко поколотить торговца, чтобы он впредь не принимал участие в расхищении могил и не барышничал кощунственными вещами; стражников он одарил щедрыми взятками, дабы экзекуция осталась незамеченной. Наняв несколько повозок, они перевезли костяную муку на кладбище. У смотрителя юноша выкупил достаточное количество смежных участков под братское захоронение. Молодой рантье воспользовался услугами копачей, не гнушаясь помогать в рытье глубокой могилы; также был вызван священник. Как только отправился традиционный похоронный ритуал, они шустро зарыли яму, наполненную измельченными останками солдат. Команда не бросалась напускными сантиментами и причитаниями, выдерживая правдивую дистанцию, а в дальнейшем отправилась проводить досуг по своему усмотрению. Оставшись наедине с молчаливым обществом мертвецов, молодой человек прикопал на могиле несколько дубовых желудей и высеял мака без счету. Рантье долго не мог совладать с чувствами, рыдая в три ручья над рыхлой насыпью. Ему было дурно от землистого запаха, смешанного с мучной пылью, и невыразимо болело за людское безразличие. Вечером, вусмерть пьяные, они отплыли на материк. В тех краях моряков больше не видели, а их благородные имена затерялись в безбрежных песках времен. Такую историю мне рассказывал отец, а ему дед, да будут упокоены их бессмертные души. Правда ли – неизвестно.

IX

— Экий сердобольный бонвиван! — воспламенился стражник.

— Не злопыхайте, господин, поскольку я склонен счесть, что герой притчи исполнен благородства. — в пику отвечаю я. — Молодой человек не в ответе за то, что пророс от дворянского семени, каким бы низкорастущим и тенистым оно не указывало прозябнуть по начертанию природы. Безусловно, достойнейший поступок толкнул наследника к солнцу, прямиком к невиданному цветению.

— Извольте, если бы желторотый мироед вырос в обществе пронырливых горожан Флейшвольфбурга, — служитель закона хрустко жевал бублик, сев на своего циничного конька, — он бы побил базарного пройдоху, чтобы самому торговать костями: богатырь всегда становится на место поверженного змия. И поплыл бы он с командой не в качестве пытливого исследователя, а на проведение деловых переговоров с трофейщиками. А если бы он сделался достаточно рассудительным и обладал мертвой хваткой, то обзавелся почетным чином воротилы, обернулся в склизкого спрута костяного бизнеса. Уверен, что отпрыск аристократической лозы связал бы пульсирующими щупальцами рынок осквернителей могил до последней раскуроченной беззубой черепушки, не пропустив лакомые чумные гробницы! И к бабке не ходи, будь эта проповедническая повесть хоть слегка правдой, рантье прибрал бы к рукам добычу драгоценностей из древних курганов, вываривал на местах легендарных захоронений селитру и промышлял иными отвратительными ремеслами. Пуще того, он бы не погнушался продавать невостребованные останки сумрачным религиозным культам. Что, между прочим, выгодно: какое-то время у нас выкупали одиноких мертвецов, испустивших дух в тюрьме, дабы нарезать из них магические четки; нам же меньше трудностей с захоронением.

— Офицер Цухтштир, Вы меня не перестаете удивлять, причем не с положительным зарядом. А что возразит уважаемый субъект освидетельствования?

— Меня глубоко тронула эта притча. Заиграла на проржавевших струнах души, так сказать. — из психических внутренностей неожиданно вырывается честная похвала. — Я бы поступил точно так же, имей я деньги и влияние близких, как иммунитет от возможных преследований, и как гарантию неприкосновенности братской могилы от повторного ограбления или эксгумации. Быть частью элиты — невероятное везение и одновременно надсадная поклажа — нужно действовать, спрашиваясь с ориентиром добросовестности и личного мужества в отстаивании исповедуемых идеалов. Но так живут единицы, а большинство мешается в грязи привилегий и сопутствующих им временных удовольствий.

— А я так не считаю. — оппонирует стражник. — Во-первых, все сущее в этом мире, если брать во внимание темпоральность, конечно и шатко, хоть усматривай удовольствие, хоть страдание. Другое дело, что можно надцать лет спать на шелковом белье или драть спину циновкой.

— Речь шла не о насыщении чувственных потребностей, а о чем-то высоком, трансцендентном. — вмешивается душеправ.

— Вы подметили, что вопрос преходящности чувственных удовольствий некорректен. — я элегантно ощетинился. — Первая посылка верна, однако мною имелась в виду необходимость практики достижения отсроченных

результатов. Нужно соблюсти тонкий баланс между изнеженным потреблением и стойкостью аскета.

— Извольте, я не могу ухватить небеса. Но если мои предки из кожи вон лезли, чтобы выползти из черной нищеты, то я обязан гнуть ту же линию, поскольку почтительно наследую свой род. Каждый мещанин на то и живет, чтобы расправить плечи и наслаждаться богатством! Я хочу вкушать отборное фермерское мясо и весело охотиться, носить яркую одежду и жить в теплом доме с несколькими каминами, а также удовлетворять все прихоти жены. Лучше бытовать, не снедая себя мыслью, где достать на зиму дрова или бобы. Если для этого придется кому-то отвесить подзатыльник иль потрудиться владельцем предприятия, управляя маленькими людьми, — что же, будь добр, исполняй — но не беги в заморские края, где жизнь ни на йоту не отлична по содержанию! Местные мандарины если не осудят, то точно посмотрят как на чудо.

— Мнение имеет под собой твердокаменную опору. Позиция! — соглашается открытый новому старик.

— Ладно, не будем легкомысленно ломать копья. Господин душеправ, что насчет моей адекватности, подтвердилась? — я не стал перечить служителю закона из опасения мелочной расправы, а потому решил мягко прекратить дискуссию.

— Ты можешь быть свидетелем, безусловно. Давай выдумаем тебе подходящее имя, дадим справочку о вменяемости и отправим к следователю. Офицер Цухтштир, не возражаете?

— Никак нет. — индифферентно ответствовал стражник; он взял несколько бубликов на будущее. — Я подожду в коридоре.

— Поскольку ты чудаковат и наивен, но при этом кажешься честным и проницательным человеком, я нареку тебя Фридрихом Кукуксхаймом. Господин Кукуксхайм, вот так и запишем...

— Премного благодарен. Разрешите идти? — я с гордостью принимаю из рук душеправа бумагу о вменяемости.

— С Богом. — отмахнулся старичок, забивая красивую резную трубку.

Меня вели запутанной сетью коридоров, покуда я не угодил в просторный кабинет следователя. Внутри было накурено и пахло жареным мясом; мне стало завидно, поскольку я давно не кушал богатой на протеины пищи. Мы со стражником встали у порога, как бедные родственники. Следователь, непристойно плямкая, с настойчивостью гурмана столовался на рабочем месте. Нарочно не замечая присутствия посетителей до того, как был съеден сочный кусок свинины, он наконец махнул рукой, мол, впускай. Я вошел и тут же сфокусировался на тарелке, в основном наполненной чечевицей; рядом на столе лежало вареное яичко в скорлупе, такое полезное и питательное. Этот служитель правопорядка носил не доспех, но хорошо сидящий мундир с яркими эполетами; я не интересовался лицом, мне было уверенно наплевать, так как еда казалась прелестнее. Впрочем, воспользовавшись профессиональной востроглазостью, я тотчас подметил, что важные документы из досудебного производства хранились у следователя рядом с пойлом, едой, промокашками, скомканной маранной бумагой и подозрительными табачными свертками. Надо же, какая косность, неопрятность и наплевательство!

— Ох, у меня тут форменный беспорядок. Прошу простить. По какому делу? Потерпевший?

— Свидетель по сегодняшнему убийству ростовщика. Единственный. Вот справка о вменяемости. — стражник загрохотал латами; он аккуратно уложил бумаги на стол следователя. — О его внешнем виде не любопытствуйте. Паренька вербовщики на днях зазывали в гвардию.

— Ясно. Жаль, что у них правовой иммунитет. Некоторым время качать наносы на рудниках. — тон следователя был машинальный и неприязненный. — Как тебя зовут, парень?

— Фридрих Кукуксхайм.

Мне было тепло на душе, что наконец обрел имя, хоть и гротескное, с тонкой издевкой. Взглянув украдкой на следователя, я обнаружил морщинистого мужчину с широкой челюстью и холодными, словно замерзшая река, голубыми глазами. Интересно, скольких людей он загубил, доводя материалы с вероятной санкцией в виде смертной казни или многолетней каторги до суда. С другой стороны, кроме безвинных жертв режима он иногда наказывает и насильников, воров, убийц. Как сегодня.

— Чего-чего? Кускус-хайм?

— Кукуксхайм, господин.

— Кхм, прошу прощения. — следователь громко стучал яйцом по столу, желая очистить продукт от несъедобной скорлупы. — Если ты не хочешь тратить нервы, то ступай. Заседаний по делу не намечается, ты нам не нужен.

— Спасибо, господин. Мне нужно возвращаться в сад, так что я пойду. — в руках я все еще держал мешочек с окровавленными драгоценностями епископа Шлафмунера.

— Будь здоров, Фридрих. Не встревай в передряги.

Довольный стражник услужливо провел мне еще одну экскурсию по управе, на сей раз в обратном направлении. Через пару минут он вывел меня во двор, где я наконец ощутил долгожданный свежий воздух, несмотря на жаровни, меха и выгребную яму. Рослый стражник крепко пожал мне руку, из-за чего у меня заныла кисть, и со знанием дела подытожил:

— Вот видишь, Фридрих, хозяин натренировал нас не кусаться первыми. Но помни: если горожанин есть мелкий нервозный чихуахуа, то стража — мускулистый ротвейлер — разорвет тебя на части, как только Его Светлость посчитает нужным дать команду на умерщвление. Своды наших правил прочны, они давят мощью древней кладки.

— Я понял, сэр. Я домашняя собачка, и знаю свое место: жалостливо просить еду под столом у заботливых хозяев. Надежда на милость господина — моя жизненная стратегия. Признаюсь, таким образом я неплохо прибавил в весе.

— Молодец! Расторопный малый. Ну все, иди покладисто копаться в земле. Надеюсь, больше не увидимся, разве только облобызаемся в пивнушке. Будут обижать — приходи.

После этого мне открыли ворота и вежливо выперли наружу, теперь уже без тумаков и беспочвенных оскорблений.

X

Измученный долгими разысканиями деда в голубом шапероне, словно провалившегося сквозь землю, я присел у знакомого колодца на площади. Разумнее всего ожидать старого зверя у его логова. От мешка с драгоценностями разило трупной вонью, а от меня недельной одеждой и хронической усталостью. Копится раздражение, предательски сосет под ложечкой. Меня без меня женили, сиречь втянули в оголтелую авантюру. Дошло до триариев: я горько разочаровался, что меня вообще когда-то изгнали из материнского лона. Вот так я думал, бичуя самого себя, пока рядом не оказалась женщина с ведром. Я решил попытать счастья, расспросив ее о пропавшем старике. Вполне вероятно, что если набирать воду в одном и том же месте, то невзначай познакомишься с завсегдатаями колодца.

— Умер вчера во сне. Схоронили с утра за западной стеной.

— Что? Старая брюква! Земля ему пухом. Не подозревал. А ведь он был такой дерзкий и жизнерадостный старикашка: сил ему хватало на жульничество и хитрые недомолвки. Он обладал озорной ухваткой, должен признать.

— Ха! Не печалься, им воспитана достойная замена. Сейчас в лавке покойного разгорается драма горячее, чем на ярмарочном представлении. Душеприказчик должен вот-вот явиться, чтобы исполнить завещание. Детей-то у покойного полный дом, а внуков не счесть. Если хочешь выразить соболезнования — иди вон туда, за углом увидишь трехэтажный дом с вывеской «Ювелир». Глядишь, поспеешь на поминальную трапезу, отхватишь себе пару мясных пирогов. По тебе видно, что нужно. Весь в синяках, со впалыми щеками... живой мертвец!

— Спасибо за дельный совет. Так и поступлю.

По безобидному женскому наущению я оказался у свежевыкрашенной двери с миленьким изображением перстня. Дверь подозрительно легко поддалась. Преступив порог ювелирной лавки, я обнаружил опустевшие витрины с пыльными следами рук на стекле, обрывки газет и оберточной бумаги, раскрытые футляры без изделий, как дополнительный признак раздела имущества, и прочий хлам, по-видимому, не представлявший для своекорыстных наследников ясной выгоды. Выставочный зал был профессионально освещен, недурно обставлен резной мебелью и местами одет в сюжетные гобелены поверх панелей из ореха. На двери висел бодрый латунный звоночек, молниеносно огласивший тайну моего присутствия; звонкий возглас оного оставил без движения мое пожелание незаметно осмотреться в доме роскоши. Через какое-то время со второго этажа спустилась девушка на вскидку лет двадцати пяти, с таким же хитроватым лицом, как у старика в голубом шапероне.

— Я на поминальный обед. — в лоб сказал я. — Должен заметить, мне нравится приятная текстура обшивки стен, такая тонкая и темная, будто в королевском будуаре.

— Да, отец уделял особое внимание украшению лавки, хоть в том не было особой надобности. Клиенты чаще приходят смотреть на предметы внутри витрин, а не на окружающее пространство. — девушка говорила устало и апатично. — Назовите имя, сверю со списком.

— Фридрих Кукуксхайм. — нарочито ответил я. — Однако так меня нарекли несколько позже последнего свидания с Вашим покойным отцом.

— Фридрих, кх-м, — она неловко поджала губы, — прошу прощения...

— Дело в том, что давеча я объявился в этом городе, больной на амнезию, и не мог сообщить собственного имени даже в мыслях, обеспеченных тайной связи. С покойным я познакомился при неких щепетильных обстоятельствах, о коих мне воспрещено распространяться по условиям договора. Мы связаны двусторонним обязательством, а так как ваш отец признан мертвым, то с его правопреемниками, по-видимому. Не оставил ли он случаем предсмертных поручений по моему делу?

Я поднял склизкий мешочек с драгоценностями и громко побряцал им перед лицом дочери ювелира; наши взгляды столкнулись, между нами пробежал разряд теплых чар. Я исказился в придурковатой улыбке.

— Как Вы полагаете, что содержится внутри?

— Судя по запаху и чистоте звона, золото и серебро высшей пробы, трехкратно окропленное святой водой. — девушка вмиг побледнела, стала кусать губы. — Подождите здесь, мне нужно подняться. Посоветуюсь с братьями.

Я продолжительно рассматривал гобелены на незнакомые мифологические сюжеты, пока купечество наверху советовалось, возможно ли пренебречь моим дурным обществом. До чего ж развитая и диковинная бывает фантазия у певцов народного духа! Вот герой древнефлейшвольфсбуржского эпоса храбро возносит добротную каменную дубину, и залихватски раскалывает череп хилого желтокожего собирателя, словно яичную скорлупу. Следующая сцена иллюстрирует, как белокурый герой берет из обмяклых рук жертвы грубо сплетенное лукошко с добычей; голубые глаза родоначальника расчетливы, холодны, они говорят о животном голоде. Я с ностальгией смотрю на его чумазое, измочаленное, рубцеватое тело, как будто в нем отражено мое собственное детство. Детство жестокое, простое и яркое. Древний охотник на тканой картине привлекает мощным телосложением, его вздувшиеся мускулы выдаются, словно высеченные из самого твердого камня и притом лишенные даже самой ничтожной жировой прослойки; он первороден, брутален и полон витальных сил; он хлесток, скоропалителен в чувствах, могуч телом и духом царь! На дальнем изображении, кажется, наш герой вернулся в хижину, где его покорно встречает женщина в пятнистой шкуре со спутанными угольными волосами. Он гордо демонстрирует добытые в поединке трофеи, бросая лукошко с орехами и ягодами на меховую лежанку. Я обнаружил, что за шкафом припрятано некое пикантное продолжение истории: с прилавка, к сожалению, видно лишь скудный отрывок, влекущий обнаженными ножками прародительницы. Вот и затейник же был дедок-ювелир, эротоман! Прятать изящное бесстыдство под личиной искусства!

Когда я перешел к подсчету салфеток на витринах, в зал возвратилась та приятная леди, но уже в компании обаятельного молодого усача. Незнакомец, манерно поклонившись, перехватил у меня мешочек и свято уверил, что сейчас же направится в хранилище за товаром и положенной мне наградой. Из его повадок исходила та же семейная предприимчивость, но в силу моложавости казавшаяся более искренней и обоюдно полезной. Милая девушка, к которой я почти что воспылал самыми светлыми чувствами, заботливо произнесла: «Фридрих, пойдемте на второй этаж, сядете с нами и как положено погорюете». Ах, как нежно и гостеприимно говорила эта красавица! Я согласился, предвкушая жирные мясные закуски; в животе волнительно вспорхнули крылья самого нежного и сладостного чувства. Мы

поднялись по скрипящей лестнице с продавленными деревянными ступеньками; я исподволь глядел на нее, словно вот-вот впаду в вечное воздыхание ее внеземной красоты. Видимо, я был заворожен сюжетной смелостью гобеленов, подчас суровой и необузданной, как и вся дышащая жизнью архаика. Услыхал ли я зов сварливых предков? Однако прочь заблуждения юного человечества! Безусловно, лучше пожертвовать взрывной страстью во имя сытой жизни и благ гуманной цивилизации. Господь любит кротких. Боже, этому миру так недостает Твоего милосердия!

Меня впустили в просторную столовую, забитую драгоценной мебелью и высокохудожественными полотнами в антикварных рамах. На месте вертлявого старика я бы не стал рисковать качеством и сохранностью картин, вешая их на липкие стены трапезной. Нельзя беспечно отметать вероятность, что ребенок ненарочно брызнет каплями ненавистного горохового супа прямо на оголенные груди чьей-то прелестной музы, тем самым повредив произведение мирового искусства! А что еще яснее фантазирую: чрезмерно захмелевший джентльмен роняет чашу изысканного вина на творение всей жизни стародавнего мастера кисти, и вот сцена королевской охоты или милый прибрежный пейзаж отправляется в мастерскую для долгой реставрации ценой в копеечку. Бросим, замечтался! Длинный стол с белоснежной скатертью ломился от изобилия самых разных блюд и напитков. Столовая утварь благородно поблескивала серебром, включая роскошные кубки с изумрудными и рубиновыми инкрустациями. Отдельно моему острому взору приглянулась запеченная птица, свиные отбивные, ребрышки, зельц, метт, разнообразные паштеты, осетровая икра, маринованная сельдь, треска, колбаски и копченый лосось. К сожалению, в придачу к поминальному столу пришлось ознакомиться с бесчисленными родственниками умершего, не такими аппетитными и дружелюбными. Обряженная в черное публика, как несущаяся ураганная туча, поразила меня показным унынием; от них разило не самой свежей чопорностью, а в головах неутомимо щелкали косточки счетов. Родственники ели не вилками, а взглядами; их напряженные лбы дошли до цвета белого каления, производя арифметические расчеты и тщательную сверку со старым завещанием. Натренированные умы устанавливали наличие прав на каждый камешек в украшениях, входящих в состав наследства, а также на доли в особняках, полях, банковских ячейках и ценных бумагах. Мне сдержанно покивали в знак приветствия, незнакомый паренек услужливо принес стул, и я занял свое, хоть и случайно обретенное, место в тесном семейном кругу.

— Формально мы начали уже как полчаса, так что можешь ни в чем себе не отказывать. — подмигивает голубоглазая красавица, занявшая место по правое плечо.

— Царство небесное! — мой возглас, исполненный нескромной голодной радости, сотряс трапезную.

Меня обуял приступ самого низменного обжорства, и я трижды опустошил фарфоровую тарелку, наполненную наивкуснейшими блюдами. Пока я алчно закрывал потребности низшего порядка, господа из высшего общества рассудительно говорили о политике, как и ожидается в обществе образованных и влиятельных лиц. Поначалу беседа казалась рафинированной, чинной и отвратительно деловой, однако змеистые тропы все же вывели нас к животрепещущим словопрениям.

— Да уж, новый поход графа как гром с ясного неба. Весь товар выкуплен, склад за двое суток пришел в такое непривычное опустение, что и мышам не

прокормиться. Не знаю, каким образом я удовлетворю все возрастающие нужды войска в провианте. Отечественный урожай снимут только через месяц, а из-за моря ввозить не слишком прибыльно. Текущие договоры поставки, между прочим, никуда не делись. Вот такой курьез: как бы обрел шумный успех в торговом деле, но ожидания контрагентов также кратно возросли.

— Тяжело тебе, брат, расставаться с шикарной маржей. — насмешливо говорит грузный купец, расчесывая эбеновым гребешком кудрявую бороду. — А у меня с дубильни уже троих кожевенников украли, некому трудиться. Таких мастеров обучать не один год, а замены не сыскать! Отлучили от дел, насильно изъяли в войско, не испросив их воли. Моим мастерам за сорок лет, почти деды, едва способные вытерпеть тяжесть доспеха, тем более с пользой орудовать мечом. Повальная практика пошла, беззаконная и лютая. Если хоть один из трех со всеми руками и ногами, и умом не тронутый вернется с войны, то всенощную выстою в самой истовой молитве, клянусь!

— А ты почему за них не занес в вербовочный пункт? Сам виноват, не ропщи. — вмешивается старик, на вид такой же древний и хитрый, как виновник скорби. — Надо было доспешную грамоту вовремя на цех получать. Поскупился поди или забоялся подкормить гвардейца? Ну вот и закономерные итоги.

— Ох, всезнающий дядюшка Вендольф! — лоб бородача смялся гармошкой. — Есть у меня доспешная грамота на предприятие, и в латных списках кожевенники находились. Скажу больше, я любые взятки предлагал. Не договорился. Поколотили и в железной повозке увезли моих трудолюбивых, старательных сотрудников. А куда, а зачем, а про что?

— Ужас, что происходит на родных улочках! — перебивает разговор своей историей молодой человек с длинными русыми волосами, изнеженный и худосочный. — Если уж разговор зашел за вербовочный пункт, то позвольте похвастаться. Позавчера меня вызвали на комиссию, и по ее итогам я признан временно негодным по двадцать шестой статье. Так что до конца всех событий, надеюсь, меня не побеспокоят гвардейские приспешники. Дорогое, однако, вышло лечение.

— Что произошло, Шлуммо? Господи, помилуй, если это какая-то серьезная болезнь! — озабоченно вмешивается старушка, по-видимому, супруга покойного.

— Да, бабушка, состояние грозит осложнением в работе внутренних органов и прямо препятствует прохождению воинской службы. Двадцать шестая статья врачебного уложения посвящена беременности. Через девять месяцев, глядишь, разрешусь от бремени.

— Балбес! — старушка резво приподнимается из-за стола; в праведном гневе она принялась шлепать внука кружевной салфеткой. — Ну и яды!

От смеха я чуть не подавился куском сочной ветчины, но вовремя сплюнул полупрожеванную массу в ладонь. Атмосфера на поминках здоровски разрядилась, мужская половина по достоинству оценила дерзкую молодежную шутку. Весело загоготал торговый народ, позвенев посудой. Мнимая скорбь на лицах ювелирного семейства хоть на секунду, но исчезла. Пока общество с развитой культурой поведения шутила, я незаметно закинул ветчину обратно на дожевывание.

— Никто не хочет добровольно падать на ножи мясорубки, бабуль. — встревает другой внук, выдержав паузу. — Ни один из моих обеспеченных друзей не пошел, разве только на тыловые должности или в командование.

Набор в солдаты осуществляется из костлявых низов, из ущемленных и морально сломленных лиц. Городское дно, крестьяне, должники, рабочие. К сожалению, светлейшему Лихтхерштеллеру удобно проводить мероприятия именно так.

— А мы защищаемся всеми доступными средствами. — добавляет мужчина средних лет с характерными залысинами. — Если служакам-ухорезам позволено красть людей, то нам сам Бог велел смазывать ступицы государственной колесницы. Клин клином вышибают, разве не так? Если господин случай щедро одарил нас благами, то в этом следует усматривать особый смысловой подтекст. А если взять во внимание, что субстантивная цель человека — продлить существование, то на сим пути незазорно сохранить себя и близких любой ценой. А что есть цена в человеческих понятиях? Деньги!

— Давай без салонного мистицизма, Отто.

— Пока толстый похудеет, худой издохнет. Мы на фарш не пойдем. Да и слухи нехорошие ширятся, что нет ни причин для войны, ни видимых приобретений от победы в будущем. Как будто граф преднамеренно, словно лживый проводник, заводит нас в губительные топи. Может быть, Август хочет проредить нас, как грядку от бурьяна? Страшно представить, кого владыка счел сорняком, и кто будет посажен на расчищенную площадку после неумолимой очистки сельхозземель. Осторожничать надо на каждом шагу.

— Ворон ворону глаз не выклюет, Отто! Допустим, нам действительно благоприятствует судьба, причащенная крупными деньгами. Мы преуспеваем в деле выживания, даже отягощенного временами столь лихих волнений. А как действовать беднякам? У кого нет ни могучего покрова, ни доспешной грамоты, ни пожизненных увечий, дающих законные основания не служить. Куда податься и от кого ожидать понимания?

— Их заступником выступит мудрое Провидение. Этим людям безнадежно пускаться на поиски прибежища среди соотечественников, скупых на сострадание.

— Лично я буду отплывать с детьми. Здесь жизни не будет. Да и филиалом самое время обзавестись.

— Мы тоже об этом задумываемся. Но пока к осаде дело не идет, не сильно хочется покидать обжитые места.

— Карл служит в вахтовой службе, если что состряпает разрешение на выезд.

— А за сколько?

— Своим по особой таксе, но Карл не один за это отвечает. Нужно делиться.

— Хватит! Пора сменить тему, не к месту крамола. Не хочется на старости лет оказаться распростертой на дыбе. — жена покойного уловила вредный вектор беседы. — Не забывайтесь, Вы на поминках. Помните, как отец привез ту злобную мартышку из южноморского плавания?

Остаток мероприятия, словно по протоколу, прошел сухо, уныло и обтекаемо. Спустя двадцать минут в комнату заявился плотный розовощекий мужчина, которому тотчас налили кубок крепленого вина. Его усадили напротив, и я, как сертифицированный ханжа, пристально и безотрывно разглядывал его солидные парусные бакенбарды с прожилками досужей седины, скрывавшие набряклую кожу. Страдая одышкой, поздний гость одним решительным залпом осушил серебряный кубок, явив миру не абы какую питейную сноровку, и отчего показался еще более румяным и заметно

подобревшим. Не теряя времени, толстячок вынул из узорчатого кожаного тубуса некую важную бумагу, и торжественно, с ноткой страха, произнес: «Ну-с, начнем!»

XI

Учинилась грязная семейная ссора, подкрепленная криками недовольства и метанием дорогой посуды. Поминальный обед, как водится у благоустроенных горожан Флейшвольфбурга, увенчался завзятым кулачным поединком с обязательным битьем носов пропорционально завещанной доле. Я нахожу, что хаотичные брызги крови придали белоснежной скатерти замысловатый рисунок. Вечеринка в честь завещания в целом вышла громче, чем самый ожесточенный торг на базаре, а гнусность выражений и градус проклятий намного превзошли зверские тюремные порядки. Молодой усач срочно эвакуировал меня из столовой, однако я долгое время сопротивлялся, пытаясь отыскать в толчее блондинов самых разных полов и возрастов приглянувшуюся даму, прелестную дочерь старика-у-колодца. Когда же меня в третий раз больно ударили локтем по набитому пузу, я вмиг отрезвился на побег, и мы со всей прытью спустились вниз по скрипучей лестнице.

— Вот твой чеснок. Опрометью беги прочь, иначе мои алчные кузены не постесняются оспорить права на мешок. Помни, что это самый опасный товар, черная метка. Если граф прознает, тебя моментально вздернут. Я заметил, каким голодным взглядом ты облизывал мою тетку, умницу и отличницу. Если ты вернешься целым и невредимым, ее подадут главным блюдом твоей посредственной жизни! Фридрих, мы похлопочем за обустройство условий для твоей мелкотравчатой персоны, как в самой солнечной сказке. На кону тысячи жизней. Не подведи. Прощай!

Смущенный внезапным брачным предложением, я колобродил тесными улочками Флейшвольфбурга в надежде на прояснение рассудка и облегчение чрезмерно наполненного желудка. Предварительное согласие на свадьбу со стороны родственников такой замечательной партии, несомненно, уплотняло предпринимательскую мотивацию. С другой стороны, я точно проник в прагматичное мышление непростого семейства, и с долей проницания смекнул, что просто так они не отдадут бездетную половозрелую женщину. Более того, они не позволят овладеть ею какому-то невоспитанному безымянному скитальцу, притом не возымев с этого значительных инвестиций в семейное дело. Где-то зарыта очень большая и зловонная собака.

На сей раз, подкованный в ротозействе, я интуитивно прилепил свои уши к одной тревожной сценке у гавани Флейшвольфбурга. Вдалеке от остальных судов, сторонясь китобоев и купцов, качалась стройная, вытянутая каравелла с полированным дубовым корпусом. Смазанный смолой и дегтем, дуб блестел изысканностью в закатных лучах флейшвольфбуржского солнца. Вместо привычного массивного прямого паруса на каравелле возвышались две мачты с белоснежными косыми парусами, присущими скорее южной мореходной традиции. На корме я рассмотрел аккуратную надстройку с редкими застекленными окнами, а на носу — очертания резного декора, по-видимому, вблизи кажущегося весьма элегантным. Корабль охраняли некие смутные мужские фигуры. Тем временем на берегу снаряжали челны вещами и милыми дамскими безделушками, а поодаль угрюмо стояли будущие пассажиры, одетые куда лучше меня. Из осторожности я наблюдал за исходом со старой вымощенной набережной, заросшей сорняком и покрытой слоем грязи между швов, полускрытых временем. В нескольких шагах от меня отдыхала старушка, сидящая на крупном поваленном дереве. Ствол так долго

использовался в качестве лавочки, что на нем образовались просиженные впадины как раз под мою усталую пятую точку. Не испытывая стеснения и не зная мещанских норм, я без спросу уселся слева от нее, тем более что тяжесть чесночного мешка уже изнурила мои маломощные мускулы.

— Как оно идет, бабуль?

— Горько за Родину, сынок. — хриплым голосом ответила старушка; сухими морщинистыми руками она крепко сжала тросточку.

— Это уж почему? Запамятовали, какие могучие у нас гвардейцы? Незамеченным и непобитым ни один враг не пройдет. И друзьям тоже нужно быть начеку! — я решил подискутировать, чтобы воодушевить брюзгливую старость.

— Видишь ту лощеную дубовую щуку с треугольными парусами, стоящую кормой к берегу? Стоит себе в одиночестве на якоре, гордая и молодая. И таких же увозит отсюда, чтобы никогда не вернуть в отчий дом.

— Это Вы про те лодочки с грудами разноцветных сундуков и багажных сумок? Да, скарб отменный. Да и люди там, если присмотреться, в основном женщины и дети.

— Там моя дочка. — объясняет раздосадованная старуха. — За южным морем, как только узнали об объявлении войны, тотчас дали добро на прием беженцев. Только отплывают явно не крестьяне из разоренных селений, а придворные дамы и маленькие дети. У кого есть деньги на билет, разрешение на выезд и все в том же духе.

— Бабуль, не удручайте себя надуманным отступничеством окружающих! Что плохого в том, чтобы уберечь слабый пол от поругания, различных тягот войны и возможной гибели от вражеского клинка или метательного снаряда? Разве мужчины не должны беречь своих женщин?

— Верх слепоты, дно невежества! — смеется беззубая старуха. — Видел, какую одежку с собой берут? Бельишко все красивое, кружевное, шелковое. Подтянутые корсетами, напудренные, пахнущие изысканными духами. Только и ждали, как бы ускользнуть из тесных гнездышек. Племянников моих завербовали с улицы, и кто из нас умрет первым, и кому кого похоронить? Нет у них никого, кроме меня, и у меня, кроме них. Эти женщины выбрали стать чужими.

— Мне очень жаль, что дочь Вас оставила. Возможно, она боится вражеских атак. К тому же среди пассажиров немало верных матерей с малолетними детьми. Нельзя всех под одну гребенку, это заблуждение. Даже по самым пессимистичным расчетам часть из них вернется, не запятнав своей супружеской чести, если для Вас это является важным маркером. Так что не рядитесь в ризы блаженной обличительницы.

— Да, на палубе есть еще пару калек мужского пола. Ты правду говоришь, дуралей, да только нисколько не легче на душе старой обиженной женщине.

— Я считаю, что никто никому не обязан, это в корне ложные воззрения. Каждый обладает свободной волей и вправе решать, где ему сытнее и удачнее обретаться, и кому предлагать свое сердце. То же касается и лиц мужского пола: только им решать, во имя чего умереть.

— Все-то оно так, дуралей, да только идеалы у моего поколения другие! — пожилая женщина грозно ударяет тростью по укрытому мхом камню.

— Извините за вторжение. — я виновато поднялся и ловко закинул мешок за плечо. — Мне пора заняться торговлей, пока графские холопы не отыскали меня.

— Иди себе. — она сжалась от резкого дуновения промозглого ветра, поглубже зарываясь в шерстяное пальто. — Держи нос по ветру, и нигде не пропадешь.

XII

Ночь опустилась на сонный город. Я встал на прикол около скромно украшенного паба, именуемого «Адерласс-салоном». Ноша была явно не по мне, так что, обливаясь седьмым потом, я еле-еле, сипая и грозно ругаясь, спустился в сырой и темный подвал, где размещалось означенное питейное заведение. Делал я это первостепенно затем, полагаю, чтобы дать отдых утомленным мускулам и, что не менее важно, освежить ум холодным пивком. Чеснок я с натугой тянул на горбу, потому как попросту не мог допустить потерю пятикратной прибыли. В придачу я счел святотатством позабыть о великой миссии, возложенной на меня священниками и покойным стариком-у-колодца; в моем обыкновении следовать однажды данному слову. Гостевая зала исчерпывала себя восьмью рублеными столиками у входа, образующими своего рода прямоугольник. Противоположную оконечность двух мебельных рядов перерезала длинная барная стойка. За ней, вероятнее всего, пребывал неизведанный мир подсобок, неинтересный даже для моего пытливого ума. Освещение залы казалось угрюмым: свеч откровенно недоставало, и те горели каким-то слабым огоньком, будто каганец в убогой хатке. Я стал протискиваться сквозь узкий проход меж столов; один из посетителей справа от меня, кушавший на вид экстремально сырой бифштекс, внезапно поперхнулся, разразился пароксизмальным кашлем. Его спутник, дотоле отрешенно вкушавший вино, одномоментно изрыгнул из себя красноватый напиток. Господа были чем-то одновременно и напуганы, и взбешены, как будто им обоим разом подсыпали что-то несъедобное или, не дай Бог, ядовитое. Я простодушно взглянул на этих людей, и не продвинувшись в выяснении причин, пошел дальше. В полутьме сложно различать лица и эмоции: мне, кажется, просто привиделось наличие клыков у одного из ценителей вин. Стоит заметить, что в спину я ощутил пылающую отовсюду неприязнь.

— Чего изволите выпить, покушать? — ко мне обратился корчемник с дюжим животом.

Я поставил мешок рядом, и уселся на высоком стуле с мягкой спинкой, дав изнуренной пояснице отдохнуть.

— Пива темного, похолоднее. И закуску мясную, спасибо. Решил набирать мышечную массу.

Покуда я ждал исполнения заказа, паб в два счета опустел. В числе последних спешно выбежал приземистый мужичок, опаливший ненавистным взглядом мой старый домотканый мешок. Мне подумалось, что каким-то невообразимым образом окружающие раскрыли длящееся чесночное преступление. Возможно, стоит унять паранойю: они всего-навсего удивились тому, что питейные заведения посещают с тяжелыми мешками. Однако вот уже принесли литровый бокал пива и поросячьи ушки, так что я угасил нахлынувшее волнение и предался благородному ужину. Странно, что у того мужичка имелись подозрительно длинные и острые ногти. Неужели здесь не пишут учебников по хорошим манерам, где порицают неостриженные ногти, предписывают не сморкаться в рукав, мочиться в отведенных местах и приходить вовремя на встречу? Где же пресловутый городской дух? Повсеместный разброд. Честное слово, глубоко разочарован — хоть бери да уходи жить на отшиб. Как только выпил большую часть пива, мне чуть-чуть отлегло на душе. Собрав в единый узел всю свою интриганскую сноровку, я в

более каверзной форме взялся допрашивать скучающего хозяина:

— Господин, а Вы используете лучок при кулинарных сотворениях?

— Лук? Подтверждаю. В подливках, супах, маринадах, и так далее. Если не любите, то извольте сообщить, сготовим без него.

— Вам известно, что посредством луковицы произрастает не только лук, но и тюльпан, нарцисс, и многие другие рода изящных цветов и полезных овощей?

— Известно, ближе к сути. — корчмарь недоуменно осклабил клыки.

— А Вам известно, — я повернулся корпусом к зале, проверяя, чтобы нас не подслушивали, — какое родственное растение, произрастающее луковицей, употребляют как приправу по всему свету, исключая лишь ваш сумасбродный городишко?

— Тише! Вы явно сеете цветы раздора. Что Вы себе позволяете? Пейте пиво и не говорите со мной об этом, иначе попрошу Вас немедленно покинуть заведение. Так сказать, вот тебе Бог, а вот и порог.

Я поикал, приметил умело скрытое волнение на лице корчмаря; допил пиво, доел ушки. Помолчал, притворно разыграв, что меня жестко осадили. И тут же, не дожидаясь полного уравновешения чувств корчмаря, без обиняков прошептал в духе театральной драмы:

— Господин корчмарь, напротив Вас, за стойкой, покоится набитый под завязку мешок чеснока. Я готов снабдить приправой в необходимом количестве по сверхразумной цене.

— Горе мне! И явно не луковое. — хозяин выбежал из-за барной стойки со скоростью юнца-газетчика, и рванул закрывать двери, чтобы ограничить доступ посторонних к заведению.

— Чесночное, господин, оно самое! — я стал оборотисто потирать руки, предвкушая тугой кошель на поясе и нимб за спиной.

Громогласно закрывались на тяжелые засовы массивные дубовые двери; на помощь корчмарю подоспели молодые люди с кухни. Они были разгорячены и напуганы не меньше моего собеседника. Внешностью молодцы казались точно высеченные из мрамора атлеты древности. Густые кудрявые бороды, острые носы, кряжистые фигуры, — писаные красавцы, — да еще и близнецы. Почему же они такие тщедушные и тревожно-хлопотливые из-за непримечательного чеснока? Мне ни за что не понять маетных горожан Флейшвольфбурга. В гостевом зале, будто от заклятья, резко погасли свечи. Я напрягся.

Из кромешной тьмы показались сверкающие багровые глаза; от них исходил уже знакомый голос. Корчмарь властно ощерился, во тьме засверкали длинные белоснежные клыки:

— Хайнц-младший, возьми мешок и отнеси в нижнюю кладовую. А что касательно тебя, чужестранец, то ты навлек на товарищество доброй воли смертельную опасность, и мне еще неизвестно, случится ли нам вскоре погибнуть на потеху вельмож-кровососов. Ладно, рано или поздно это должно было произойти. Ты хоть понимаешь, что и куда притащил, бедоносец?

— Я так полагаю, что Вы есть Хайнц-старший? — дурачась я икнул, напоминая окружающим, что слегка опьянел.

— Ты прав.

— Господин Хайнц-старший, владелец питейного заведения «Адерласс-салон», отец Хайнца-младшего и прочая, и прочая, я, как добросовестный продавец чеснока, пришел вместе с офертой к Вам, как к добросовестному

покупателю. Вы ее акцептовали тем, что приказали сыну забрать мешок в кладовку. Теперь я рассчитываю получить свой законный прибыток, составляющий в пять раз больше, чем предлагают в соседнем крупном городе за оговариваемый товар. Это я счел сверхразумной ценой.

— Варвар, лоб толоконный! — кричит Хайнц-старший. — Я тебе возмещу целым мешком золотых побрякушек, но несколько позже. Условия договора меняются в одностороннем порядке.

— Это что за самоуправство, попрание моих законных прав и интересов?

— В этом городе стряпается революция. И ты, иноземец, принял правильную сторону, примкнул к народу. Цена пустячная.

— А почто мне мешок золотых побрякушек, ежели я к моменту державного переворота буду в двух из трех случаев заколочен в сосновый ящик? С собой в посмертие золота, общеизвестно, не унесешь. Это самое, лучше тугой кошель с серебром на поясе, чем златая гробница в славословное поминание.

— Если ты хочешь золотые гробницы, то я сейчас же окажу самую что ни на есть посильную помощь.

Корчмарь в темноте двигался так молниеносно, что я, не успев моргнуть, в ту же секунду ощутил острое лезвие у горла. Пришлось ответствовать так:

— Господин Хайнц-старший, владелец питейного заведения «Адерласс-салон», отец Хайнца-младшего и прочая, и прочая, я принимаю торжественную присягу на верность и впредь обязуюсь участвовать во всех бунтовщических предприятиях с известной степенью хитроумия и беспримерной отваги. Бесполезного фанфаронства не допущу. Но также буду настаивать на вознаграждении золотым мешком по осуществлении революции.

— Беспринципный, ветреный червячок! В те далекие времена, когда звезды не нашептывали, что человечество нуждается в спасении, что ему нужно мудрое попечительство и заботливое пастырство, подобные тебе составляли основу моего изысканного рациона. Твое счастье, что я перешел на скот и крыс с кладовой, что я честен в своем революционном порыве. Я пошлю тебя в самое горнило, в стучащий нерв операции, и если ты погибнешь, то канет в Лету и весь род людской. Тебе дошло, проныра?

— А чеснок еще позволено вернуть?

— Как тебя зовут?

— Фридрих Кукуксхайм.

— Я прикажу немедленно приступить к изготовлению надгробия с твоим безвестным батрацким именем.

XIII

Меня принудили много и тяжело работать, словно обозного невольника. Несколько часов я грузил съестное и алкоголь на скрипучие маркитантские повозки; закреплял ящики, тюки, мешки при помощи полос из сыромятной кожи, пеньковых веревок и ремней, создавая причудливые узлы и обмотки; сверял многочисленные накладные и в придачу следил за прожорливыми мулами, в чем доселе считался аматором. Воистину, я разрывался титаническим трудом на сверхмелкие частички, ведь вкалывал за семерых! Тем временем близнецы Хайнц-младший и Блютхольд сцеживали кровь в трехлитровые банки на семейной скотобойне. Это тоже нелегкое дело — осуществлять забой скота. Ко многим животинкам привыкаешь, лечишь, откармливаешь, и при этом неизменно держишь в уме, что по достижении кондиции произойдет убой. Лучше уж держать корову или козу, они хотя бы встретят милосердную старость. Но вернемся к упырям. Полагаю, что хозяину паба, пока мы в отъезде, останется только ловить мышей. Злорадствую! Фактически, этому ленивому коту не впервой: Хайнц-старший сиднем сидит уж как полвека в кабацкой дыре, пожирая на завтрак медлительных грызунов, а в обед харчуясь охлажденной свиной кровью с хозяйства наверху; а что на ужин? Ха, да ведь он ночной хищник, так что у него должно быть три ужина — какой забавный каламбур. Ладно, охотничьи прихватки у него необыкновенно ограненные, так что с голоду не помрет, и на третий ужин себе что-нибудь да сподобит.

А меня отправляют на войну, на революцию. Спасает, что придется бунтовать в отряде обеспечения на третьей линии, а переворот должен случится тайно и без рек человеческой крови, в отличие от планов законных властей. Я не горю желанием, чтобы вражеские мясники меня располосовали, как молочного поросенка, или вюрстваренштадские лучники безнаказанно нашпиговали стрелами, словно бумажную мишень в тире. Боже, как стремительно меняются жизненные ориентиры, стоит только украдкой поглазеть в сторону матушки смерти. Еще вчерашним вечером я носился с мешком чеснока как дурак с писаной торбой, грезя грандиозной наживой. Я совершенно не подозревал, какие мощные, сокровенные ручьи я возмущу, и вместо спокойного колодца мне суждено отрыть кипучие подземные воды. Уму не поддается, сегодня я участвую в мятеже против злодеев-вампиров под предводительством другого кровососущего мертвеца! Да, следует сделать оговорку, что он выступает с благими намерениями и во имя богоугодного возмездия, скажем так, страдалец за род людской, — но перестал ли от этого Хайнц-старший быть демоническим кровопийцей? И почему в этой истории нет однозначно порядочных персонажей, а только одна шельма расстраивает планы еще более отвязной и самолюбной, да в придачу так игриво и удачно, словно водима самим Господом с этой незримой балансирующей целью. Как с наивностью сообщают народные поговорки: «жухало долго не живет, поиграет и умрет».

Ах, каким вещуном изведано, что принесет день завтрашний, и не поплатишься ли ты сам за равнодушие к нуждам ближнего и косность взглядов? Нужно срочно прочертить красные линии, например, не становиться упырем, не лгать напропалую, и не смеяться в доме, где все плачут. Да, это достойные столбы моральных границ. Пожалуй, буду дальше таскать снаряжение, ибо подобные мысли через чур ревизионистские, из-за

них можно выйти на самого себя в весьма дурном свете. В Флейшвольфбурге, как в городе цивилизованной торговой традиции, прямо запрещено уличать самих себя, каким бы ужасным преступлением ты не запятнан. К тому же на мне красуется мундир гвардейского снабженца. Личность в форме не поддается нравственному загрязнению, ей все прощается по мудрому закону военного времени.

Улицы забились грохочущими повозками с самым разным войсковым имуществом; я заприметил, как из одного воза, доверху груженого амуницией, выпал небрежно уложенный железный наколенник; с отвратительным лязгом он закатился в придорожную канаву; обоз пришлось остановить, и огорошенный возница, воспользовавшись жердью, долго копался в помоях, чтобы вернуть ценную деталь доспеха, за которую он несет полную материальную ответственность. Из-за форс-мажорной проминки на узенькой улочке образовался затор, так что возницу не стесняясь обрызгали как словесной, так и буквальной грязью. Я решил оказать поддержку, а потому, любопытствуя, подошел к солдату, который рылся в помоях с засученными рукавами. Я излучал дружелюбие и привычную мне причудливость. Глядя на вспотевший лоб соратника, я с долей иронии произнес:

— Отсюда у тебя начнется восхождение из грязи в князи, служивый!

— Накидали абы как доспехи безалаберные грузчики, а мне вылавливай из соседской канавы. А если досточтимый шевалье облачится? Непорядок, всыплют плетей. У меня еще эти не зарубцевались, куда ж еще? Господь всемилостивый, небесный заступник...

— Главное пшикнуть духами после того, как достанешь покрышку из лужи. Тогда родовитый всадник заключит, что это привычный запах его тела. Хорошие слуги так и делают.

— Возможно, ты прав. Поступлю согласно твоему совету. От этих наследных доспехов и так воняет вековым потом. Уверен, из-за жира они водонепроницаемы.

— А почему с такой спешкой поднимается войско? — я достал из кармана тыквенные семечки, стал их колоть и плеваться шкурками. — Никогда не понимал, зачем мужчины бросаются в омут военных авантюр.

— Да тут и ослу понятно, что воеводы хотят нас стереть за клочок вотчинной земли! Знаешь, я не собирался добровольно участвовать в гвардейских маневрах. Как только объявили дополнительный набор, я спрятался в глубокой норе, словно всполошенный лис. Еду, свечи, книжки и иные развлечения послаже мне доставляла жена. В последний день благоверная вместе с головкой сыра принесла весть, что моей матушке сильно нездоровится и она просила о соборовании на дому. Только я выполз из цвелого погреба и шустро пересек улицу, чтобы проведать хворую матушку, как за три шага от дома меня повалили пятеро дюжих вербовщиков. Меня плотно связали бечевкой и отнесли в казармы, едко насмехаясь и стращая скорой смертью от вражеского топора или походного поветрия. Меня трижды в день хлестали, посчитав такую диету полезнее обыкновенной пищи; за воду я дрался с лошадьми, так как меня заперли в конюшне. Впоследствии меня принялись убеждать, что оккупанты из Вюртсваренштадта десяток раз изнасилуют мою жену и уведут ее в плен, а матушке раскроят череп огромным кием прямо в постели; моего славного сынишку оскопят грязным кинжалом и отправят на службу к заморскому мандарину. Наконец я подписал договор о добровольной службе, и в тот же день, о чудо, матушка наведалась

ко мне с пирожками, вкуснее самого сладкого меда.

— А с матушкой что по итогу?

— Ничего, на поверку вышла обычная ипохондрия. По ее виноватому виду я понял, что совершил ошибку ценою в жизнь, выйдя на свет из закромного погреба. Сердобольный дурак!

— Скверное приключение.

— И не говори. — наконец солдат выловил помойный наколенник за ремень. — Вот и все. Будь здоров, не лезь на рожон, даже если господа рисуют его маленькой зубочисткой.

Я возвратился к Адерласс-салону, плюхнулся на прохладное каменное крыльцо, снедаемый усталостью и скукой. Спасаясь от хлынувших душевных треволнений, я приступил к долгому созерцанию городской суматохи. Улицей проехали удалые всадники, их лошади энергично цокали копытами, а доспехи сияли отражением послеобеденного солнца; после гордо ускакавшей кавалькады загрохотали колонны легкобронированных пикинеров, мушкетеров и других вспомогательных отрядов; процессию замыкала толпа провожающих с цветами, пестрая и противоречивая: кто-то плакал, другие ликовали. Мне было жаль только рекрутов, насильно выдернутых из мирной жизни, как годные к употреблению двулетние луковицы. За крепостной стеной заиграли барабаны, литавры, трубы, гобои, флейты и множество других оркестровых инструментов, звучания и названий которых мне не хватило сил и времени заучить. Как только все подразделения прошли торжественную отправку и выдвинулись маршем к границе, изрядно поредевшая толпа горожан побрела обратно. Тут я не увидел прежней бури чувств, а только молчаливые, будничные лица. Интересно, о чем думали родители и возлюбленные тех, кого им больше не суждено увидеть в этой жизни.

Наконец с бойни вернулись Хайнц-младший и Блютхольд, и с ходу пришли в раздражение при виде повозок, упакованных по моему эксклюзивному методу:

— Никуда не годится. Давай разбирать груз и укладывать заново. Если оставить все как есть, то бутылки разобьются при наезде на первый камешек, а свертки разнесутся по степи, как беглые крестьяне. Очень ненадежные крепления. Уже вижу, как провалимся в мелкую колдобину, и все пойдет кувырком. Кто ж тебя так учил вязать узлы? Честное слово, ты приплыл из страны дураков.

XIV

После заката мы сели на груженые подводы и в числе последних гвардейцев покинули бедоносный Флейшвольфбург. Мне досталось место на повозке Блютхольда, запряженной парой вздорных мулов. Близнец был неразговорчивый малый, и беседе предпочитал наблюдение за дорогой или подстегивание упряжных питомцев. Ну и хорошо, мне же лучше без активного слушания элитарной фанаберии. Буду размышлять о произошедшем намедни. Удивительно, что прошлой ночью я спал в подвале вампирского кабака, а с утра меня поразили причастностью к учреждающей государственной тайне. Из головы все никак не вылетит леденящий душу экскурс Хайнца-старшего:

— Просыпайся, пыль придорожная! Застилай пропахшую газами постель, поприветствуй своих любимых блох, а потом вперед и с песней спасать мир. Мятеж сам себя не возмутит! Вот тебе форма и военный билет на твое имя, поедешь с моими сыновьями как снабженец.

— Сначала поесть. Да и вообще, от меня не несет. Хватит меня облыжно бранить. — сонно отозвался я. — Мало того, я последовательный пацифист, так что под ружье ни за что не встану, хоть суди меня, хоть пытай.

— Я не разрешал перечить посконному мужичью! — щетинится до кровавых брызг Хайнц-старший. — Слушай меня внимательно, гречневый увалень. Ты ленив и неспособен, но даже из таких тупиц путем строгой дисциплины и поведенческих тренировок мы взращивали достойных личностей! Пусть засвидетельствуют херувимы, если ты сейчас же не прекратишь баловано артачиться, то я вопьюсь в твою нежную розовую шею, как младенец жадно прижимается к кормящей груди. Да будут твои сосуды опустошены, как кладовая в осажденной крепости!

— Я глубоко сожалею о своем поступке. Прошу прощения, Ваше высокоблагородие, виноват. — через палку я начал застилать подвальную лежанку, ибо не хотелось закончить жизнь в горьких объятьях старосветского безумца.

— А теперь, когда крышка котла с грохотом взлетела, и пар с облегчением вышел наружу, ты будешь посвящен в самую мрачную тайну сего трижды проклятого графства. Слушай внимательно и конспектируй, Фридрих.

Двести лет назад захудалыми землями, на берег коих ты ступил по собственному беспечному недомыслию, правил выродившийся род Лихтхерштеллеров. Последнему из владетельных графов, обладавших людским естеством, не посчастливилось выкормить троих бездарных сыновей. Графские отпрыски, то ли под влиянием голубокровных сверстников и привилегированной среды, то ли страдая от дурной наследственности, немедленно обратились в прожженных кутил и легкомысленных сибаритов. Сынишки мотали выделенные отцом пенсии до последнего позеленевшего медяка. При нечаянной нехватке денег, что приключалось с завидной периодичностью, детишки без зазрения удушенной совести, не питав страха перед осмеянием в высшем свете и горькой немилостью отца, залазили в крупные долги, как в шелковое исподнее. Они часто закладывали семейные реликвии, доли в поместьях и земельных участках, обещали поспешествовать в назначении на важные посты, рыли тайные коррупционные подкопы, корыстовались добрым именем отца и далее по списку. Старшему на совершеннолетие подарили деревню на триста душ, где он тут же обзавелся

сералем из крепостных девиц, безжалостно портя их пастушью красоту и родовую честь. В общем, старшие сыновья вели распутный образ жизни, весьма заурядный и не нуждающийся в пространных описаниях, а поскольку я не привожу все эти недостойные подробности забавы ради или для ригористичного обличения знатных мертвецов, то этими сжатыми сведениями и ограничусь.

Несоизмеримой благородностью духа выделялась фигура господина Лихтхерштеллера. Граф, вопреки чаяньям лихого потомства, являлся горячим поклонником церкви и по совместительству истовым верующим, что обычно не представляется возможным сочленить в одном человеке. Покуда одни временщики осуществляют поддержку каноников в интересах длительного стояния у кормила власти, а прочие сердяги борются с одиночеством или боязнью страшного суда, — покойный господин избрал для себя третий путь, чистый как камфара. Он пылал восхитительной страстью познания Господа, и наипаче мечтал обрести себя у подножья ослепительных небесных престолов. Ах, мой милый господин, ты ушел от нас, ибо удостоился лучшей участи, чем утопать в грязи умершего мира!

Прошу прощения, я отвлекся: ностальгия сладко сдавила горло; если бы я все еще мог плакать, то склонился на могиле Вильгельма тысячью скорбных дождей. В общем, он исправно посещал недельные службы, не позволяя ни болезням, ни государственным делам порушить распорядок, посвященный Богу. Граф старался стать благочестивым сувереном, судил справедливо и вдумчиво, распределял землю не из самодурствующих порывов, но по разумным причинам; часто слаживал войско, дабы сохранить его способность драться отчаянно и умело, притом благоразумно не вступая в прямые столкновения с соседями, чтобы ненароком не удостовериться в верности реформ на поле боя. В целом Его Сиятельство Вильгельм фон Лихтхерштеллер не отягощал государство грабительской фискальной политикой и неспешно двигал владения к устойчивому развитию. Кажется, он даже учредил множество стипендий для студентов из крестьянской среды и продвигал всеобщую грамотность, так как нуждался в квалифицированных работниках. Да, также при нем был возведен приют, основательно перестроен госпиталь и заложен собор в его нынешней прелестной конституции.

Последний Лихтхерштеллер, сущая правда, не страдал от множества пороков его идейной современницы, сытой византийщины, но стремился созидать благоустроенное общество. Граф памятовал о скромности в речах, ценил сострадание в сношениях со слабыми и уязвимыми подчиненными, а с заносчивыми вел себя строго, из позиции сверху. К сожалению, Вильгельм подчас оказывался излишне мягкотелым и половинчатым в суждениях, из-за чего не смог переломить хребет гадине порока, глубоко врывшейся в подпочву правящей семьи. Ему приходилось выделять немалые средства из казны для покрытия убытков, понесенных из-за расточительности сыновей, что в известной мере вредило их взаимоотношениям. Вильгельм прощал слишком многое, что в конечном счете увело его за грань физического бытия в самом грубом и трагичном смысле. Здесь водворим на сцену декадентской повести младшего сына, столь же избалованного и отравленного вседозволенностью юношу, тем не менее грешившего не с проститутками, дурманами и издевательствами над бесправными, но с куда более зловещими сущностями, — темными силами.

Флейшвольфбург не всегда жил под этим именем. Город посрамил уродливым переименованием его нынешний властелин. К настоящему

моменту он просидел три долгих человеческих срока на стылом троне, спрятанном в катакомбах под твердыней ночи. В те времена, когда он обладал людским естеством и по совместительству носил достопочтенный титул барона, его величали Августом фон Лихтхерштеллером. Ныне он Август с почетной приметкой «IV», выдающий себя за правнука, хотя на деле упырь бездетный уже как двести двадцать пять лет. Август активно интересовался темными искусствами, а потому заполнил библиотеку черными гримуарами и эзотерическими откровениями, весьма вольнодумными и спорными с точки зрения символа веры. Заказывая отовсюду запрещенную литературу, он слыл чернокнижником и был негласно отлучен от церкви. Более того, Август окружил себя сонмом колдунов и призвал на службу жрецов иноземных культов, ни в грош не ставя авторитет легального духовенства. В его поместье регулярно отправлялись осквернённые ритуалы и даже приносились в жертву животные неким кровожадным божествам. Таким образом самомнительный юнец играл с языками адского пламени, словно чужеземный факир. Август безрассудно бросался тлеющими угольками и даже не пытался осведомиться о разрушительных последствиях разгоравшегося пожара! Некий восточный мистик пообещал вечную жизнь, секрет которой ему раскрыли могущественные духи на заброшенном кладбище. Август видел дряхлеющих родителей и не хотел повторить неотвратимую участь простых смертных, а потому с налету принял зловещее предложение. По совместительству Август управлял государственными виноградниками и винокурнями, а также осуществлял регулирование в этой сфере. По случаю щедрого урожая он вызвался организовать ярмарку за свой счет, а для родни задать примирительный пир подальше от народа. Это было рядовое событие в годы изобилия, так что поведение Августа не вызвало подозрений.

Жители окрестных сел, батраки и любопытные гости из города сошлись на ярмарочной площадке, увитой лозами и гирляндами цветов. Младший сын не поскупился сколотить в предместье палаточные ряды, обустроить яркие сцены и даже вырыть несколько колодцев для обеспечения светлого праздника урожая. Он нанял труппы цирковых артистов, актеров и музыкантов, дабы осчастливить самыми качественными увеселениями трудолюбивый народ. Толпа, ослепленная жаждой зрелищ, не догадывалась, что добровольно явилась на жертвенник. Разгорелся праздник, охмелели и расслабились досыта наевшиеся гуляки; садилось солнце. Кровавая западня вышла продуманной до мельчайших подробностей: Август нанял несколько ватаг головорезов среди речных пиратов и наемных отморозков со всех дыр; чернокнижники, начитав колдовские формулы, зарядили клинки убийц магической силой; несколько бороновальщиков окружили территорию символическим кругом, а затем продолжили вспаханную линию прямиком до заброшенного кладбища. На покинутом погосте вырыли огромную могилу, в которой разожгли костер, а на отвале установили серебряную купель, столь широкую и глубокую, чтобы в ней без лишних усилий мог искупаться взрослый человек. По команде мистика иноплеменные разбойники совершили жестокое нападение, убивая всех без разбору; в тот день было выпито крови больше, чем вина. Тех стоических смельчаков, кто пытался убежать от развращающих развлечений, догоняли разъяренные всадники и рубили им непослушные головы. Трупы всю ночь сносили на кладбище, где их подвешивали на деревянные стапеля, чтобы сливать кровь в серебряную ванну; обескровленные останки швыряли в погребальный костер, будто чумные туши. Жрецы мрака пели нечестивые гимны, дабы испросить вечной

жизни для ославленного Августа. Поднялась смрадная туча над кремационной площадкой, трещали раскаленные кости.

Тем временем в особняке весело пировали. Торжественный обед состоялся в узкой и протяженной столовой. Хозяева поставили в один ряд несколько длинных столов, снесенных со всех комнат, чтобы уместить наплыв гостей уважаемого рода. Графа почтительно посадили во главе стола у дальнего витража, а многочисленных родственников до третьего колена включительно рассадили по нисходящему родству. Так что мне, троюродному брату Вильгельма, досталось место у выхода, и до меня доносились только неясные обрывки фраз. Кажется, перед кончиной граф беседовал с сыновьями о внутреннем освобождении, как пути единства с Богом. Когда в комнату внезапно ворвались голодранцы, вооруженные кривыми саблями, и самым неподобающим образом взяли нас под стражу, мятежный сын взобрался на середину стола и с помпой произнес:

— Милые сородичи! Нет предела моей любви к тем, в чьих жилах течет родственная кровь, наследие общих славных предков. Возблагодарим же Бога за богатый урожай, что подарил нам судьбоносную встречу на этом согревающем душу семейном застолье. Природа является подателем всех благ, и ее рука никогда не оскудеет, распределяя всякому по нужде. Но я пойду дальше и ответственно заявлю, что именно Божьим перстом мы собраны вместе во имя провозглашения новейшей эпохи трансгрессии! Поскольку Вы уже плотно отобедали и употребили достаточно вина, чтобы притупить страх и заодно не впасть в коварную алкогольную дремоту, я решил искреннее поприветствовать Вас с грядущей метаморфозой. С почином вечной жизни, братья и сестры! Гвардейцы знают свою службу, так что не страшитесь оружия, сверкающего подобно необузданной огненной стихии. Всех галантно сопроводят на место инициации. Прошу не глупить и прежде всего воспринимать происходящее как юношескую шалость; отец, тебе тем более! Я вознамерился преподнести Вам самый смелый подарок: жемчужину бессмертия.

Медленно рассветало. Под конвоем цвет дворянства был доставлен на кладбище, пройдя сквозь липкое, полное мух и железноватого запаха, поле ярмарочного побоища. Знатным родичам попечительно предложили занять великосветские стулья, обитые бархатом; деревянные ножки под весом сидящих увязли в сырой могильной глине. Август, исполненный извращенной сыновней почтительности, нежно взял отца за руку. Вильгельм безмолвно подчинился, словно потерял остатки воли и деятельных сил. Август отвел отца к ванне, доверху наполненной свежей кровью; из погребальной ямы поодаль тянуло адским жаром и вонью кипящей плоти.

— Владыке сих девственных земель предлагаю переродиться первым, чтобы взять скипетр ночи и увенчать себя на царство Зла.

— Август, сын мой, — внезапно в правой руке графа заиграл парадный кинжал с блестящим лазуритом в навершии, доселе спрятанный в сапоге, — проклинаю тебя на вечное царство! Да будет оно наполнено червоточным беспокойством, слепым гневом и неизбывным страданием! А вы, благородные мужи династии Лихтхерштеллеров и родственных младших линий, внемлите: отпущение грехов даруется только через сталь праведника. Да будет мое слово священным проклятьем на головы заблудших потомков!

Граф был невероятно возвышен и выразителен в своей отчаянной предсмертной речи. Действо вышло в духе старинного завещания на смертном одре, которое принято с придыханием пересказывать и обязательно

включать в народный эпос. В тот же миг благородный господин Вильгельм фон Лихтхерштеллер ударил себя парадным кинжалом точно в сердце и замертво рухнул прямо в купель крови, обдав окружающих багровыми всплесками. Август взвыл, словно раненый зверь; он кинулся вслед за отцом, окунувшись не в обычную кровь, но уже в магический реагент; богомерзкий ритуал таким образом оказался успешно завершен. Кровь в серебряной ванне забурлила, что в нагретом котле. Оттуда вынырнул не человек, но бледнолицый упырь с мертвенными кошачьими зрачками. Август ощерил белоснежные клыки и равнодушно бросил тело отца в пылающую братскую могилу, охваченную бурлением телесных соков. Началась враждебная суматоха, некоторые из нас взялись за припрятанное оружие; я огрел конвоира стулом по голове и отобрал недурную саблю. Зажглось нешуточное сражение, в котором погибло немало лучших представителей знати.

Через пятнадцать минут я лежал, погребенный под телами родственников, тяжелораненый, захлебывающийся собственной юшкой; мне прокололи кишки в нескольких местах. Боль была столь жаркой силы, что тело из милосердия позволило сознанию не слышать ее, дабы испустить дух с честью и неомраченным рассудком. Я был без минуты мертвец, как нас зачем-то разложили в несколько рядов по холодной кладбищенской земле, словно тушки застреленных зайцев. Август подходил к каждому, кто еще пребывал в ясном уме, и с умиротворяющей надеждой в голосе предлагал примкнуть к нему, обещая немедленное исцеление и обоюдное забвение всех нанесенных обид. Когда очередь подошла, я смалодушничал и принял проклятье бессмертия, хватаясь за него, как утопающий за соломинку. Август обильно влил в мои раны хладную кровь и скрепил договор страстным поцелуем мертвеца. Я пожертвовал человечностью во имя жалкого, но не подтачиваемого временем существования. Я добровольно взвалил на себя ношу ненасытного кровопийцы.

XV

Пока мы с Блютхольдом молчаливо тряслись в повозке, по мере отъезда вглубь страны ухоженный сельский пейзаж оборачивался в вольную, дикую степь. Вот уже скрылись из виду поля волнующихся злаков, исчезли многокрасочные плодовые сады и ухоженные виноградники, затерялся свет редких хуторских очагов, как последний туманный признак цивилизации. Кажется, мы оказались на безлюдном приграничье, поросшем душистыми луговыми цветами и мелкими колючими кустарниками. Начало светать. По обеим сторонам от выбитой копытами дороги виднелись заросшие балки и солнечные холмы, в это время одетые в пышную молодую зелень; звонко пели пробудившиеся птицы, гудел раскрепощенный ветер, поднимая пыль и сухие стебли. Природа играла легкокрылую песнь на струнах вечно живого лета.

— Картинный рассвет. Большая радость выехать в прохладное поле, покуда травы все еще сочатся зеленью, этим пахучим буйством роста. Еще ценнее созерцательное мгновение, когда отдаешь себе отчет, что спустя время нежные растения привыкнут к палящему солнцу, и навсегда огрубеют, обратившись черствой желтой соломой. — Блютхольд разомкнул стиснутые со вчерашнего вечера уста.

— Прямо как люди! — я бросил короткий смешок. — Ты знаешь, за неполную неделю горожанства я постарел на сотню лет и обрел полнокровный опыт трех бюргерских жизней. Теперь я никому не верю и повсюду подозреваю обман, мухлеж, шкурничество, ловкое приспособленчество, предательство, равнодушие, вздутое от самомнения брюхо, нарочитое преувеличение потерь и бедствий, болезненную любовь к комфорту, самое главное, нежелание меняться. Отныне я ни к чему не стремлюсь, во всей мирской деятельности усматриваю вялую суету и томление духа. Из всех желаний во мне хранится лишь одно: брюзгливо расстроить планы всех тех простофиль, кто все еще воспринимает мир как интересную и прозрачную игру. Деньги, деньги, деньги! Прах, прах, прах!

— Ничего, путаный Фридрих, это в тебе говорит усталый подселенец-баловник, капризное детское эго. А ведь я начал такую вдохновленную речь о красках природы, о кисточке Бога-творца... а придется, как тот чудак с одним веслом, плыть по кругу и говорить о бытовухе. Не переживай, когда встанет вопрос о насыщении желудка, теплом жилье, свежей одежде, мазях, припарках, отварах, вещах и инструментах, а также о покрытии прочих бытовых нужд, то ты полюбишь городскую жизнь, или хотя бы смиришься с ней. Вселенная любит, когда агенты с жаром взаимодействуют, но не уперто садятся под деревом в близоруком отрицании самих себя. Когда нужда пинком выпнет в мир, то не ровен час и тебя самого накроет мороком оглашенных пороков. Будь терпелив и наблюдай. Не вовлекайся, ибо не ты это делаешь, но все течет как бы само по себе и само в себя. Находясь под всеобщим давлением, словно входящие в бескрайнее море быстротечные речные потоки, мы по собственной воле разыгрываем небесную игру. Равновесие установится, не опаляй попусту подкопченные нервы.

— Мысль о том, что все взаимно сообщено и перетекает друг в друга, честно говоря, на какое-то время позволяет привести ум в спокойствие. Но надолго ли?

— Если не хотеть большего, то навсегда.

— Самонадеянная философия. Мне кажется, что органы чувств постоянно сигнализируют об обратном. Я всегда голодный, стоит мне на полчаса отойти от стола.

— Без порока не было бы добродетели, да, Фридрих? Подумай об этом. — витиевато ответил Блютхольд и оборвал разговор на полуслове.

Я посвятил остаток поездки длительным размышлениям о природе парадоксов и антитез в пестром человеческом мышлении. Господин Блютхольд явно преуспел в поиске взаимосвязей, единства и борьбы противоположностей. Было невыносимо жарко, я освежался самодельным опахалом из березовой коры. Бурдюк нагревшейся воды, набранный в придорожном роднике, оказался почти выхлебан. Оторвавшись от мучительных дум, я заметил перемены в окружающем пространстве. Дорога стала особенно тряской. Мы подъехали к широкой земляной насыпи со рвом, за которой опасливо дыбился свежий частокол на холме. Нас встретил патруль, произвел сверку обоза. Мы по-свойски въехали в укрепленное поселение. Внутри оказалось много ветхих крестьянских домов, а также срубный новострой под армейские нужды. Гвардейцы лениво перекапывали пустыри под погреба и землянки: гарнизон обязали следить за хозяйством в отсутствие удовлетворительных поставок извне. Наряд как раз ловил драчливого петуха, чтобы сварить ужин; кому-то не повезло убирать в свином загоне.

Мы остановили повозки у ничейного дома на углу, подальше от голодных солдатских глаз. В бревенчатой хижине стоял сборный запах мышей и затхлости. Мы закрылись на щеколду и, не открывая окон, сели беседовать у пыльной печи. Чего не вытерпишь ради осуществления козней.

— Форт Дармерей. — Блютхольд снял фетровую широкополую шляпу со значком снабженца. — Раньше здесь был хутор, но теперь сюда определили на постой отряд капитана Хакебайна, скорее всего из-за наличия воды и доминирующей высоты в долине Опфера. Местные почти поголовно выехали, остались ветхие старики и наемная обслуга. Мы с Хайнцем-младшим припадем в здешних краях: организация мятежа в войсках ляжет на наши поварские плечи. А ты, Фридрих, с рассветом пустишься на поиски семейной реликвии Лихтхерштеллеров, которую считают утерянной уже как два столетия. Смекаешь, к чему я клоню?

— Очень вероятно, господин заговорщик. — я также снял форменную шляпу, вытирая рукавом мундира потный лоб и засаленные волосы. — Хайнц-старший что-то говорил о кинжале последнего графа, чьего имени я конечно же не запомнил. Мы живем в столь изменчивом и богатом на события мире, что всего и не упомнишь; ритм невыносимо ускорился.

— Весьма тонкие замечания, но они не к месту. Мы договорились, чтобы оборонительные позиции наметили на месте старого погостного побоища. Наши люди уже раскопали часть захоронения, но в процессе обнаружили некий обвал, ведущий в неустановленную глубокую шахту. В письме указывалось, что внизу располагаются длинные темные галереи неизвестного происхождения. Мы не знаем, сколько гор песка тебе предстоит перерыть, но святой кинжал Вильгельма фон Лихтхерштеллера обязан стать нашим главным орудием в борьбе с тиранией нечестивого Августа. Только благодаря этой освященной стали можно сбросить иго узурпатора.

— А зачем Вам чеснок, если нужно изыскивать дополнительные средства поражения? Какого черта я рисковал все это время, надрывая спину? — я простодушно недоумевал.

— Чеснока боятся все вампиры, ты таскался с грузом не зазря. Если прожевать головку чеснока, то тебя гарантированно побрезгуют съесть. То же самое, если натереться им или смазать оружие: кровопийца получит болезненные ожоги и, скорее всего, отступит зализывать раны. Но это касается незрелых или слабосильных вампиров. Для истребления чудовищ августовского разлива нужен предмет, связанный с ритуалом обращения. Сиречь, отцовский кинжал. Чеснок же будет в свое время использован против презренной свиты.

— Звучит достоверно. Давайте наконец поужинаем. — меня утомили бесконечные вводные беседы.

— Эх, Фридрих, ты будто с голодного края. Нет в тебе ни романтики поэта, ни стойкости философа; ты лишен даже горячечной молодецкой гордыни, столь распространенной в нашей среде. Твой двигатель есть единственная, плоская и животная мотивация: утоление голода. Ты вечный чужак в мире неугасаемых желаний.

— И в этом отношении я куда здоровее Вашего брата, флейшвольфбуржца.

— Можешь прогуляться, осмотреть гарнизон. Внизу есть чистый ручей, советую искупаться, пока не село солнце и мы не приготовили баранину. После жирного мяса лучше не употреблять ничего холодного. — отходчиво сказал Блютхольд.

Я взял с собой второй комплект исподнего, и по указанию командира потопал в одних подштанниках и неудобных лаптях, позаимствованных у бывших хозяев хижины, вниз к речке. Стало куда легче: жар солнца умерял прохладный ветер, а близость к водоему наполняла легкие приятной влагой. Дежурный, узнав о купальном досуге, охотно выпустил меня из форта и даже показал путь, по которому можно безопасно спуститься с обрывистого холма. Я последовал совету, и проворно двинулся по хоженой тропе, поднимая горы пыли в попытках удержать равновесие. Форт Дармерей нависал мрачной тенью над рекой в долине, так что мне почудилось, будто я всамделишный антигерой данной повести. Не может так произойти, чтобы праведник столь привольно квартировал у войска, водимого кровососами, без стеснения носил их форму и охотно доставлял припасы мучителям людей. С трудом спустившись, я обнаружил неухоженный фруктовый сад с сухими деревьями и высокими зарослями травы и вишняка. Из-за плотной лиственной стены, уходящей вбок от речной тропы, доносилась крепкая мужская ругань. Меня вмиг захватило любопытство, и я пошел на звук, пока не уткнулся в увлеченное сборище солдат. Они сгрудились у широкого дуба, разжигая сухие ветки в староватом глиняном жбане. Двое солдат зачем-то обмазывали лица и руки грязью.

— Я срежу соты, но ты сначала хорошенько продыми. Усек? — грязнолицый обратился к своему товарищу.

— Я таким никогда не занимался, но попытаюсь.

— Здесь нет ничего страшного, мы с дворовыми иногда разоряли ульи в лесу.

С живым интересом я наблюдал, как солдаты полезли по двум лестницам к открытому дуплу, вооруженные долотами и ножами. Им подали дымящийся глиняный сосуд и еще один, пустой, для сбора меда. Какое-то время пчел окуривали дымом, тем самым вводя колонию в замешательство скорым пожаром. Дождавшись дезориентации насекомых, импровизированные бортники энергично выдолбили широкую дыру в дупле для легкого доступа к

меду. Солдаты принялись срезать сочные соты, стараясь не брать во внимание ожесточенную борьбу некоторых пчел.

— Ай! Больно кусаются!

— Терпи, терпи, все вернется с лихвой...

— Невмоготу! Отойдите, бросаю кувшин!

Гвардейцы разбежались кто куда, жбан с грохотом упал и разбился на мелкие кусочки, выбрасывая горячие угли и полуистлевшие листья по поляне; тут и там вспыхнуло пламя, солдаты хаотично тушили его ногами и тряпками; бортник с ножом сбросил последний лакомый кусок сот в кувшин для сбора, и двое солдат, переругиваясь как самые невоспитанные портовые грузчики, слезли с дерева. Тут на сцену вышел я, чтобы спросить в излюбленной придурковатой манере:

— А что это только что произошло?

— Если детей нетрудно обманывать, то что сказать о пчелах? — матерый промысловик облизывал сладкий нож. — Какая вкуснятина.

— Никогда не задумывался, но разве пчеловоды не поступают бесчестно, грабя таких искренних трудяг, как пчел? Они собирают мед не для нас, но чтобы вырастить детву. — я присел на примятую траву.

— Слушай, зачем ты мне мозги компостируешь? Даже умственно обделенному вдомек: пчелы не понимают ничего, что мы с ними совершаем, и тем более не осознают, как грубо мы обходимся с ними. Разум жуков ограничен их природой, устройством крошечных тел.

— Но ведь мера ответственности определяется нашими поступками, а не пониманием жертвы?

— Так, довольно назойливого вопрошания. — лысый солдат отрезал мне немного сот и предложил забрать с лезвия. — На, держи кусок и проваливай. Воск можно есть, но на любителя.

Пока я нежился в прохладной речушке, стоя по грудь в журчащей воде, на моем языке до сих пор таял тот нежный и ароматный цветочный мед, вкуснее которого дотоле не пробовал. Досадно, что чем более диким и разрушительным образом мы добываем пропитание, тем ярче и приятнее его вкус. Детство человечества, написанное на гобеленах ювелира, неожиданно насытилось новыми живыми оттенками. Нетрудно отнимать и порочить, и как несподручно прилагать усилия к сочувствию и дружбе! Меня посетила душевная тоска. Ребенок часто близорук и капризен, когда дело доходит до возмездия за издевательства над слабыми сверстниками или злостное ослушание старших. Но разве эти причуды останавливали родителей и наставников от воспитания сознательного человека? Даже в том случае, если они воспользуются такими горькими средствами, как ремень и обременительные запреты. Боль и слезы перекуют тех, кто неспособен избавиться от ржавчины себялюбия самостоятельно. Впрочем, мне ли менторствовать?

XVI

Я весело плескался в холодном речном потоке, канализируя гнев и обиды прошлых дней; речка была чистой, а ее дно каменистым и прозрачным. Усеянные разноцветной галькой, берега завораживающе поблескивали нерушимой гармонией природы. Журчание воды принесло с собой долгожданную перезагрузку, как легкий сон в жаркую погоду. Но недолго я упивался покоем: вынырнув, краем глаза я заметил, что в мою сторону неслись некие массивные темные бревна. В испуге я шустро вылез из воды и стал наблюдать, как меняются очертания плывущих по течению объектов. Вскоре я определил, что это не случайные неодушевленные предметы, а человеческие тела. Так уходили сраженные гвардейцы Флейшвольфбурга. Вперемешку с ними отправились в лучшие миры неизвестные, по-видимому, неудачливые враги, порубленные и обезображенные. Не знаю, в какое море впадает эта речка, но убитых мне искренне жаль! Кто их похоронит, кто отыщет и поведает родным о зверской кончине? Нет им ни проводника, ни провожатого. Одно из тел, самое массивное, прибило к берегу; я побежал к мертвецу, чтобы не отдать его жадному течению. В бледном лице с застывшей гримасой я узнал того самого воеводу, что призывал добровольцев у виселичной площади. Интересно, как он угодил в западню? Или генеральное сражение уже случилось?

Следующим утром, плотно позавтракав чечевицей с вяленым мясом, я прицепил на шляпу пышное фазанье перо, и неохотно двинулся в путь. Так как я не знал дороги к кладбищенским позициям, в сопровождение мне назначили молодого и проворного гвардейца, стоявшего на указанном посту несколько недель назад. Блютхольд оказал мне высочайшее доверие, передав собственного мула; я нагрузил животинку казенным провиантом и по-хозяйски повел за уздцы. Второпях мы вышли вместе с рассветом, жара еще не успела распалиться; наши сонные рассудки, кажется, все еще воспринимали соблазнительные сновидения. Дорога лежала через тропу между двух лиственных посадок, служивших межой земель двух баронов, эвакуированных со своими семьями и придворными в столицу. Стало быть, в связи с боевыми действиями активное пользование тропой было поставлено на паузу. Кроме хрустящих желудей, голодных клещей и снующих ворон здесь было решительно некого встретить. Мой спутник насвистывал односложную мелодию, а я усердно тянул несговорчивого мула. Так мы провели довольно времени на пустынной дороге, пока в полдень не случилась весьма содержательная беседа:

— Мне следует узнать больше о наблюдательном пункте? Конечно, я лишь ползучий тыловик, и мой обоз, видимо, долго на передовой не задержится...

— Ничего особенного, Фридрих. — отвечает гвардеец; его безжизненные серые глаза блестели, словно хрусталь. — Ветхое кладбище с поваленными могилами, низкий частокол, наскоро сколоченный из крестов и леса, рвы и укрытия, невыносимая жара без единого намека на спасительный тенек. Когда пойдет дождь, ямы заливает грязью, все становится сплошной лужей. Отовсюду несет порохом, падалью и страхом.

— А с едой и водой как дело обстоит?

— Голодно половину недели, другую набиваем животы, как только притащится долгожданный обоз с провизией; очень нервная служба, так что рачительным хозяйствованием не похвастаемся. Нехватку воды испытываем

всегда, приходится собирать дождевую и кипятить. Об остальном уже набили оскомину болтать...

— Нехорошие условия. Если есть выбор, лучше не воевать. — подытожил я.

— Не хочу туда возвращаться из отгула. — признается мой спутник. — В груди все сжимается, горло болит отчего-то...

— Отгул? Выдается как поощрение?

— Нет, меня сняли две недели назад. — постыло отвечает молодой гвардеец.

— Что-то серьезное? Проштрафился? Ты прости, если мне недостает предупредительности, и я посягаю на чужие сундуки.

— Любопытный как обезьяна! Если честно, то меня отправили в полевой госпиталь. Лечили отварами и заставляли каждое утро совершать исповедь. — нехотя сообщает гвардеец.

— За какие грехи в столь бесчинной армии принуждают посещать поповскую будку? Воистину, они же поголовно мироеды, лжецы и лентяи! — из меня изливается судорожный смех.

— Твой юмор пропитан уксусом. — гвардеец остановился и обжигающе взглянул на меня; меня пронял страх.

— Острословие должно подчиняться мере благоразумия. Прошу прощения. — миролюбиво ответил я.

Мы добрались до позиций и тут же разгрузили мулов, пробуравленные стеклянными взглядами бойцов передовой. В основном мы тащили еду, но в сумках также хранился порох, пули и болты; часть из этого мы несли на своих плечах, так что за полдня изрядно утомились. Чумазые бойцы предложили нам теплой дождевой воды, и мы не смогли отказаться, взамен вручив им бурдюки вкусной воды из источника. Самоорганизация отважных мужчин была на высоком уровне, так что я с бездеятельным удовлетворением созерцал, сколь ревностно они разделяли пищу и по-муравьиному дотошно сносили довольствие в землянку на краю кладбища, видимо являвшуюся их складом и жильем по совместительству. Мы находились на одной стороне, в то время как у противоположного конца кладбища зияла темная яма, угнетающая своей кажущейся бездонностью. У меня не было желания тревожить вечный покой мертвецов, колобродя среди заросших могил, так что я остался в тени бревенчатого бруствера. Усталые ноги гудели, а я лениво считал синиц на раскидистом ясене.

Ко мне обратился подошедший солдат, подняв пыль громоздкой пищалью:

— Ну как тебе путешествие с Улем? Он у нас отличник. Не ожидал, что возвратится в наше неблагонравное собрание. Такое учудить, Господь сжалься над его грешной душой! — усатый стрелок перешел на осторожный шепот.

— А мне он кажется приятным и дружелюбным. Каким образом Уль оступился?

— Да он сущий зверь! — гвардеец вкрадчиво защебетал. — Когда мы отражали вражескую волну, эту бестолковую и самоубийственную цепь мушкетеров, Уль выхватил сержантский кортик, перелез трухлявое укрепление, и лихо рванул в скопище бушующих вюрстваренштадцев. Молодец играючи зарезал несколько человек, а потом впрыгнул в яму, образованную разрывом пушечного снаряда, и хищным зверем ждал, когда ружейный огонь докосит урожай. Как только раненые, захлебываясь в крови и орошая землю горькими слезами, распластались или предсмертно скрючились на выгорелом лугу, кровожадный Уль выполз из воронки, словно

аспид. Голова за головой падала с плеч несчастных, несмотря на неохотное роптание товарищей из-за амбразуры, и через каких-то десять минут он гордо сложил мясницкие трофеи перед укреплениями, радостно махая руками и насвистывая разбойничьи мотивы. Мы подумали, что страсть к поруганию тел отыщет в этом низком поступке свое удовлетворение, но Уль взялся выстругивать колья из длинных веток. Он не послушался добрых советов, и не остановил акт первосортного безумия. Уль вошел в раж, и ничего стороннего не воспринимал; он насадил головы на колья, а колья установил на пригорке, чтобы внушить ужас следующей группе смертников. Обезглавленные трупы к вечеру распухли, завонялись; что уж дополнить про головы? Все это время Уль был занят строительством алтаря смерти, и только к полуночи вернулся, как ни в чем не бывало отужинал и лег спать под открытым небом, наслаждаясь ослепительной красотой звезд. На утро прибыл свежий обоз, и сержант выпроводил его с рапортом о душевном недуге куда подальше. Объясняю начистоту: мы надеялись, что Уля переведут или спишут, ведь он потерял огонь разума! А вдруг ему ночью взбредет в голову, что я вражеский агент али привидится, что клятые вюрстваренштадцы уже спят на соседних нарах?

— Мне очень жаль, что Вас принудили участвовать в аморальных, двуличных экзаменах на человечность. Это ужасно, что Вас заставили столкнуться лбами на узком участке столь обширных и плодородных земель, чтобы резать и расстреливать друг друга без эксплицитных причин. Мне прискорбно, что многие не выдерживают жестокости и трогаются умом; и тем более жаль, что адаптанты не в состоянии оценить в широком ключе свою беду и страдания ближнего. Мы нередко вялы и сухи перед лицом опасности, если не предпримем предельный прыжок вперед. Поместите Уля в теплые объятья и напоите успокоительным грибным чаем. Его людское начало погребено во тьме сражения; Уль нуждается в ярком светоче, — Человеке. Тяжело его отыскать!

— Издеваешься, пустомеля! Посмотрим, как запоешь, когда увидишь гнев «одинокого» и «потерянного» парня. Никогда не знаешь, когда враг пойдет на следующий штурм. — выцедил через силу усатый.

Когда жара отступила, меня пригласили к сержанту на беседу. Им оказался сухощавый сорокалетний мужчина, измаянный непостоянным сном, плохим питанием и мучительным грузом ответственности. Надеюсь, мне никогда не придется испытать, каково следить за вверенным имуществом, жизнями подчиненных и притом наскоро организовывать оборону на задворках графства. Мундир висел на нем, как грязный мешок; сержант сидел на грубом табурете, попивая кофе из глиняной кружки. Он нахмурил густые черные брови, когда я неуклюже протиснулся под низкие своды землянки.

— Хайнц-младший передал записку. Я велел копачам убраться, как только братская могила решила сойти в ад раньше срока. В земле было так много покойников с драгоценностями и деньгами, в полуистлевших шелках и дорогих мехах... на кладбище явно погребли знатных лиц. Паче того, их убивали зверски и в промышленных масштабах, словно зачумленный скот. Мой отец давным-давно прислуживал ключником барона Бойтеблутальдемана, когда поместье разграбили ушкуйники-стинхарингзештадцы. Тогда барон давал праздник зимнего солнцестояния, и его дом наполнился вассалами и родственниками; речные разбойники не пощадили даже детей. А то, что мы откопали в данном массовом захоронении, по количеству и характеру ран превосходит в жестокости злодеяния всех

известных мне душегубов. Я глубоко потрясен ужасной находкой, несмотря на войну и каждодневные смерти, ставшие трагической рутиной.

— Тревожные вести. А что насчет искомого артефакта? — я присел на скрипучий табурет с шероховатым сиденьем. — И куда Вы поместили прочие находки?

— Мы условились сложить трофеи в сундук, а при отходе взять сокровища на обоз и честно разделить. Хайнц так и сказал, что любые вещи, найденные в процессе археологических раскопок, принадлежат взводу. Конечно, кроме того самого кинжала. К сожалению, мы так и не вырвали семейную реликвию из ухватистых лап смерти.

— Мне нужен спутник при спуске в подземелье. Я планирую исследовать пещеры под кладбищем.

— Ох, Фридрих, как быстро ты решился засунуть голову в пасть тигра! — гулко смеется сержант, обнажив желтоватые зубы. — У меня для начала есть один вопрос, может и не совсем по теме, но я им задался, как только увидел внутренности могильника.

— Не мне одному баламутить галантное общество. — я пожал плечами. — В чем дело?

— Почему штабеля изуродованных тел, мучившихся перед смертью, наброшенные друг на друга без гробов и саванов, без единой таблички и уважительной указки об их печальной судьбе, мы так нежно называем «братскими могилами»? Ужели братское содержится в том, чтоб сгнить среди незнакомцев, как ветшающие под открытым небом дрова?

— Не стоит сгущать краски. Моя гипотеза такова, что в былые времена подобным образом хоронили убитых соратников после массовых сражений, как бы намекая на родственность и глубокую признательность... — начал я логически оправдываться.

— Это да... — сержант неучтиво перебил меня и продолжил о своем. — Но что жутче, нашими стараниями покинутое кладбище вновь задышало свежими захоронениями, на сей раз вюрстваренштадскими. Господь смеется над нами при помощи непричинных взаимосвязей, которые людям невозможно осмыслить с помощью интеллекта. Фридрих, нет угрюмее существа, чем безвольный землекоп!

XVII

Я проснулся от того, что мне на нос свалилась сосновая кора с наката землянки, и я не мог вдохнуть воздуха; вокруг поднялась завеса пыли, ощущалось грозное падение картечи у могил наверху. Только сейчас я взял в толк, что нам приходится спать на том же уровне под землей, что и почивающим гнильцам в их скорбных дощатых домиках. Артподготовка длилась несколько минут, в продолжение которой я сонно наматывал вчерашние портянки. Наконец, дождавшись молчания вражеских орудий, из укрытия под властные окрики сержанта стали выметаться мои временные сокровники. Гвардейцы, вооруженные пищалями, арбалетами, палашами, топорами, лопатками и бомбами, не успели привести форму в порядок; одни светили голыми пятками, а другим приходилось идти в бой в одних ночных сорочках. Я противник всякой бравады, и честно проповедую осторожность, даже когда легкомысленные люди чернят ее паникерством. Я бы избрал для себя горькое бесславие и общественное поношение, но не причинил бы подаренному мне телу боль и увечья в борьбе за приобретение чего-либо необязательного, почитаемого лишь из причуд гордости или избалованности сытых обывателей. В особенности я бы отказался от стяжания столь суетной и абстрактной добродетели, как воинский долг перед Отчизной, управляемой вампирами. Поэтому я ушло мешкал на лавке запасных, обнимая спрятанный в ножнах меч; ко мне подсел спутник из снабжения, у него честно тряслись руки. Командир заметил, что мы филоним умирать, а потому с легкой руки нагрузил наши спины нежеланным приказом:

— Довольно манкировать, время и Вам взять часть народного бремени, уважаемые тыловики. Уль, отныне ты подначальный Фридриха. Твоя задача — отвести нашего досточтимого гостя к проклятой яме, а в дальнейшем верно сопровождать его в путешествии по подземному царству как своего покровителя. Вопросы?

— Сержант, мне лестно знать, что Вы мне доверяете столь ответственное дело. Однако душепопечитель намедни отпустил мои грехи, и мне не хотелось бы так скоро низвергнуться в ад, тем более что я внес пожертвование в размере месячного жалования на счет монастыря. Я вполне заслуженно рассчитываю продлить подписку на жизнь, пускай и пропитанную солью утрат. Признаться, я разохотился убивать.

— Солдат! — сержант неудержимо смеется. — В подземном царстве нас может ожидать участь куда счастливее, чем в раздрайном Флейшвольфбурге. Быть может, мы с радостью отправимся вслед за Вами, если вюрствареншадцы захватят территорию раскопок.

Я разудало поправил отложной воротник мундира, сальный и пыльный, и метнулся прочь из землянки; ноги обдало вихрем подзуживающего страха, а по коже заметались мурашки. Я удирал что было мочи от воплей, выстрелов и звона скрестившихся сабель. Следом семимильными шагами двигался Уль, разочарованный в идее войны и страшащийся сгинуть в столь пасмурное и неприветливое утро. Меж могил лежали еще теплые тела как врагов, так и друзей: изломанные, разорванные и обескровленные. Раздался гром орудий; мы бросились в разрытую могилу, ломая хрупкие кости под собой.

— Прошу прощения. — я обратился к тленному постояльцу, чьи ребра я нечаянно проломил сапогом. — Мы здесь не с целью поругать Вашу вечную память, но в отчаянной попытке отстоять свои незначительные жизни, кои в

наличных условиях легче потерять, чем самой нерасторопной букашке в паучьих сетях.

— Ты лучше сюда погляди, трещотка. — Уль указывает на расчлененное взрывом тело. — Это же добрый дружок Йозеф. Господи, нет горше кончины!

— Это еще почему? — тем временем я извлек меч, заслышав поблизости выкрики на чужом диалекте. — Нам еще предстоит попробовать на зуб, что неумолимый рок придержал для наших малодушных сердец.

— Раз его ошметками разбросало по округе, то юридически Йозефа невозможно признать погибшим. Он останется пропавшим без вести на века, и не видать его домашним ни пенсий, ни выплат.

— Но ведь ты знаешь, что перед тобой именно Йозеф, хоть и разобранный по частям?

— Командиры рвут на глазах рапорты со свидетельствами солдат. Об удачных спорах в гражданских судах по таким искам я не слышал. Правды не восстановить.

— В подземном царстве нас чает более жалующая доля.

— Довольно, Фридрих, о загробном. Скажи, почему они стреляют из пушек в то же место, куда двигаются их солдаты? Это же самоубийство.

— Давай поинтересуемся у бедокуров. Они как раз желают познакомить нас со своими штыками. — я поспешно вылез из могилы, чтобы вступить в рукопашную схватку с вюрстваренштадцами.

Боя не вышло. Нас пленили превосходящие силы мушкетеров Вюрстваренштадта. Я не стал сражаться, потому что начальство сдалось прежде. Из землянки был брутально вытаскан раненый сержант со знаменем взвода, как символом поражения. Ему оказали дрянную медпомощь и заставили сдать кладбищенский гарнизон. Выжившие охотно пошли на капитуляцию, намотав исподнее на древки и палки, тем самым демаскируя оборонительные ямы; их пинками сводили к самому высокому кресту, где мы с Улем уже некоторое время смиренно сидели под стражей. Я не любитель отдаваться на милость ненавистников, но иногда приходится оставлять позади весьма непрактичное сопротивление вселенной. Не исключено, что посредством подлости врагов мы общаемся с собственными страхами и предрассудками? Однако если доковать цепь размышлений, то и жертвы насилия, безвинно осужденные и претерпевшие прочие беды люди получили их как необходимую весточку от Бога! Лучше бы я вообще не плел нить столь отвратных измышлений. В общем, гарнизон разоружили, а дерзких гвардейцев для профилактики избили прикладами и оттаскали за бороды; один из бойцов решил не сдаваться, так что его укрытие хладнокровно забросали бомбами. Нас построили в две шеренги и заставили выкрикивать «Слава штатмейстеру Крафтштаммдоминанцману!», после чего раздели догола и принудили плясать вокруг знамени, словно дремучих идолопоклонников. Когда унижение надоело даже вдрызг пьяным мушкетерам, хромой сержант по требованию вюрстваренштадцев торжественно вручил знамя победителям. Пленных заточили до особого распоряжения в землянке без еды и воды, изъяв в пользу Вюрстваренштадта награбленные в ходе раскопок сокровища; пленников планировали использовать для рытья могил.

Меня и Уля, обнаружив на форме знаки различия службы снабжения, как потенциальных языков сопроводили к командиру мушкетеров. Нас вели швырком, одаривая натруженные спины незаслуженными синяками. Мушкетеры оскорбляли наших предков самыми невежественными

выражениями, а также грозили неотвратимой местью за долгую оборону кладбища. Мне лестно, что меня сочли сопричастным к столь ожесточенной и продолжительной схватке за покинутый погост, стоившей противнику сотен жизней самоотверженных солдат. Однако я не совершил ни единого выстрела, и тем более не взмахнул отточенным мечом. Стараясь не реагировать на провокации победителей, мы бросились несколькими фрустрационными фразами:

— Фридрих, горе нам, что не пошли на славную смерть в бою, но согласились оказаться в плену у потомственных садистов. Теперь нас будут истязать, насиловать и морить голодом вплоть до перемирия, кормя плесневелым хлебом и тухлой водой. Наши мышцы жалобно одряхлеют и лишат нас самомалейшей возможности к сопротивлению. Мы иссякнем; болезни настигнут нас, терзая ослабевшую плоть. На изнуренных телах обнажатся острые ребра, словно ножницы, чтобы раскраивать повисшую кожу как тонкое полотно. Наши ломкие зубы и волосы выпадут из-за скотской диеты, а души претерпят неизлечимые раны. Мы превратимся в живых скелетов, в хрестоматийный пример жертв поветрий и сурового бесхлебья. Время хоронить человеческое достоинство!

— Не печалься, Уль, ибо эти люди страдают от алчности и узости мышления сильнее, чем твои соотечественники. Они нерадивы к службе и жестоки в отношении самих себя. Правда спасет наши бессмертные души.

Сначала нас, будто овец на горном выгоне, спустили с кладбищенского холма, усеянного трупами, воронками, кольями, рвами, обезвреженными ловушками и прочими следами смертельного сражения. Нас подгоняли дулами мушкетов, а мы, перебегая, отвечали хлесткими звуками подошв, и поднимали за собой клубы пыли, непроизвольно вдыхая всю эту тошнотворную взвесь. Я ощутил, что мой рот наполнился скрипящими в зубах песчинками. Мы перебежали через серую зону, ниву с неснятой озимой пшеницей, вытоптанную сапогами и копытами, чтобы попасть на опушку соснового бора. Меж деревьев, камуфлированные от глазливых прохожих хвойными ветками, стояло множество пушек на лафетах, а рядом с ними сошлись на перекур плечистые пушкари. На удалении десяти рядов сосен у вюрстваренштадцев находилась собственная линия обороны. Траншеи, обложенные деревом, образовывали единую сеть, сообщенные между собой множеством землянок вроде тех, где я спал этой ночью. Нас загоняли сквозь вражеский стан, словно взмыленных лошадей, а вел нас сущий скотогон. Вюрстваренштадцы бросались в нас шишками, освистывали и всячески насмехались, пока нас направляли к лесному гроту, где находился штаб наступающих. Когда мы приблизились к мозговому центру противника, то увидели картину диковинного умиротворения, как будто здесь никогда не случалось войны. Солдаты жарили ароматную дичь на железных прутьях; кто-то играл в кости и карты; кто-то читал; один важный человек брился, а подчиненный держал ему зеркальце и бритвенные принадлежности; все были чистые, в свежей выглаженной одежде и лощеных лицах, незатронутых голодом, недосыпом и страданием. Нас поставили на колени перед седобородым командиром, который на время отвлекся от чтения книги в кожаном переплете, украшенном тиснением и золотыми накладками. Он выглядел сурово и внушал нам уныние. Уль настолько разуверился в счастливом исходе, что бедственно понурил голову, а глаза его налились молчаливыми слезами. Его надломили, как спичку. Не враг это сделал, а целители в тылу, внушив лицемерную чушь про покаяние, пока сами

проедали баснословное жалование, — такое озарение настигло мой медлительный ум.

— Господин Ратсгауптманн, мы захватили кладбище. Кроме трусоватой пехоты, которую мы разоружили и оставили на месте для употребления землекопами, к нам в плен угодило двое снабженцев. Они могут знать куда больше остальных, поскольку прибыли на позиции вчера пополудни из форта Дармерей.

— С каких пор хутор на холме, огороженный трухлявым палисадом, мы называем таким неприступным словом как «форт»? Прикрываясь надуманной защищенностью врага, нам не скрыть подлинной слабости и нерешительности нашего войска. Я не дам вашему брату спуску! Будете у меня наступать и в зной, и в бурю, и даже в каменный дождь. — не без раздражения сказал облеченный властью старик.

— Виноват, господин Ратсгауптманн, я...

— Довольно, лейтенант. Возвращайся к своей сотне и готовь кладбище к обороне. Возьми тягловых, перетащите третье, пятое и восьмое орудия, а также бомбы и запас пороху. К ночи или утру стервятники пойдут на штурм. Адъютант! Подай пыточный набор, поупражняемся в дознании.

Когда мне сорвали несколько ногтей и сделали множество надрезов на коже, я сдался и сообщил о семейной реликвии Лихтхерштеллеров. Однако таких увечий оказалось недостаточно, и после прижженного тавра на спине я также уведомил уважаемых офицеров Вюрстваренштадта, что волшебный кинжал покоится в глубине дьявольской ямы. Старик из наслаждения растопыривал ноздри, быстро дышал и зверски оскаливался; его охватило некое опьянение от безнаказанности и жестокости, позволенной в отношении пораженного неприятеля. Когда мне попытались выколоть глаз, то я истошно закричал и выдал на-гора, что вся знать Флейшвольбурга на самом деле является вампирами, а я сам тайный повстанец и злейший враг режима. Старик воспринял это признание за шутку, но проявил милосердие и прервал мою пытку.

— Он, верно, выжил из ума. Что скажет второй?

Улю оказали меньшие любезности, и его прекратили истязать только тогда, когда он потерял несколько пальцев, получил множество ожогов и ему выбили молотком зубы. Уль упал и надолго лишился чувств, несмотря на приводящие в сознание удары. Седобородый психопат приказал отнести несчастного в местный лазарет с тем, чтобы потом продолжить допрос. Больше я не встречал этого мирового парня.

— Давай вернемся к кинжалу, Фридрих. — с притворной лаской произнес ратсгауптманн.

— Да, милостивый господин, кинжал Вильгельма фон Лихтхерштеллера был безвозвратно утерян после ритуала обращения Августа в вампира, и погребен где-то среди трупов в общем захоронении.

— Недавно это захоронение обвалилось, и теперь на его месте пустеет бездонный провал?

— Да, милостивый господин. — ответил я, пытаясь совладать с одышкой.

— И кроме этого кинжала там могут быть другие драгоценности?

— Несметные. Часть была откопана, но это место скрывает множество бесценных сокровищ.

— Как ты смотришь на то, чтобы стать проводником для моих людей, и спуститься в подземелье?

— Я рожден исследователем, милостивый господин. Тем более под защитой столь доблестных и могучих воинов, как вюрстваренштадцы.

— Мы поставим тебя на офицерский паек, залечим раны мазями и прочими снадобьями, а послезавтра отправим старателем в яму. Сдается мне, в темноте найдется золота и серебра больше, чем на всех приисках и рудниках Гроссшмерцляндии вместе взятых.

XVIII

Следующие две ночи я провел в походном лагере сил Вюрствареншадта, зализывая раны в просторной клетке под навесом, видимо, для зверей. Оказалось, что противник базировал повод для военной агрессии на диаметрально противоположной точке зрения, нежели это растолковывалось с виселичной площади Флейшвольфбурга. Из уст местной пропаганды звучало следующее: деревня Опфер была передана в аренду графу Лихтхершеллеру на пятьдесят лет по условиям мирного договора, заключенного полвека назад, а срок оного следует считать истекшим уже более чем несколько месяцев от объявления нынешней войны. Велемудрый штатмейстер Крафтштаммдоминанцман ранее направлял послов к флейшвольфбуржцам, следуя принципу добрососедства и неуклонного исполнения условий договора с тем, чтобы населенный пункт вернулся в законное владение Вюрствареншадта. К тому же об этом просили местные жители и староста деревни, ведь корни их семейств плелись в сторону города колбасников, а могилы предков нуждались в присмотре и обновлении памятных знаков. Несколько поколений выросло под пятой чужеземного феодала, и они жгуче желали свободы жить среди сродного племени, как о том втайне рассказывали матери на кухнях. Однако граф отказался передавать поселок законным владельцам, а также посчитал местных жителей изменниками присяги, и потому направил в деревню Опфер карательные отряды. Палачи безжалостно распяли по одному мужчине из каждого двора с целью истребить мятежное семя, а всех молодых женщин продали как рабынь на невольничьи рынки за Южным морем. Детей же они изуверски похитили, чтобы вырастить из них солдат и прачек. Оскорбленный подобным отношением к единоплеменникам, а некоторые из стариков все еще хранили документы о вюрствареншадском происхождении, благородный штатмейстер Крафтштаммдоминанцман объявил о начале освободительного похода. Надо сказать, что приграничье было зоной обоюдных территориальных претензий, и эти государства издревле воевали за наследие некогда единой Гроссшмерцляндии. Древняя династия прервалась вследствие череды гражданских войн и последовавшей за ними феодальной раздробленности. Где-то власть перешла в руки общин, а в иных регионах сохранилась за знатными семействами. В общем, загрохотали пушки, а голоса несогласных испуганно смолкли.

Мне связали руки прочным узлом, а на голову натянули плотный холщовый мешок. Мы построились в колонну и неохотно, враскачку двинулись к кладбищу. Свежий воздух посещал меня только в те счастливые мгновения, когда я крутил головой или меня обдувало случайным порывом ветра. В моем сопровождении находилось не меньше двух десятков солдат, и они активно судачили между собой о целях экспедиции, а также говорили на более отвлеченные темы, как это бывает среди скучающих людей. Ко мне обратился вюрствареншадец, по хриплому и заторможенному голосу оцененный мной как мужчина, пересекший рубеж сорока лет:

— Бедолага, а ты нам точно не заливаешь? Откуда в яме спрятаны такие богатства?

— Если зубы заговаривает, на месте отрежем язык. — вмешивается второй самоуверенный голос.

— Господа, я самолично там не бывал, но рассказал Вам сущую правду: таковы сведения от моих командиров.

— Знаете, ребята, нет ничего здравого и полезного в экспедициях. — в разговор встрял еще один голос, на сей раз гортанный и охваченный грустью. — В юности мне довелось принять участие в покорении прибрежья Вестбойтецуккапа в качестве корабельной охраны. Мы высадились в районе Вестципрессенвальда, прибрежной колонии, жившей торговлей и лесозаготовками. Там мы в течение недели собирали информацию, планировали и проедали жалование на постое у вюрствареншадтских поселенцев. Далее, ограниченные в средствах и запасах, мы направились к вытянутому горному хребту на северо-западе, где располагалась родина воинственных горских народов. Они были грозными воинами, однако малочисленными и разрозненными. Мы полевали отрядом в тысячу ружей, разоряя некоторые селения для пропитания, а другие подчиняли вюрствареншадтскому владычеству или уводили чужеземцев в рабство. К счастью или сожалению, спустя месяц мы наткнулись на крупное поселение противника, готовое к обороне; их селение было обнесено частоколом; две высокие каменные башни с оконцами для лучников, — неприступные твердыни, — стерегли поселок изнутри. Ночью мы подожгли селение, расположенное в ущелье, и стали выкуривать врага. Часть из них осталась в башнях, но остальные, осознавшие близость ужасного конца, твердо решили прекратить свое существование. Матери бросали детей с отвесных скал и сами падали вслед за ними, а мужчины бросались в самоубийственные схватки с копейщиками. Это было горько, страшно и фатально. Мы не должны были причинять столько мук безвинным чужеземцам. Можно было обойтись ежегодной данью, мягкой и посильной даже флейшвольфбуржскому лентяю. Они убивали детей, которых вскормили грудью и воспитывали со всей нежностью и любовью, лишь бы те не попали в руки жестоких завоевателей. Если наши алчные руки доберутся до всех сокровищ этого мира, то в нем не останется ничегошеньки прекрасного и справедливого. Вот что я думаю о поиске золота в пыльных гробницах.

— Все так делают, Ансельм! Нет на свете народа, не претендующего на блага соседа. Я считаю, что лучше находиться в стане победителя и приобретать трофеи, чем слезливо молить о пощаде и терпеть побои, как этот слабовольный снабженец. Мы хищное племя, охотно идущее на риск.

— Если ты согласен на жизнь по высказанным правилам, то мать-судьба вознаградит тебя согласно умениям и опытности. — кратко соглашается Ансельм.

Я ощутил босыми ногами жесткую стерню; мы пересекали уже известную ничейную ниву, но в обратном направлении. Двигаясь быстро и с опаской, мы вышли на широкое ровное пространство перед кладбищенским холмом; выл ветер и беспокоилась трава у ног. Неожиданно вдалеке послышался топот копыт и разбойничий свист. Сержант вюрствареншадцев сильно раскостил подчиненных за недосмотр и приказал открыть огонь. Меня повалили на землю и настрого запретили подниматься: «Иначе размозжим черепушку!» Когда всадники приблизились на опасное расстояние, а мушкетеры не смогли удержать простор для перезарядки, последние попытались перейти к хрупкой круговой обороне. Даже я, малосведущий в военном деле, имел ясное понятие, что в поле десяток-другой пеших ружейников будет легко разбит даже миниатюрным конным отрядом.

Так и произошло: только кружащие вокруг нас конники зарезали несколько человек с первой атаки, как остальные бросили тяжеловесное оружие и ринулись в сторону леса в надежде спастись. Их настигали и рубили

спины и плечи. Нескольким вюрстваренштадцам все же посчастливилось вернуться в сосновый лагерь, но многие пали среди увядших колосьев. Меня, не снимая мешка с головы, забросили на лошадиный круп и повезли прочь с поля брани. Мы проскакали немало времени, и въехали в глухой овраг, поросший кустарниками и прекрасно годящийся для незаметного укрытия. С меня сняли мешок и помогли слезть с лошади. Я оказался в лагере разведчиков Флейшвольбурга, а передо мной сновали незнакомые солдаты, распрягавшие коней с добычей. Мне устроили холодный допрос, после чего налетчики отправили гонца в форт Дармерей с целью разузнать о моей подозрительной пропаже и пленении; про вампиров я дальновидно умолчал. Ночь я провел под открытым небом, прикованный ногой к сухой сливе. Высь сияла звездами и пробуждала к жизни мою ранее заброшенную мечтательность, и в ту ночь я вернулся к тоскливому, но глубокому молчанию. Я ощутил, как вплотную подступился к некоему незримому бытийному барьеру, отделяющему посюсторонний мир от неизведанных пределов, таких же ярких и таинственных, как далекие звезды.

В целом ко мне отнеслись пристойно и накормили жирной овсяной кашей с гуляшом из кабанины. Конные разведчики со мной не разговаривали, предпочитая скрывать все свои планы, имена и мысли; что я счел вполне разумным решением. Я недурно выспался, проснувшись вместе с рассветом; присущее мне любопытство сосредоточило меня на сборах отряда в очередную вылазку. В молодом разведчике, точившем нож, я обнаружил до боли знакомое лицо. Произведя некоторые мыслительные операции, я припомнил, что это мудровавший студент из логова звероловов. Я продолжительное время пронзал его бесстыдным взглядом, поскольку других развлечений у арестованного человека не бывает. Не сдержав назойливого огня моих глаз, знакомый в конечном счете подошел к сливе и сухо произнес:

— Я заметил, что ты решил продавать чеснок как маркитант.

— А ты согласен с тем, чтобы превратиться в кладбищенскую пыль.

— Мы все ею станем, безымянный.

— Теперь меня зовут Фридрих Кукуксхайм. — с апломбом отвечаю я.

— Не знал, что вербовщики заменили чиновников ратуши, и отныне занимаются вопросами регистрации лиц.

— Почему меня не отпускают, если гонец уже вернулся?

— Потому что ты немедленно отправишься в доблестную кавалерийскую атаку. В девять утра гвардейцы пойдут отбивать кладбище. Мы отрежем подкрепление из соснового леса ударом с правого фланга. Отдельной лошади тебе не положено, да и вряд ли ты умеешь ездить верхом. Поскачешь вместе с самым легким разведчиком в арьергарде. Вопросы?

— Когда мне подадут последнюю трапезу смертника?

XIX

Меня нарядили в панцирь, давящий на плечи, а на голову надели подржавевший шлем с наносником; я почувствовал головную боль обручем, как бывает при носке доспеха. В руки мне вложили копье с пестроватым розовым вымпелом, и при этом снаряжавшие меня всадники заливались смехом, подмечая, что этот трофейный флажок они отобрали у вюрстваренштадтского шута. Самым легким разведчиком в отряде оказался мой знакомец из логова, так что меня подсадили на круп его крепкой верховой лошади; мы поскакали в хвосте. На завтрак мы разделили между собой сухой походный сыр, ржаные сухари и прохладное пиво из кожаных бурдюков. В результате я был сыт и развеселен; жилы наполнились хмельной отвагой. Дальше мы скакали полями и рощами около получаса, пока не остановились в засаде на опушке леса. Начальствовал юноша из знатного семейства, лощеный и важный; он нервозно вглядывался на циферблат механических часов, ожидая минуты до девяти. Его тревожность нарастала обратно пропорционально времени: он часто хлопал по седлу рукавицей и теребил ремешки на доспехе.

Когда загремели пушки и послышался рев наступающих, командир поднял копье, на котором красовался родовой прапор. Отряд запел гимн во славу святого Хаймторнфера, покровителя налетчиков, и мы рысцой направились к злосчастному перетоптанному полю, где почти ежедневно кто-то лишался голов. Слева нависала тень враждебного соснового леса, а справа — отлогий спуск с кладбищенского холма, а между ними, — мы и застигнутые врасплох враги. Я разглядел шеренгу вюрстваренштадских пикинеров: в глубине их строя сверкали дула пищалей. Мы уже вытоптали часть урожая, как снова послышался грохот орудий со стороны неприятельского бора. Поле взбугрилось и закипело; тут и там, словно морской вал, поднимались хаотичные земляные всплески; скачущей рядом лошади располосовало мускулистую шею, и она тут же замертво свалилась в неубранные хлеба; за ней расшибся и несчастный всадник. Я выглянул из-за спины студента, оценивая секунды до кавалерийского пролома, как вдруг ощутил сильнейший удар в бронированный лоб. Было только ничего, темное и осознающее самое себя.

Я одной вспышкой пробудился после длительного оглушения, поскольку ворона больно клюнула меня в губы. К вящему негодованию, меня настиг не страстный поцелуй возлюбленной, а попытка животного пожрать павшее тело, не прилагая усилий к охоте. Поэтому я огрел наглую птицу кулаком, усиленным грубой кожаной перчаткой, ибо за ошибки всегда должно наказывать! Падальщица, возмущенно каркая, созвала всю стаю. Вороны поочередно взмывали надо мной и злобно пикировали, чтобы задеть когтями или клювом. Близился закат, я лежал в том же месте, где с утра имело место сражение. Однако с той огромной разницей, что сейчас я пребывал в обществе мертвецов из числа людей и лошадей, прикрытых взрывной насыпью и рваными штандартами. Когда вороны распороли рукав мундира в нескольких местах, я кое-как поднялся, несмотря на звон в ушах, и стал что было мочи отмахиваться. Разъяренные птицы не давали мне спуску, атакуя вновь и вновь с энергией и решимостью мстителя. Я решился на побег, избрав для этой цели кладбище, потому что не хотел угодить на следующий цикл пыток седобородого садиста из Вюрстваренштадта. Я рассудил, что ни в

какие стычки впредь не ходок, а потому позорно расстегнул дорогущий панцирь; какое дерзкое нерадение к службе! Облаченный в тяжелый доспех, я не смог бы пройти и сотни метров в гору, потому что меня уже три недели то избивали, то морили голодом.

Панцирь с отвратительным звоном приземлился на камень. Среди павших, хвала Господу, студента не обнаружилось. Я подобрал свое пестрое копье, чтобы пользоваться им как тростью, и поковылял прочь, по дороге прибив докучливую ворону одним ловким ударом. При подъеме я встречал множество порезанных, пригвожденных, распухших, смятых, обугленных, расстрелянных и обезглавленных тел, принадлежащих как союзникам, так и врагам. Благодаря осколку, застрявшему в шлеме, я уклонился от участия в этой омерзительной резне. Данному обстоятельству я был весьма благодарен, ведь в дальнейшем смогу высекать искры любомудрых размышлений, а не стану скучным кормом ворон и червей. Когда я, отчаянно хватая воздух ртом и болезненно моргая из-за потемнения в глазах, перелез через разгромленное кладбищенское укрепление, то не нашел ни единой живой души. Вокруг отдыхали вечным сном трупы самой разной кондиции, гримасы и смертельного ранения. Я мог бы написать не один учебник по расследованию убийств исходя из опыта наблюденного кровопролития.

Зачем Вы, коварно руководимые, сложили головы на алтарь чужих интересов? Вы были крепкие, атлетичные, строгие и самомнительные. С оружием в руках, которое с успехом могли обратить против тирана, но глупейше размазаны колесами кабальной системы. О Вы, соискатели смерти! Я присел на обветшалую каменную скамью при могиле. Одинокая и надколотая картечью, она скучала среди поваленных памятников и оград. Виски гневно пульсировали, ком в горле тоскливо нарастал. Разве Вы, мужественные гордецы, владели хоть пядью земли, снимали ее вершки и пользовались живущими на ней людьми, как вещами? Разве Вы были в доле, получая дивиденды с графства? Разве Вы ездили в золоченых экипажах, пили кровь, подкупали воевод, попов и городовых? Быть может, Вы хотя бы трудились при дворе, ластясь к государственным мужам? Нет, сомнительно. Вы не племени господ, сироты гроссшмерцляндской земли! Не Вы должны носить воду в чужую печь. Я снял шлем и не сдержал эмоций, заревев белугой. Давясь рыданиями, я горько сокрушался, куда нас привел невеселый случай.

Спустя пятнадцать минут сквозь пустующие траншеи просочились свежие силы противника. Насторожившись, я прекратил шумное горевание. Исходя из того, что все прочие поручения были или исполнены, или отдавшие их люди стали частью безвозвратных потерь, я решился на спуск в подземелье, пусть и в одиночку. Довольно блюсти траур; ситуация требует действия. Так бегло поразмыслив, я почесал вспотевшие под стеганым чепчиком волосы и надел побитый осколками шлем. Пока меня не приметили мушкетеры, я метнулся на пустую часть кладбища; путь лежал прямым курсом на бездну. Одиозный провал при осмотре вышел очень широким и рваным, а его темные глубины вселяли специфический страх. Ведомо ли кому-нибудь из живых, что скрывается за мраком земных тайников? Я мешкал, ведь мое снаряжение не включало веревки, крюки, лестницы и прочий инструментарий пещерников; как осуществить спуск и притом не расшибиться? Я бездарно мотал время, то тут то там застенчиво подбираясь к краям провала; мне не хватало воли, чтобы отважиться на прыжок в неизвестность. Наконец вмешались силы мироздания, завсегда приходящие вовремя как для наказания, так и

поощрения. Меня окружили солдаты Вюрствареншгадта, от которых веяло совсем не дружбой; они прицелили мушкеты и арбалеты.

— Господа, не стоит тратить на такого моллюска, как я, дорогостоящий боеприпас. Будьте экономны. Порох технически нелегко производить, а для выплавки пуль требуется определенное кузнечное мастерство. Извольте, я прыгну в эту яму самостоятельно, и Вы меня больше никогда не увидите.

Выпаленная моими устами речь казалась остроумным сном. Неужели я научился риторике? Как бы то ни было, мушкетеры бросили в ответ въедливый смешок:

— Не печалься, дружок, когда-нибудь дьявол обеспечит нашу встречу. Может скажешь что-нибудь напоследок?

— Конечно. — я раздраженно ткнул пальцем в воздух. — Доложите плешивому ратсгауптманну, что его уели. На сокровища Гроссшмерцляндии наймут его убийц.

Я сделал несколько неуклюжих шагов, непредумышленно споткнулся об торчащий из земли корень и бурно покатился вниз, во мглу человеческих страстей.

XX

Спуск вышел болезненным, но не смертельным. Пока я юлой крутился в стремительном падении, то по старой привычке набил немало синяков и порвал об острые камни форменную одежду, уже до того грязную и местами дырявую. В конце концов, страшно разогнавшись, я с гулким шлепком и бульканьем занырнул в подземную реку с невысокого каменного отвеса, будто гонщик с трамплина. Уныние сковало сердце удушливыми путами; меня погребало волнами глубокого сокрушения. Перед глазами хаотично загорались и так же затухали картины зверств, событий и мнений, свидетелями коих я оказался поневоле. Во мне не осталось ресурса для переваривания опыта, количественно превосходящего возможности хрупкого организма. Зачем мы трудимся и терпим, копим и строим, если все равно сгинем как бессловесный скот, пригнанный на бойню? Внезапно я ощутил такое совершенное и роковое равнодушие к жизни, исполненной боли и унижения, что окончательно отдался на милость потоку. Пусть течение ведет меня туда, где мне лучше и сытнее, а в обществе установится покой и справедливость; если такое в принципе осуществимо!

Я, сдавшись, несся; перед глазами стелилась непроглядная тьма, словно кто-то накрыл меня плотным одеялом или запер в комнате без окон. Вода приятно и нежно убаюкивала израненное тело; стало мирно и уютно, как под заботливым материнским крылом. Я не заметил, что с усталой головы сполз шлем и прибился к темному каменному берегу; следом я потерял рваные сапоги и размочаленные обмотки; со временем я лишился почти всех вещей, какие лежали в карманах или не прижимались ремнем к телу. Постепенно тело и ум пришли в спокойствие, а мятежные мысли оставили меня наедине с собой.

Когда я подпрыгнул на мелком перекате, то внезапно проснулся; по всей видимости, я уснул прямо на реке, чудом не утонув в процессе автономного плавания. Ландшафт слегка видоизменился. Комфорт был нарушен высокими камнями, неравномерно усеявшими дно. Я решил, что пора поблагодарить матушку-природу и пойти собственным путем, каким опасным и недальновидным он ни был; каменистая река способна убить быстрее, чем глупость. Вспенив воду, я поднялся и шагнул во тьму.

Своды пещеры свободно вмещали меня в полный рост, и даже когда я поднял руки и несколько раз попрыгал для проверки, то все равно не нашел потолка. Не имея ничего лучше, я пошел наощупь прочь от воды, трогая влажные стенки пещеры; ногами я натыкался на камешки, минеральные наросты и редкие шляпки грибов. Мне довелось прошагать на цыпочках немало времени как бесподобырный слепец. В один момент глаза уловили тусклый и непостоянный огонек вдалеке: свет пронзил мои глаза, привыкшие к кромешной тьме, и я поспешил спрятаться за угол. Потерев глаза, я вернулся как завороженный к неясному дальнему свету: за ним неотступно следовали отзвуки твердых шагов, а также слышались низкие объемные голоса вроде оперных бас-профундо, многократно отраженные скальными куполами. Я не исключал, что акустика пещерных сводов могла искажать и усиливать голоса, но все равно не горел желанием идти на соединение с неизвестными силами. Я выжидал их приближения, словно охотник с гобеленов ювелира, несмотря на оплошную потерю копья с шутовским вымпелом.

Однако не я один обладал охотничьими повадками, а потому вздрогнул, почувствовав чье-то липкое прикосновение. Сначала я сделал вид, будто не ничего не заметил; я услышал ритмичное подхрюкивание и работу носа, активно втягивающего мой запах. Какое-то существо, скорее всего по пояс или того меньше, с интересом и без каких-либо агрессивных выпадов обнюхивало меня. Я постарался сдержать рефлекторное желание отбросить неведомую тварь. Мы были взаимны в приятном знакомстве, и я также почуял исходивший от него запах, характерный для крупной мокрой псины где-то посреди летней линьки. Огонек сокращал дистанцию, и на это существо упал приглушенный свет: передо мной оказался уродливый зеленый человечек. Гоблин с извращенным удовольствием прильнул к моим грязным стопам, как делают ценители при встрече с редким объектом увлечения. С лица у него свисал толстый крючковатый нос, словно переспелая груша; губы у него были маленькие и тонкие. Из открытой гоблинской пасти сверкало множество мелких и острых зубов. Он суетливо оглядывался черными глазками, неугомонными, но совсем неразумными. Человечек не носил одежды, однако по своей природе являлся обладателем густой рыжей шерсти, прикрывавшей практически все тело. Далее гоблин приступил к деятельному лизанию пальцев, и мне стало неловко, что нечем отплатить за старание и искреннее внимание к моей персоне; я полез в карманы. У меня все еще лежал утренний сверток с куском сыра, правда промокший в воде; я наклонился и протянул зеленому человечку остаток пайка. Он отвлекся от пальцев, поглядев на меня недоверчиво и дико, а далее одним махом сожрал всю порцию; первый взгляд обманчив. Я удивился его нескромному аппетиту, но промолчал; мне неизвестны нормы питания в подземном королевстве.

Тем временем шаги становились все отчетливее, а теплый желтоватый свет от фонаря разлился по округе, освещая нерукотворный карстовый зал. Гоблин вздрогнул и отпрянул от меня, как от морового. Столь резкая смена поведения зеленого человечка насторожила меня. Я вжался в стенку, считая секунды до появления незнакомцев; сердце бешено забилось, ведь если здесь водятся неразумные гоблины, то чего ожидать от продвинутых обитателей? Наконец из-за угла, ослепив фонарем, показались некие приземистые фигуры; я не мог высказать более подробное суждение, но исходя из смутных очертаний, это были довольно широкие и коренастые создания ростом в три локтя. Они беседовали на неведомом языке низкими шелковистыми голосами, в чем были сродни глашатаям или актерам, и в их тоне ощущалось удивление.

Гоблин набрался смелости вкупе с показной злостью и вероломно напал на меня. Он попытался укусить за ногу, которую пару минут назад почтенно вылизывал. Я гневно рыкнул и отпихнул его, оставшись на месте; зеленый человечек больно упал на камни и заскулил. Мне жаль, что он выслуживался перед хозяевами, и в его обязанности входит насилие; но драть себя не позволю. Поднявшись, гоблин снова рванул в мою сторону, вытягивая когтистые ручки. Однако его тут же остановили раздраженные голоса, и он пристыженно отпрыгнул во мрак.

— Полноте, Кукусик! — наказным тоном рявкнул незнакомец с фонарем; он заговорил на моем языке. — Приветствую тебя, путник, в державе гномов. Прошу прощения за дерзость сей мелкой твари. Насколько я знаю, Вы употребляете для нужд охраны и в качестве спутников собак. Мы же разводим рыжешёрстных гоблов. Его зовут Кукусик и он необычайно приветлив, даже чрезмерно. Рыжий берет еду отовсюду, но при хозяевах готов вызвериться, чтобы доказать яростную холуйскую преданность. Очень лукавые и низкие

поступки, притом дурные, ведь мы отдаем себе отчет, как он ведет себя в наше отсутствие. Конечно, такое поведение должно корректироваться гоблологами, но у меня не хватает средств и времени для тренировок. Меня зовут Двабрин, а это Сиворг и Петтгур; мы кузены. А сейчас направлялись к реке порыбачить. Как приятно, что я наконец могу попрактиковаться в людском наречии; не зря обучался ему много лет! Гость извне — явление весьма редкое, так что ваш язык постепенно забылся, и только чудаки-языковеды учат ему на кафедре ксенословесности. В эпоху империи мы часто сотрудничали с Вашим племенем, но из-за раздоров дружба выработалась, как опустевшая шахта. Теперь мы суеверная легенда. Человеческие старцы пугают нами непослушных детей, а взрослые молчат о нас, чтобы не прослыть дураками. Может быть, оно и к лучшему, что нас отправили в сказочный мир? Не в обиду сказано, но люди — самые жадные, враждебные и забывчивые на благодарность существа. Ох, прости за столь пространные себялюбивые рассказы! Ты имеешь довольно потрепанный, изнеможенный вид. Как ты сюда попал, путник? Как твое имя и нужна ли тебе помощь?

— Порыбачить? — я отлепился от стены, щурясь и моргая. — Пока меня несло, то не столкнулся ни с одной рыбешкой или раком.

— В этой реке не водится рыба! — усмехнулся добродушный гном. — Подземные воды омывают все людские земли, и в некоторых местах река пробила проходы сквозь мягкие породы, образовав гроты и ямы. Вместе с течением к нам постоянно проваливаются различные предметы, будь то фермерский инструментарий, монета или тело. Когда люди шутливо говорят о стране потерянных вещей, то не знают, что поминают всуе гномскую державу! Мы рыбачим на пропажи в свободное время, а опосля относим трофеи в археологический чертог, где ученые анализируют находки и помещают их на выставку людских диковинок. Это любимое развлечение гномов. Мы с братьями взяли недельный отгул и решили отправиться к самой дальней реке, в таком себе медвежьем углу, и не прогадали!

— Вот оно что... — я ощутил подкатывающую тошноту и слабость в ногах. — Вы знаете, я прошел длинный путь и хотел бы предаться ленивому отдохновению. Есть ли у Вас постоялые дворы?

— Конечно. Знаешь, сегодня Ты — наша главная находка. От твоей персоны мы почерпнем множество ценных сведений о мире снаружи. Уверен, они выйдут куда яснее и полнозвучней, чем от метафорической гравировки на мече или глиняной таблички с ценником на зерно. Как тебя зовут?

— Фридрих Кукуксхайм. Так меня прозвали во Флейшвольфбурге, а до этого я очнулся с амнезией на рынке.

— Фле-йш-во-льф-бург? — произнес гном по слогам с лицом, отпечатанным омерзением.

— Да, так называется родовое государство Лихтхерштеллеров.

— Что? Дела-а! Не поверишь, где-то двадцать подземных лет назад к нам прибыло несколько раненых дворян из вотчины Лихтхерштеллеров. Они провалились в реку прямо из могилы; их преждевременно сочли ликвидированными. Аристократы единодушно убеждали, что наследник воспользовался черной магией и узурпировал власть, обратившись в вампира. Мы отнеслись к этому с долей здравого скептицизма, так как давно выжили кровопийц из наших мест с помощью вакцины серебристого феррума. Знатные господа наотрез отказались возвращаться домой, и мы поселили их в археологических чертогах, дав работу экскурсоводами. Это давнишнее дело, те люди преставились лет пятнадцать назад и похоронены на кладбище для

иностранцев. Это я не просто так ввел предысторию, Фридрих. Поверь, я специалист по топонимике, и могу заключить, что это ритуальное название, которое можно переложить на ваш диалект как «Город мясных волков». Учитывая, что в былые времена сей прибрежный торговый город именовался Сент-Гандельвайс в честь одноименного святого, прославленного оливковой торговлей и кормлением городской бедноты. Выходит, что теперь твоя названая Родина воспитывает хищников на закалывание; очень диалектично. Подумай об этом на досуге.

Гномы выделялись длинными светлыми бородами и смуглой, почти бронзовой кожей; их образ органично дополняли огромные мясистые носы и уши, обвешенные серьгами. Имея мощное телосложение, они не излучали привычную для громил жестокость и ограниченность ума. Напротив, гномы продемонстрировали высокий уровень культуры и образцовую этичность. Долго и муторно мы шли то узкими коридорами, увитыми лозами со сладкими оранжевыми ягодами, то просторными подземными комплексами, на которых произрастали поля кормовых грибов и пасся мелкий скот. Хлеб они пекли из перетертой грибной муки, в шутку прозванной ржаной. Спирт у них в основном гнался из оранжевых ягод. Из скота гномы содержали баранов, коз и птицу; их сыровары держали в секрете рецепт вкуснейшего выдержанного сыра наподобие пармезана, в отличие от человеческого хранимого в течение многих лет. Также они садили дивные сорта овощей, способные расти во тьме, съедобные мхи и лишайники, с которыми варили супы или делали зажарки вместо лука. Гномы ткали не только из растительных волокон и шерсти, но и приловчились собирать прочнейший паучий шелк. Самое удивительное, на путях сообщения и в малолюдных местах гномы не разжигали огонь, а использовали свечение грибов и водорослей. Сообразительные карлики заметили, что многие виды пещерной микрофлоры источают некий холодный свет, и немедленно поставили это на службу, подселяя грибы, водоросли и растения в естественные водоемы или оросительные канавы. Иногда мне встречались широкие плоскодонные каменные чаши, наполненные люминесцирующей водой, а также свежие родники с лампами-кувшинками. Кроме того, в путевые знаки, расположенные каждые полмили, гномы монтировали замысловатые голубые кристаллы для освещения. Мне сказали, что у них есть отдельные служащие, что-то вроде наших фонарщиков, которые обновляют колонии водорослей или подливают воду в чаши и рвы, чтобы путешественники не терялись во мраке скальных переходов.

По пути в столицу мы сделали привал в ухоженной финиковой роще. Она была высажена на месте заброшенной гранитной выработки, так что имела четкие и прямоугольные границы, заканчиваясь тупиком неразработанной породы с кавернами и заколами. Здешние пальмы были низкорослыми и кустистыми; сейчас шел сезон цветения, и мои глаза утопали в блестящих фиолетовых лепестках. Нас взяли на постой в двухэтажной каменной сторожке, где жил смотритель и несколько вахтовиков, ухаживающих за финиками. Дом был сооружен по методу сухой кладки из идеально подобранных блоков одного размера, как и все строения гномов. Недостаток древесины с лихвой возмещался металлическими и каменными элементами, так что все казалось куда прочнее и безопаснее в случае пожара или землетрясения. Из этих бесхитростных карликов, не исповедующих махинаторство как принцип, градостроители куда сознательнее, чем из хапуг-флейшвольфбуржцев. Вторые, если на секунду отвернуться, все норовят

втайне утащить инструмент со стройки, а их бессовестные начальники по привычке указывают в смете призрачные расходы или следуют реальным, что еще позорнее, только на бумаге. Эх, если бы все люди соблюдали нормы и не стремились к частному благополучию в ущерб общему делу! Да, в этом случае гномы точно впадут в депрессию и лишатся единственного основания для своего нравственного превосходства.

Нам нагрели воды, и мы поочередно помылись в крохотной душевой. Я был необычайно взволнован, когда мне безвозмездно выдали чистое исподнее, а верхнюю одежду взяли на стирку и латание. Поздно вечером местные садоводы предложили оттрапезничать, и мы не отказались воспользоваться их щедрым гостеприимством. Еда была сытной и вкусной, несмотря на ее экзотичность; признаю, что салат с мхом не хуже цезаря. Когда по стеклянным бокалам разлили крепкую грибную брагу, вроде нашего портвейна, мне стало ясно, что молитвы были услышаны и восприняты всерьез. Теперь я в краю идиллии, посланный сюда по заслугам стольких зубодробительных злоключений! На моем языке говорил лишь один достопочтенный Двабрин, но и с остальными я тоже познакомился благодаря этому приятному и неутомимому толмачу. Надо сказать, юмор у гномов хоть и незлой, но пронзающий как игла. Сначала мне поведали кое-какие любопытные подробности о быте и нравах гномов, например, что войн и гражданских беспорядков здесь не случалось больше ста подземных лет. По их летоисчислению один подземный год равен десяти людским; гномы обычно проживают шестьдесят-девяносто подземных лет в зависимости от наследственности и вредных привычек. Следовательно, по-нашему гномы тянут земной срок почти в тысячелетие; даже дурак дураком за это время нахватает багаж солидной мудрости. После этого мы обсуждали такие общие категории как верность, дружба, справедливость и все в том же духе. Мне понравилось, что конкретно они подразумевают под данными свойствами, и я охотно встал на их позиции. Кукусик беспокойно кружился у стола, прося еды и ласки; я его подкармливал и виновато гладил, каясь за сегодняшний удар сгоряча.

Далее мы еще раз выпили; я особенно сблизился с гномами. Хоть кол на голове теши, но я не откажусь от честности и бесхитростности в разговоре с правильными ребятами! Пьяный, я выложил весь план заговора по устранению Августа как есть, чтобы был секрет на весь свет. Гномы насупились, суетливо загомонили низкими и протяжными голосами, как будто зимняя стужа задувала неплотное окно. Через какое-то время опьянелый Двабрин оценил меня мутным взглядом и решил прощупать почву разговора, указывая на курящего трубку смотрителя:

— Паргримм до конца не уяснил, почему ты охотишься за серебряной зубочисткой Лихтхерштеллеров. Судя по описанию, гномы-кузнецы изготовляют куда более качественный товар. Мы можем подарить тебе любое оружие, какое пожелаешь.

— Это ритуальный кинжал. Вампира можно кончить только посредством орудия обращения. — я икнул и осушил очередной бокал; тело медитативно покачивалось, проваливаясь в мягкие шкуры широкого гномского кресла.

— Паргримм говорит, что это не до конца правда. Скорее всего, у вашего лидера нет сведений о вакцине, и у него также не нашлось под рукой залежей адаманта, чтобы отлить умерщвляющие клинки. Это не удивительно, ведь указанная руда скрывается на глубине более чем двух лиг, а люди обыкновенно не докапываются так глубоко.

— Почтенный Паргримм, — я причмокнул, — смею напомнить, что лидер восстания, Хайнц-старший, сам является вампиром и, по-видимому, не в его интересах насылать чуму на свой род, чтобы в итоге собственноручно сгореть от болезни и не насладиться сочными плодами победы. Он хочет очистить город от плохих пиявок, а хороших оставить для медицинского кровопускания. У мятежников есть свиноферма с подземным ресторанчиком, где столуются, условно говоря, вегетарианские вампиры. Как утверждает Хайнц-старший, они питаются кровью скота, крыс и прочей живности, исключая из рациона людей. Я испытываю доверие к его речам, потому как видел воочию, что эти господа пекутся о благополучии людского населения Флейшвольфбурга не хуже, чем о поддержке кровососущего правящего меньшинства.

— Паргримм смущен и не знает, что предложить, — Двабрин также выглядел растерянным, — ведь мы вышли на распутье. Вилка следующая: или Хайнц-старший умело интригует, чтобы взять власть в свои руки и ничего сущностно не менять, кроме расположения кроватей в придворном борделе; или он честен и праведен, и все установится согласно предвыборным обещаниям; или в будущем власть насовсем развратит его кровожадный разум, и в конце концов все вернется на круги своя, кровавые и беспощадные. Паргримм все же советует истребить вампиров с помощью вакцины, которую мы также предоставим в количестве, необходимом для отравления всех рек и колодцев Гроссшмерцляндии. Он добавляет, что рыба гниет с головы; пораженные некрозом ткани должны быть полностью вырезаны, а зараженные посевы искоренены, иначе зараза перекинется подобно огню на здоровые участки. Паргримм полагает, что на свете не осталось добропорядочных и альтруистичных клопов, так как самим своим предназначением им начертано вредить, лгать и питаться за счет остальных. Он дополняет, что вампиры талантливы в убеждении и часто пользуются животным магнетизмом, чтобы гибельно очаровывать легковерных жертв. Не могло ли выйти, что сердяга Фридрих попал под дурное влияние и транслирует чужие мысли? Паргримм приносит извинения, если показался бессердечным или проявил неуважение, ибо он незнаком с застрельщиками и его выводы могут быть неполными, а то и вовсе ложными. Добавлю от себя, Фридрих, что наш друг в делах управления весьма многоопытен, так как до пенсии Паргримм возглавлял Комитет внутренних дел при Законодательной палате в течение двух сроков представительства.

Мы отвлеклись от тасования политических теорий, чтобы увлеченно беседовать о том о сем, будто закадычные друзья. Было так интересно и душевно, что мы искурили целый сверток табаку и осушили несколько бутылок грибной браги и кувшин приторного оранжевого вина из тех же ягод, что встретили по пути. Смотритель притащил еще закусок из сушеных грудок индейки и засоленных подземных гадов, чьи названия и происхождение мне неведомы. Когда мы вдоволь наговорились и наелись до отвала, многозначно молча, в беседу встрял горячечный кузен Сиворг. Он обратился ко мне с очень искренней эмоциональной речью, которая в переводе дипломатичного Двабрина вышла обезжиренной и сглаженной, как речная галька:

— Ты в беде, Фридрих-человек. Боги и духи предков избрали тебя пешкой, которой суждено пересечь последнюю горизонталь. Если замыслы не оправдаются, у тебя всегда останется фатальный козырь: частицы серебристого феррума в крови. По прибытии в столицу обязательно посети аптекаря и закажи у него однопроцентный раствор серебристого феррума. В

течение полугода твоя кровь сохранит ядовитость для всех кровососущих существ. Мы используем это средство для борьбы против москитов и мошкары, трудясь на влажных плантациях; так нас не кусают, а популяции насекомых вымирают без нашего активного участия. Для нас же это абсолютно безвредно, только слегка меняется состав крови; на людях должен быть сходный эффект. В общем, если тобою полакомятся, в качестве отплаты ты утащишь неудачника в ад. Пекло, если что, находится прямо под нами. Мы тебя, несомненно, будем время от времени навещать: не захиреешь от одиночества в шипящих маслах санатория. А если серьезно, я бы ни за что не хотел узнать о твоем мученическом подвиге, Фридрих-человек. Пусть это будет крайней мерой, на которую ты пойдешь ради победы или мести. Выпьем за счастливую и полнокровную жизнь!

XXI

Наутро, с усилием отлипнув от вспотевших постелей в гостевой, мы выступили со свинцовыми похмельными головами. Я был в восторге, долго кланяясь симпатичной гномской старушке: она залатала форму почти незаметными латками. Смотритель тепло провел нас, снабдив легкой пищей в дорогу и отправив традиционный ритуал прощания. Следуя правилам, Паргримм зажег свечи на алтаре и выкурил фимиам во спасение людей Флейшвольфбурга. Мы обнялись, поцеловали друг друга в щеки и покинули славную финиковую рощу. Какие сердечные гномы! Рыбацкая группа, чьим уловом я не постеснялся быть, прошла еще несколько часов, почти не говоря между собой. Признаться, внутри я тоже не искал слов, предпочитая наблюдать по пути за элегантными переливами камней и драгоценных жил, за странными конусовидными сталагмитами и разноцветным мхом, узорчато стелящимся по полу. Спустившись по крутой высеченной лестнице с орнаментом, мы остановились на перекус около прохладного ручья с рукотворным бассейном. В нем можно было искупаться или постирать белье. Позавтракав булкой, вяленым мясом и финиками прошлого урожая, я икнул от удовольствия и протолкнул пищу кружкой родниковой воды. Что ни говори, но пейзажи скучноваты и однотипны; подземному миру не хватает красок и развлечений. От скуки спасал только рыжий Кукусик, которому я почесывал зеленое пузо и считал клыки, а он покорно давался, лишь бы получить ломтик вкусного мяса.

Мы вошли в столицу через главные ворота из массивного камня, обитые рельефной бронзой. Городовые, закованные в блестящие сероватые доспехи отменной работы, встретили нас с интересом, перекинулись парой фраз с рыбаками и тут же впустили наше пестрое сборище через открытые ворота, даже не обыскав. Столица поприветствовала нас отблесками золоченых лепнин на стенах и непрекращающимся грохотом молотов и кузнечных мехов. У меня возникло ощущение, что город построен из одного бесконечного каменного сооружения, опоясывающего гору, и уходящего невообразимо вверх и вниз горной породы, словно круговая опорная балка. В центре имела место небольшая площадь с изысканным амфитеатром: гребни стен венчал золотистый фриз с руническими письменами. Инкрустация обворожительно сверкала, отбивая свет сотен светильников, и я с детской непосредственностью тыкал в них пальцем, чтобы узнаться за смысл слов. Двабрин сообщил, что на здании народного собрания провозглашен девиз их царства: «Каждый шаг строит путь, каждый камень несет стену.»

Нет народа более искусного в зодчестве и ваянии, чем гномы: в этом я убедился своими широко раскрытыми глазами. Такую красоту, отточенность навыков и прекраснейшую подгонку частей я не видел нигде. Все было органично, свежо, величественно, дорого, добротно и прочно на тысячелетия. Жаль, что гномы не работают за человеческие средства платежа, а только за высокую идею. Наши потребности и чаянья не заинтересуют проницательных бородачей. Разве будут они строить для нашего неблагодарного и недолговечного брата шедевры архитектуры, способные пережить несчетные эоны времени? К тому же для них серебро и золото ценятся на уровне красивых безделушек или употребляются в практическом ключе, лишенные статуса благородных металлов.

Не мешкая, меня отвели к лавке государственного аптекаря, и я отстоял часовую очередь на прием, не имея привилегий или льгот; один великодушный гном хотел пропустить вперед, но я из вежливости отказался. Когда подошла очередь, фармацевт из-за усталости даже не удивился присутствию столь редкого гостя как человек. Он обратился ко мне на местном языке, но я ничего не понял и произнес на людском наречии:

— Добрый день. Намешайте однопроцентный раствор серебристого феррума, пожалуйста. Выпью прямо сейчас.

— А? — растерянности фармацевта не было предела; он заговорил на моем языке с некоторыми запинками при выборе необходимых выражений. — Мы его выписываем только по... рецепту работникам сельхозугодий или... обновителям. У Вас такое есть?

— Прошу прощения, я не гражданин Гномской державы. Смотритель Паргримм посоветовал мне явиться к Вам, чтобы получить вакцину от вампиров.

— Что? Вампиры? — фармацевт почесал залысину на затылке. — Не могу дать. Идти на аудиенцию к командующему обороной, а потом с разрешением сюда. Понятно?

— Да, господин фармацевт. Теперь мне известно, что бюрократические проволочки учат терпению даже в раю.

Двабрин долго и раздраженно плевался, заслышав об аудиенции, а кузены посмеялись, махнули руками и пошли по домам, мол, не сегодня. В итоге мы вдвоем поперлись подпирать стены высоких кабинетов. Это заняло что-то около часа, в продолжение которого мы скучно сидели на холодной каменной скамейке с прелестными львиными головами на поручнях. Наконец нас окликнул старый чиновник, открывший толстую бронзовую дверь в кабинет. Этот гном был седобород, длинноволос, сухощав и слегка сгорблен. Он носил бордовую шелковую мантию и серебристый венец из адаманта, и я счел его схожим на былинного чародея. Нас пригласили в просторный зал, обставленный дорогой мебелью и бородатыми статуями секироносцев. Двабрин говорил прежде меня, а потом на довольно продвинутом людском наречии ко мне обратился старец-гном:

— Вы утверждаете, что власть в Флейшвольфбурге была захвачена вампирами двадцать подземных лет назад. Также Вы сообщаете, что внутри касты кровопийц образовалась фракция, выступающая за либерализацию и отказ от хищничества. К тому же Вы являетесь членом данной подпольной организации и нуждаетесь в помощи по свержению режима Августа фон Лихтхерштеллера, занимающего четвертый пожизненный срок?

— Если подытожить, то да. Но я вообще не уверен и хотел бы услышать Вашего совета, так как смотритель финиковой рощи и кузен Двабрина отговаривают меня играть по правилам Хайнца-старшего и предлагают переметнуться под Ваше крыло.

— К сожалению, наше государство неправомочно оказывать влияние на внутренние дела людей, даже если они направлены на видимое благо. Мы выдерживаем нейтралитет и наблюдаем за развитием молодых рас не вмешиваясь. Господин Кукуксхайм, в то же время я чувствую ответственность за всех живых существ, которые могут пасть жертвами интриг кровопийц. Полноценная интервенция гномского войска невозможна, как и любая разведывательная миссия при участии наших специалистов под эгидой государства. Взамен я могу предложить Вам помощь волонтеров: мы разрешим отправиться в поход дюжине охочих до славы гномов. Также мы

выдадим вооружение, припасы и порошок серебристого феррума в количестве, достаточном для уничтожения всех вампиров Гроссшмерцляндии. Кхм, какое же отвратительное название люди придумали для осколков старой империи. А ведь раньше эти земли назывались Схонмахтигенблёдкайзеррайк, что я нахожу объемным и существенным, а к тому же красивым!

Так я прожил около месяца в столице, читая лекции в археологическом чертоге о вюрстваренштадтско-флейшвольфбуржской войне и обществе прибрежных городов. Иногда меня просили выступать в местном университете как приглашенного профессора; наметился плотный график. По вечерам я вдрызг нажирался на роскошных пирушках сенаторов и ученых, где я был желанный гость и красноречивый рассказчик о людских порядках. На самом деле я пил, чтобы вытравить из памяти хрипы умирающих, тени их впалых глазниц и печаль несбывшихся желаний. Возможно, местами я сочинял небылицы и неверно истолковывал мотивы современников, ведь и сам до конца не понимал тонкостей обществознания, ненастроенный на историческую оптику в каком-нибудь авторитетном заведении. Но кроме меня некому заполнить информационную лакуну гномов! Я всегда начинал ученое представление с антивоенных лозунгов и осуждения милитаризма. Кажется, названые соотечественники поносили бы меня пораженцем, трусом и агентом Шлосса. Последнее, как мне объясняли гвардейцы, касалось места заседаний вюрстваренштадского совета министров, и было перенесено на уровень метафоры.

В период лекционного турне с моими воззрениями ознакомился, полагаю, каждый пятый житель столицы, а в пересказе и третий. Я пользовался бешеной популярностью у местных дам, как случается с интересными чужеземцами: а кто бы не пожелал удрать из затхлого подземелья на вольные солнечные просторы, да еще за ручку с красавцем чужой, свежей породы? Для них мой пот сладок и очарователен, и манит их пышные тела к оздоровительному соединению; но это только минутная слабость, за ней не стоит серьезных чувств. Я неизменно отвергал пылкие ухаживания бедристых гномок, ведь помнил о негласной помолвке с дочерью ювелира, которая уже присвоила мое трепетное сердце!

Добровольцев в освободительный поход было так много, что они соревновались между собой за право сопровождать меня. В конце концов, поддавшись моей харизме и народной любви, комитетские старцы были вынуждены расширить численность отряда до ста штыков. К нашей авантюрной сотне присоединились именитые воины, приграничные следопыты, члены соревновательных команд по охоте и стрельбе, несколько прорицателей, хирург с опытом ампутаций и надзиратель от властей, чтобы держать гномов в узде. Командиром я назначил Двабрина, так как он был единственным верным другом из гномов и по совместительству чудесным переводчиком. Нас снабдили наикрепчайшими доспехами из адаманта, мечами, топорами и кинжалами из того же металла, а также поразительными многозарядными мушкетами, которых еще не придумали у людей. Дополнительно мне подарили два новых комплекта формы снабженца гвардии, пошитых из нервущейся паучьей нити, в остальном идентичных прежней; портным не составило труда повторить рисунок нашивок снабженца. Я принципиально не носил гномской одежды и соблюдал флейшвольфбуржский дресс-код, чтобы не забывать о священной миссии чесночного продавца. Припасов нам выдали на три месяца жизни в поле, чтобы мы не грабили окрестные селения. Дольше прочего мы ожидали

синтезирования вакцины, так как столичные алхимики не имели достаточно прекурсоров и вдобавок к нашему заказу исполняли рядовые поручения. Наконец и они выгрузили под окнами моего временного жилища множество мешков с порошком, похожим на красноватую горную соль. Гномы слезно прощались с родней, а отзывчивые горожане провели отряд с таким праздничным размахом, что проводы флейшвольфбуржской гвардии оказались простодушной сельской пляской.

В итоге было решено следующее: гномы слушаются Двабрина и надзирателя, а они советуются со мной, как лучше победить вампиров. При этом я не осуществляю руководство над отрядом, потому что мы вместе только из соображений совести и светлой дружбы. Мы решили спуститься по реке на выпуклых стальных челнах, специально изготовленных для нас хитроумными металлургами. Течение было сильным и капризным, ведя круто вниз. Приходилось крепко держаться за приваренные к бортам ручки; часть ценного груза унеслась бурной стихией, вырванная с мясом из стальных креплений. Мы разом потеряли почти всю вакцину, утекшую в море. Нас несло и мотало грубыми рывками, отбрасывая от скалистого дна и обрушивая на головы пену и ледяные брызги. Если бы отряд отправился в плавание на деревянных посудинах, то точно разбился, не преодолев и одной лиги. Мы выплыли из малоизвестного грота на побережье где-то между Флейшвольфбургом и Вюрстваренштадтом, в разоренном войной приграничье. Судя по картам, в два перехода по десять верст на юго-восток нас ожидали руины горемычного Опфера, подгнившего яблока раздора.

XXII

На закате высадка кончилась. Мы очутились не на самом удобном плацдарме: неподалеку от густого лиственного леса, отрезанного крутым глиняным обрывом. Гномы проявили себя весьма дисциплинированным и слаженным войском. Быстро собрав и выловив разбросанные у берега припасы, мы сложили их в челны и потащили промокший скарб по пять человек на горбу в сторону укрытия. Горка была крутой, однако несколько сноровистых горнодобытчиков играючи раскопали глину и выступающие корни, таким образом организовав покатый подъем между клиньями почти вертикального берега. Ночь мы встречали в глубине леса, окружив лагерь стальными челнами, опрокинутыми на борта, вперемешку с ветками и наскоро тесаными кольями. Вокруг нас сгущался полуночный мрак, туманный и враждебный; даже жаркий лагерный костер не мог вселить ободрение. Подземным жителям было очень непривычно спать в вековом лесу, под широкими живыми кронами и отголосками знобкого морского ветра. Для многих это был первый выход на поверхность. Им всюду мерещилось, что за отрядом установлена незаметная слежка. Один выдумщик божился, что видел, будто летучая мышь села на ветку вяза, обратилась в бледного человека, осклабилась и помахала ему костлявой рукой. Я не знал, как успокоить суеверных и мнительных гномов, страдающих от боязни открытых пространств. Они глядели на меня, словно малые дети, только с длинными бородами. Тогда я собрал вокруг себя бессонных соратников с тем, чтобы рассказать им импровизированную сказку:

— Жил-был Вилли, маленький, но очень любопытный гоблиненок. Новизна всегда вызывала в нем интерес и легкий страх. Однажды он проснулся и увидел, что пещера за окном стала белой. С потолка тихо падали легкие хлопья. «Что это?» — сказал он себе. Выйдя на улицу, Вилли почувствовал, что земля холодная и мягкая. Он попробовал поймать лапкой одну из снежинок. Она легла ему на нос и растаяла. Рыжик замер, фыркнул — и рассмеялся. Он начал прыгать, пытаясь поймать снежинки. Страх исчез. Снег оказался не врагом, а веселым другом. Вилли катался в сугробе, оставлял на снегу следы и радостно мурчал. С тех пор он понял: иногда новое кажется страшным, но стоит только попробовать — и можно открыть для себя целый мир радости.

Гномы глуповато посмеялись, пристыженные будничной аллегорией, и отправились отдыхать без брони, правда оставив часовых. На следующее утро мы пробудились без каких-либо происшествий, позавтракали, снялись со стоянки и двинули в путь со стальными челнами, посчитав их хоть и тяжелой, но сносной защитой для переносного лагеря. Мы договорились пройти несколько лишних миль в обход тракта по пересеченной местности, но при этом скрытые от врага лесной завесой. Поскольку вторжение неизвестных карликов могло быть расценено всеми сторонами конфликта как явное проявление враждебности, на этой земле у отряда не было союзников. С другой стороны, мы с Двабрином острили, что если в ворота Флейшвольфбурга постучится сотня гномов в сверкающих доспехах, то существование вампиров точно не покажется вздорной выдумкой. В общем, мы еще не выработали конкретного плана после того как закрепимся в Опфере. В походе было сложно, но гномы отличались нечеловеческой выносливостью. По своей природе они являлись ужасными упрямцами и

всегда придерживались данного слова, а потому не жаловались, влача на себе тяжелые грузы. Мы шли сквозь лес, словно неутомимый буревал, ломая ветки и неокрепшие деревца. Я ощутил стыд, когда увидел несколько упавших птичьих гнезд с разбитыми яйцами; но иначе никак.

Первый переход мы закончили остановкой около чистого ручья, бившего из подножья крошечного утеса. Гномы, восприняв это как некий знак свыше, загомонили и по очереди облепили каменный выступ, молясь духам предков. Надзиратель Кугрос осуществил положенный ритуал на походном алтаре, воскурив благовония, и мы плотно отобедали. Охотники пошли на разведку и заодно устроить лов какой-никакой дичи. Двабрин выставил зоркую охрану, а остальные предались развлечениям или послеобеденному сну. Гномы оперативно разделись, оставив тесный доспех и теплую одежду, из-за которой потели и опревали, и разлеглись тут и там по поляне с щекотными травами. Одни умывались в ручье, другие беседовали или рубились в азартные игры, а хозяйственные ребята тратили свободное время на профилактику снаряжения. Какое-то время я сидел под дубом, проникая бездумным взглядом сквозь прозрачный поток прямо в дно, усеянное илом и камешками.

Вскоре мне наскучила эта созерцательная практика, и я решил, что время заняться неотложными делами. Я подозвал Двабрина, надзирателя и еще нескольких старых и уважаемых гномов, чтобы держать совет о предстоящих подвигах, теперь уже на холодную голову.

— Господа, в людском обществе моими идеями нередко пренебрегали, из-за чего я встревал в бессмысленные и кровавые передряги. Находясь под началом недоучек, тиранов и самодуров, мне приходилось ставить на кон здоровье и даже жизнь, лишь бы угодить их извращенным хотениям. Теперь же я впервые прочувствовал, находясь среди отзывчивых и благородных гномов, что я вольное создание и распоряжаюсь собой как того сам желаю. Как только ветер свободы омыл мое тело и наполнил легкие очаровательным благорастворением, я ощутил необходимость созидать, творить и врачевать. Мне кажется, что я безымянен и душой, наполняясь помыслами и качествами ближнего. Прежде всего я хочу поблагодарить Вас, подземных крепышей, за высокость духа. Вы подобны яркому маяку в безлунную штормовую ночь, а я — кораблю, доверчиво спешащему к далекому свету. Однако оставим поэзию бардам грядущих времен. Напомню, что перед нами дилемма, как у светской красавицы, выбирающей между двумя кавалерами. Если мы пристанем к Хайнцу-старшему, то существует ненулевая вероятность в будущем иметь ту же картину, что и сейчас, но уже с новообращенными вампирами или другой формой бесчинств. Однако он сплел хитроумную сеть интриг, а также обладает внушительным влиянием на политику Флейшвольфбурга, ибо принадлежит к старой школе управленцев. Он достаточно опытен и строг, чтобы не допустить анархии и военного разгрома от сил нахрапистого Вюрстваренштадта. При Хайнце город сохранит независимость и преумножит свое процветание, основанное на торговле и ремеслах, если воцарившиеся вампиры соблюдут вегетарианский способ жизни.

— Мы не уполномочены возглавлять или поддерживать мятеж в иностранном государстве. — вмешивается хлопотливый надзиратель через переводчика. — Нам было поручено нивелировать угрозу кровопийц, вот и все. Мы и так потеряли главную часть вакцины: она распространилась по прибрежным водам вместе с выбросами реки. Есть основания считать, что рыба с радостью пожрала весь порошок или хотя бы ненароком сглотнула его. Через несколько месяцев рыбаки выловят зараженную сельдь или вытянут в

сетях вакцинированных крабов. Что за этим следует? Верно, рыбу съест рыбак, а рыбака — вампир. Круг замкнется, нас ждет медленная, но верная победа. На этом я бы вообще свернул экспедицию и направил сотню прямиком к примогильному спуску в подземелье, пока никого не задело шальной человеческой пулей.

— Придержи вагонетку, Кугрос. — Двабрин взялся истолковывать неспешную речь авторитетного гнома-прорицателя. — Сегодня мне был сон, что змея подкралась к беличьему гнезду. Внутри дупла голодные бельчата ждали мать, отошедшую за орешками; они оказались беззащитны и растерянны. Аспид вился вокруг дупла, высовывая гадкий раздвоенный язык; детеныши испуганно пищали и метались из стороны в сторону, не зная, где искать защиты. Потом змей неторопливо просунул голову, учуяв запах страха, и был готов в ту же секунду нанести подлый удар. В этот момент мимо дерева пролетал гордый сокол, и он цепко ухватил змея, распарывая его в полете. Сильная и смелая птица даже не догадывалась, что стала спасительницей выводка юркой белки. Переводя это на общепринятый язык, нам суждено спасти государства людей, однако походя, в качестве побочного эффекта.

— Значит нам воспрещено поддерживать переворот, Фридрих. Через жрецов говорят духи предков. — Двабрин виновато вздохнул. — Мы займем Опфер, восполним запасы, возможно завербуем вспомогательные войска, а оттуда пойдем маршем на Флейшвольфбург, чтобы вакцинировать всех горожан. Мы не станем посвящать Хайнца-старшего в природу порошка и он, скорее всего, умрет от столбняка кровососущих, как и прочие.

— Во-первых, — я решаю оспорить их самоуверенные планы, — Вас всего сто штыков. Даже если считать один к десяти в вашу пользу из-за отменной сплоченности, прекрасного вооружения и высокотехнологичных мушкетов, то каждая из сторон может поставить до десяти тысяч солдат в поле одномоментно, а потом еще и еще... Пропорция против Вас. Что такое отряд из ста гномов? Капля в море, песчинка в пустыне, уголек в штольне, — этих сравнений, полагаю, достаточно? Даже если Вы убьете не одну тысячу солдат, итогом станет только резня подобная кладбищенской, а Вас рано или поздно перетрут, как грибную муку, пусть для этого понадобится бессчетное множество ступок.

— Ты прав. — говорит надзиратель. — Мы давно не воевали, так что здравомыслие в этой сфере — не наш конек. В таком случае хорошо бы навести мосты хотя бы с кем-то.

— Когда займем Опфер, я предлагаю выслать послов к мятежникам и вюрстваренштадцам, чтобы договориться о беспрепятственном проходе к столице Лихтхерштеллеров. Прибегнуть к силе еще успеется. — высказался ранее молчавший гном в самобытном красном колпаке. — Если они окажутся любезны и дадут гордому соколу утянуть гадину, — все от этого выиграют. Если риск окажется неоправданным, то будем ждать в теплом жилье и со сносным продовольствием, пока вакцина распространится по Гроссшмерцляндии.

— Так что подытожим? — надзиратель Кугрос подготовил бумагу и грифельную ручку.

В отряде звучала нестройность голосов, план так и не был выработан; мы остановились на том, что пробы дипломатии будут совершены прежде насилия. Скоро вернулись охотники с несколькими зайцами и молодой косулей. Было решено сготовить дичь после перехода, чтобы не терять времени. Мы собрались, набрали свежей воды, нагрузили челны на плечи и

направились в долину Опфера. В этот раз дорога была ровнее и приятнее: лес стал редеть, а жара спала. К тому же мы напали на полузаросшую тропу и живо вернули ей прежний вид. Сразу после заката мы вышли на опушку, а оттуда пересекли узкое поле под паром, перестроившись в колонну по трое; впереди шли наблюдательные охотники. Гномы стали ворчать и перешептываться, и я узнал у Двабрина, что они устали от докучливых побегов, щекочущих лица, а еще они натерли кровавые мозоли и вообще им неспокойно на открытой местности.

Наши разведчики доложили, что за холмом в полуверсте обнаружилось множество огней и глиняных домов. Я испугался, подумав, что одна из сторон уже заняла руины Опфера. Если это правда, вскоре их разведчики приметят сказочный отряд и затрубят тревогу, а значит, пора строиться в боевой порядок. Отряд попятился в ближайший пролесок, построившись в плотный квадрат с мушкетерами внутри, прикрытыми щитоносцами. Они установили челны бортами между деревьев как заслон, и побросали за них все ценное имущество. Я взял с собой Двабрина и твердо решил, пока дело не дошло до сражения, вступить в переговоры с текущим хозяином поселка. Сотне мы наказали, если к утру не вернемся, штурмовать Опфер и считать нашими убийцами всех, кто достиг шестнадцати лет.

XXIII

По пути мы не встретили ни одного всадника или часового, только спящие поля подсолнухов и кукурузы. Правда, нам потрепало нервы одно нехорошее пугало в широкополой шляпе, в темноте успешно отгоняющее даже людей. Двабрин признался, что с каждым днем ему все меньше нравится поверхность земли. К удивлению, никто не жег сигнальных факелов, не трубил, не свистел и в иной способ не сообщал о нашем приближении. Тем более никто не стрелял в нас. Это обстоятельство насторожило еще больше: возможно в самом поселке готовится засада? Откинув опасения, мы дошли до околиц Опфера: вот показались первые домики, побеленные и раскрашенные яркими цветочными узорами, с низкими плетеными заборами и милыми садами. Любо смотреть на тихую крестьянскую жизнь, незатронутую голодом, бедностью и неподъемной налоговой ставкой. Залаяли псы, некоторые хозяева проснулись и зажгли лучины, с опаской выглядывая в окна. Проскользнув знающими взглядами, мы все же не нашли убедительных следов квартировки войск. Мы с Двабрином шагали по безлюдной улице, словно пропащие воры, пока не подошли к вытоптанной площади перед деревянной церковью. Тогда из пристройки вышел сонный усач с фонарем, в исподнем, с накинутым поверх суконным кафтаном. Сторож подошел близко, чтобы криком не будить соседей. На его месте я бы поостерегся так тесно знакомиться с ночными путниками.

— Чем могу помочь? — с ходу спросил он, зевая.

— Мы неместные, — начал я, — шли по тракту, заплутали. Не подскажете, где мы находимся?

— Это... — недоуменный взгляд усача повис на низкорослом Двабрине. — Опфер, милостисдарь. У нас есть корчма за углом, там Вам постелют.

— Опфер? — я с не меньшим удивлением переспросил; к глазам прилила кровь.

— Он самый. — слегка раздраженно ответил мужчина с фонарем. — Если это все, позвольте удалиться спать, еще третьи петухи не пели.

— А разве Ваше многострадальное селение не разрушили два раза, сначала вюрстваренштадцы, а потом флейшвольфбуржцы? Стойте, наверное, наоборот. Неужели неприятель не жег дворы, насиловал женщин, детей топил в озере, а стариков молол на костную муку? Разве не была возведена стена черепов, положенная на вываренный суставной раствор? И не разбрелись ли по миру беженцы с застывшей на сердцах скорбью? Господи прости!

— Что за зловещие домыслы Вы только что высказали, а главное, чей гнилой рот является их первоисточником?! — гневно выпалил мужчина, тыкая фонарем в лицо. — Назовитесь и объяснитесь!

Сонный церковный сторож совмещал должность старосты Опфера. Он благодушно пригласил нас в пристройку, разжег свечи и усадил за стол со скатертью. Прямо над столом, на резной полочке, стояли прелестные диптихи на сюжеты житий святых. Староста разлил несколько стаканов кагора, чтобы увлажнить наши обветренные губы, а заодно проверить, как мы отреагируем на освященную жидкость. Двабрину особенно понравился приторный вкус, и он скромно попросил добавки, говоря это со смешным подземным акцентом. Закусывали мы суховатыми просвирами, незатребованными на вчерашней службе, которых собрался целый таз. Мы обстоятельно и вымученно беседовали со старостой, пытаясь донести всю серьезность сложившейся

ситуации. Заспанный усач поначалу упирался, отрицал любую связь вельмож с мифическими вампирами. Внезапно, горячечно он встал из-за стола, просил подождать и через пять минут вернулся с кувшином святой воды, которую без предупреждения вылил нам на головы. Таким образом он хотел удостовериться, что мы не злые духи, распространяющие дурную прелесть.

В итоге мы осыпали старосту жуткой бранью, заставили сесть рядом и в несколько более категоричной манере втолковали, кто мы такие и зачем прибыли в Опфер. Усач много ахал да охал и выпил кагора кратно больше, чем мы. Он сообщил, что деревню сначала посетил конный отряд гвардии графа, взяв с собой десяток добровольцев, а после, через пару недель, прибыли вюрстваренштадцы, уведя за собой еще столько же молодых людей, открыто симпатизировавших противоположной стороне. Большинство жителей отнеслись к политическим дрязгам индифферентно, и не хотели принимать деятельное участие в феодальной войне. Впоследствии селение не беспокоили. Лишь однажды гонец колбасников затребовал хлеб для солдат, и Опфер отправил обоз с мукой и бочки с сыром. Беженцев отсюда почти не было, только молодежь выехала на заработки. В целом война почти не повлияла на привычный сельский уклад. Дальше мы с Двабрином поведали о таинственном королевстве гномов, о сказочном отряде в сотню штыков, и что отныне Опфер переходит под управление миротворцев. Староста резко не согласился, ввиду того, что не обладал абсолютной властью, и пошел будить священника.

Дородный священнослужитель пришел в одной сорочке и панталонах, при виде бородатого карлика тут же осушил стакан кагора и нервно выслушал нашу речь, но в усеченном и популярном формате. После этого священник протяжно вздохнул, проговорил слабо и никло:

— А ведь я догадывался. Когда учился в столичной семинарии, нас однажды ночью привели в катакомбы под дворцом на смотрины. Духовник графа искал себе нового секретаря, так как старый скончался, будучи стариком. Когда нас построили в узком подземном коридоре, освещенном тусклым фиолетовым факелом, меня проняло разрядом первобытного страха. Дрожали все прожилки, коленки ходили ходуном; я не знал, как устоять на ватных ногах. Читал про себя молитвы и все такое прочее — не помогло. Сами по себе отворились двери, ведшие в покои; за дверным проемом клубилась тьма; я приковал взгляд к безлюдной темноте. Мои глаза побелели от ужаса, когда в коридор бесшумно, словно низко паря над землей, вошел молодой человек. Он был бледнее чем снег, одет в рясу, на груди у него покоился крест из чистого золота с драгоценными камнями, оправленный в платину. Парень брезгливо, обжигающе оглядел нас, не проронив ни слова, указал длинным иссушенным пальцем с неостриженным, почти черным ногтем, на моего неудачливого товарища. В итоге они вдвоем ушли через ту же дверь, а нас тихонько вывели в город. Вот такая мучительная встреча. По-видимому, графский духовник тоже кровососущей породы. Интересно, сожрали ли они того несчастного аль он все еще прислуживает писарем?

Руководство Опфера легко пошло на предательство, а если вернее, на спасение. Вчетвером мы решили, что легитимация власти гномов должна пройти посредством народных сборов. Посему мы вернулись к сказочному отряду, держащему оборону в лесу за полверсты от Опфера. К тому моменту гномы отравили грязной кровью всех комаров в округе. Кстати говоря, с помощью серебристого феррума можно навсегда вывести клопов, клещей и прочую гадость, чем все люди обязаны воспользоваться по окончании войны.

Был дан отбой тревоги, уставшие бородачи принялись разжигать костер и готовить дичь, пока та не испортилась из-за жары; часть щитоносцев тут же попадала спать, не дожидаясь позднего ужина. Мы условились, что народные сборы намечаются на вторую половину дня, и дали сотне разложить пожитки прямо там, в небольшой роще, тем более что гномы уже успели ее укрепить.

Пополудни, проспав около шести часов, мы снялись с временного лагеря и двинули колонной в Опфер, распевая непристойные гномские песенки. Жители встречали нас с открытыми ртами, некоторые махали платками и шляпами, а дети в шутку бросали под ноги полевые цветы. Селяне лицезрели легендарных карликов впервые, но, конечно, воспринимали это куда легче из-за живых поверий и красочных преданий, где гномы занимают не последнее место и живут куда интереснее реальных. Селяне окружили строй, юморливо и приветливо знакомясь с нами; веселая толпа сопроводила отряд до церкви. Староста и священник дождались нас на площади, налили полный рог кагора и пустили его по кругу с гномскими военачальниками, как бы демонстрируя союзные намерения у всех на глазах. Надзиратель низко поклонился и скомандовал гномам встать в две шеренги. Задребезжали доспехи и загомонили недовольные бойцы, изнемогающие от душной погоды; адамант цвета морской волны манко сиял на солнце.

Священник зачинал бодрую речь, а Двабрин усердно переводил на гномский. Святой отец довольно витиевато и тонко затронул тему предательства династии Лихтхерштеллеров, резко осудил пропаганду обоих государств касательно выдуманного разорения Опфера, а также пропел дифирамбы доблестным гномам. Речь подхватил староста и аргументированно пояснил, что Опферу нужно действовать на упреждение, а значит временно выйти из подчинения Флейшвольфбурга, пока в нем не выкристаллизуется человеческая власть. До того момента их покровителями выступят гномы-миротворцы. Сказочной сотни будет достаточно, чтобы защитить селян от нападения вампиров или вюрстваренштадских головорезов. В его суждениях рефреном звучал один рассудительный довод: если пропаганда обоих государств уже использовала образ обугленного поселка, тем паче им ничего не стоит претворить извращенную фантазию в жизнь; а может это и есть подлинная цель войны? Тогда староста бросил в толпу риторическую фразу: «Кто хочет положить свой череп на башню?» Никто не поднял руку. Когда же он спросил, кто за то, чтобы дождаться смены власти во Флейшвольфбурге под мудрым протекторатом гномов, то решение было принято единогласно. Двабрин скомандовал «Ура!», и гномы трижды повторили это на своем наречии, что звучало красиво и мелодично. Селяне хлопали в ладоши и радостно выкрикивали всякое в поддержку союза подземелья и надземелья. В это время я глазел на печать засохшей просвиры, которую захватил с собой со вчерашней попойки. Какие интересные, однако, у клириков шифры на хлебе.

Мы срочно выдали на каждый двор по четверть фунта вакцины, порекомендовав приправлять ею пищу вместо каменной соли на протяжении недели. Гномы довели до сведения, что так жители останутся нетронутыми в случае рейда. Однако, к сожалению, теперь людям никак нельзя употреблять сырое мясо и кровь: при попадании в желудок пострадавший обречен на мучительную смерть от долгих приступов корчей. При термообработке соединение серебристого феррума быстро разрушается, но вот метт или недожаренный стейк, какая жалость, подлежит обязательному вычеркиванию из поваренных книг. Еду, кров и прочие услуги мы договорились покупать у

людей на базаре, чтобы не стеснять их и не вносить разлад в партнерские отношения. Гномы еще до похода вычеканили несколько мешков изысканных серебряных и золотых монет с изображением столичного амфитеатра и исторического бородача в колпаке на обратной стороне. Они знали о людской алчности и безыдейности, а также о наивном всечеловеческом понятии денег. Для них это все равно что шляпки грибов или кувшинки, которыми дети расплачиваются друг с другом во время игры. Мы без проблем арендовали корчму и несколько пустующих домов под казармы. Штаб гномы обустроили в винном погребе, прохладном и затемненном, с пауками и плесенью, как и приличествует комфортному офису пещерников. Кроме того, в погребе безопасно хранить по-настоящему ценное имущество вроде скорострельных мушкетов, чье устройство ни в коем случае не должно быть разгадано людьми.

XXIV

Минуло три дня. На первый день гномы отоспались, отъелись и привели себя в порядок, привыкая к особенностям наружного быта. Кряжистым мальцам было непривычно ставить себя в зависимость от солнечного дня и непостоянной погоды. Дождь для них оказался волнительным событием сродни землетрясению, осыпающему своды пещер. Они ребячливо хихикали и ловили почти невесомые капли, находя дождь куда менее травмоопасным, чем падение булыжников на головы. На второй день гномы заскучали, ведь кроме алкоголя, общения с людьми и несения унылой караульной службы им не нашли других занятий. На третий день гномы устроили столпотворение около винного погреба, срочно требуя от военачальников какого-то полезного дела. Я стал свидетелем удивительной стачки наоборот: они привыкли трудиться много и усердно, здесь же созидательным порывам было откровенно тесно и несподручно. Гномам не с руки бездельничать, дома они привыкли сворачивать горы. Двабрин их заверил, что работа найдется, хотя бы по укреплению Опфера, после чего направился к старосте за соответствующим разрешением.

Сначала староста вилял хвостом, и они не могли прийти к соглашению, ведь прожженный опферский руководитель полагал, что гномы возьмут неподъемное вознаграждение за возведение стен и каменных зданий. Бюджет деревни был весьма скудным и не позволял профинансировать монументальный проект. Это Вам не нанимать бригаду косоруких кровельщиков из Вюрстваренштадта. Средства деревни в основном шли на починку общинного амбара и мельницы. В статью расходов также входило поддержание церкви, совмещавшей лазарет и школу, а также ведшей запись метрических книг; знаете ли, заморская бумага недешевая. В этой связи Двабрин забористо выругался:

— Дубина ты стоеросовая, сколько можно объяснять! Мы равнодушны к деньгам, у нас целые мешки серебряных монет без дела простаивают. Если тебе так важны эти побрякушки, я сам выплачу полпуда серебра, только разреши строительство! От бездействия мои товарищи впали в уныние, нудно им и постыло, и белый свет немил соколам. Знаешь ли, оборона тоже должна выстраиваться с умом. Чем ты, лапотник, собрался отражать навалу?

— Ты меня не третируй, кипяченая борода! — на повышенных тонах отвечает староста. — Если Вы хотите превратить деревню в замок забесплатно, я только за. Глядишь, Вы мне еще пожалуете гномскую акколаду, и я заделаюсь местечковым сеньором Ле-Опфером герба подземной кузни. Ладно, шучу. Песок и глину можете брать на реке, а к старой открытой каменоломне Вас сводит мой сын хоть сейчас. Там конечно не гранитный массив, но для стен крепость нашего камня сгодится. Где находится лес Вы и сами знаете. Только уговор следующий: после Вашего ухода все построенное переходит в собственность общины. Если будут нужны лишние руки, привлечем местных; гужевым транспортом обеспечим. Вы, ребята, чистейшие самородки.

— Замечательно. После обеда я пришлю поверенного с проектом договора. — ответил Двабрин и демонстративно хлопнул дверью.

Несколько дней спустя, рано утром до зари, я сладко спал на тонком тюфяке с пером. Мне выделили тесную комнатушку в доме старухи-вдовы, жившей на отшибе, напротив такой же старой и глухой дубравы, как и она.

Мы со старухой почти не общались, а вместо арендной платы я хлопотал по хозяйству: носил воду, рубил дрова, ходил по продукты на базар, кормил и резал домашнюю птицу, полол грядки. Решительно непонятно, кто кому оказывал услуги; здесь я понял, что иногда бываю сострадательным человеком. Впрочем, проснулся я оттого, что кто-то ритмично стучал мне в окно. Я коварно притворился, что очень крепко сплю и нужно подождать до часа естественного пробуждения; но стук не прекратился, а стал только вреднее и громче. Тогда мне пришлось искать спички и зажечь свечу, с которой я пошел к окну, чтобы поговорить с надоедливым ночным посетителем. Перед окном, вроде бы, никого не оказалось; раздраженный, я открыл его и высунул голову на улицу: тоже безлюдно и тихо. Только на ветру легко покачивались цветы, и вдалеке шумела сень столетних дубов. Я пожал плечами, как вдруг в окно, словно пушечное ядро, влетела летучая мышь. Я раздраженно запыхтел, готовясь отлавливать несмышленого пришельца, но как только развернулся, то от страха крякнул.

Передо мной стоял пузатый Хайнц-старший, испепеляя меня такой сердитой физиономией, что хотелось выброситься из окна и сломя голову бежать в дубраву. Что-то в нем изменилось, будто он осунулся или постарел; однако вряд ли вампиры способны состариться. Явственно видно, что на его лице отпечаталось некое нервное напряжение. Хайнц-старший поправил слегка смятый фрак и леденяще вымолвил:

— Гречневый увалень, ну и где мой кинжал?

— В царстве гномов.

— Что? — Хайнц-старший грозно оскалился.

— Да, это главный экспонат в археологических чертогах. Но для убийства Августа он Вам не понадобится, о мой белозубый владыка. Есть и более действенное орудие, и я тут же вручу Вам его, если пожелаете.

— Кинжал нужен не только для убийства тирана, — Хайнц-старший начал ходить взад-вперед, задумчиво сложив руки за спиной, — а еще как легендарное оружие, символ династического превосходства. Я один из законных претендентов, потому что происхожу по отцовской линии от прапрадеда Августа. Смекаешь? Если бы я обзавелся семейной драгоценностью, то мигом заявил претензии на злодейский престол.

— Да, мой проницательный владыка. К сожалению, гномы не разрешили мне изъять зубочистку Вильгельма.

— Как ты назвал этот мастерский кинжал?! — опять до кровавых брызг пенится старомодный аристократ. — Я тебя сожру, гадина, и не подавлюсь.

— Боюсь, это невозможно, владыка. — я попятился назад; в сонных руках затряслось блюдце со свечой. — Теперь я вакцинирован от вампиров.

— Повтори? — Хайнц-старший напрягся, в мгновение ока приблизился и стал бегло обнюхивать меня. — Запах почти не изменился, разве что добавилась неясная железистая нотка. Не обманываешь?

— Нет, господин. Их алхимики владеют секретом отравления крови.

— Понятно. Зачем ты привел сюда орду хмельных медвежат? Честно говоря, я до последнего сомневался, существуют ли они взаправду. Конечно, изустная традиция нам много чего говорила... теперь разом поверить во все бабкины небылицы? Если гномы выползли из земных пустот, то послезавтра придется радушно встречать эльфов из леса и русалок из моря. Мы-то хотели как можно дольше сохранить преимущество легендарных тварей, а то конкуренция сожрет нас быстрее, чем мы Вас. Смекаешь, Фридрих? У всех сказочных народов есть какое-то особое свойство, реликвия или

исключительное чаротворство, делающее их сильнее человека. А через время люди начнут тасовать нас, как козыри в колоде, и употреблять для своих нужд. Не хочу закончить как те беспомощные древние нобили, следившие из своих охраняемых вилл за разграблением провинций. Ох, как не хочу, чтобы условный гном по-хозяйски рылся в моей кладовой, где я так долго и бережно складировал склянки с кровью.

— Господин Хайнц-старший, я лишь следовал Вашему плану, чтобы ликвидировать всех вампиров Гроссшмерцляндии. Потому-то я призвал этих добродушных созданий.

— Похоже, что ты преуспел в этом предприятии. — сказал древний вампир с расстроенными нотками в голосе. — Ты отсутствовал почти все лето. Знаешь ли, что произошло, пока ты рыл подкопы, как полевой крот?

— Мне неизвестно, о мой всеведущий владыка.

— Нас раскрыли. Капитан Хакебайн продал с потрохами наше тайное общество взамен обращения. Это оказалось печальной неожиданностью и болезненным ударом в подбрюшье. Теперь Хакебайн барон и законный владелец этого поселка, а еще пьет кровь девственниц. В форте Дармерей произошла жестокая резня между повстанцами и холуями тирана. Августовцы поймали Хайнца-младшего, заточили в колодки и привезли во Флейшвольфбург. Там ему прилюдно вспороли кишки и повесили напротив Адерласс-салона, чтобы я устрашился кары и безмерно скорбел о гибели приемного сына. Мы с выжившими соратниками бежали катакомбами; теперь наш джентльменский клуб разобщен и напуган. Блютхольду удалось выбраться с двумястами бойцами из Дармерея, он партизанит в окрестных лесах. Но это еще полбеды, ведь вюрстваренштадские шпионы тут же прознали о неудачном перевороте: их соглядатаи, как и наши, умеют летать. Осадный корпус пошел на штурм форта, свеженький и выдрессированный ратсгауптманном. Этого мясницкого строевика хлебом не корми — дай в руки плеть и барабан. Атаки отразили большой ценой, и многие пали от оружия, ран и болезней. Даже так мудрое проведение избрало для них судьбу куда милосерднее, чем для выживших. Обескровленные силы противоборствующих лагерей отдали на растерзание. Август созвал всех на щедрую пирушку, включая его партнеров из Вюрстваренштадта, и они, ликуя, иссушили жилы сотен бравых вояк. Кровь, полная кипучей ярости и врожденной воинственности, тревоги и животной энергии — известный деликатес. Нам не так интересны малосольные дети или женщины, лишенные мускусного аромата, как крепкие и способные ребята. Охота была дикой и беспощадной, конечно, несколько вампиров они потеряли от рук солдат, — но и кабан иногда одолевает знатного человека; оттого трофей только вожделеннее. Никто не ушел несолоно хлебавши.

— Погодите. — я совершил удивленный пасс рукой. — Неужели и Вюрстваренштадт поражен вампирским недугом? Мне очень жаль, что Хайнц-младший был так жестоко казнен. Я скорблю вместе с Вами и проклинаю всех флейшвольфбуржских палачей.

— Полвека назад мы разгромили колбасников на поле боя и инкорпорировали туда собственную элиту. За это время мы заменили все центральные фигуры Шлосса на наших верных ставленников, хотя их жители не представляют собой подъяремный скот, как флейшвольфбуржцы. Там мы в большей степени пользуемся навыками социальной инженерии: обманываем, внушаем, недоговариваем, словом, оболваниваем. Конечно, внешне государства независимы, враждуют друг с другом и терпят от соперничества

убытки. Но внутренний круг, скажем так, купается в кровавых бассейнах: разве существуют границы для влиятельных лиц?

— То есть, эта война спланирована только с целью поедания сражающихся? До чего же цинично, между тем, рационально.

— Куда легче списать жатву на ужасы войны, чем есть людей прямо с улицы в эпоху всеобщего благоденствия. Постоянные пропажи вызовут всенародный гвалт, а кривотолки добела раскалят общество. Не ровен час, и наше сообщество разоблачат тайноведы с магическим оружием. А на войне не остается следов — во всем виноват безжалостный враг. Все продумано до мелочей. Но это уже история, а нас должна волновать проблема куда неразрешимей.

— Внемлю Вам, господин. — я поставил свечу на столик и сел на уголок кровати, чувствуя себя весьма неуютно.

— Новоназначенный барон фон Хакебайн пожелает утвердиться в своем владении, а кровопийцы еще не насытились страданием. Жемчужиной военных преступлений станет Опфер. Рано или поздно они придут за Вами, чтобы сделать пропагандистскую сказку мрачной былью. Не сомневайся, в своих порочных умах они уже высосали кровь приходского священника и всей его жертвенной паствы. Эх, Фридрих! Я пришел к тебе как друг. Не исключено, что мне придется вновь склониться перед Августом и вернуться к людоедской диете. Я уже потерял одного сына, а гибель второго не переживу. Вельможи отправили мне весточку, чтобы я приполз на покаяние во дворец. Тогда любимый Блютхольд будет здравствовать, а мне пожалуют скромное и невзрачное поместье на окраине, если только я выскажу приятие и подчинюсь. Это куда престижнее, чем сосновый ящик, согласись? Возможно меня даже поставят администрировать важное направление, как в былые времена. Сник мой революционный запал, нет сил действовать против. Можешь считать себя свободным от любых клятв и обещаний. Чеснок мне уже не пригодится. Тебе, кажется, требовались деньги? Держи. — Хайнц-старший отстегнул от пояса тяжелую мошну серебра и бросил на кровать. — На сим мы в расчете. Мой тебе совет: беги отсюда вместе с гномами, если тебе мила твоя бродяжная жизнь.

— Это взаимно, господин Хайнц, полагаю, Лихтхерштеллер? — в уме моментально сложился паззл. — Я почему-то не догадывался, какую фамилию Вы носите.

— Если угодно точности, то мое полное имя — Генрих Леопольд фон Лихтхерштеллер кадетской линии сего славного дома. По чести сказано, я не кичился высокородной родней, и нередко пользовался псевдонимами.

— Генрих, избегайте пить свежую людскую кровь. Пока повремените и питайтесь консервами, которые заготовили Ваши заботливые сыновья. Империя нечестивцев с треском обрушится и погребет под своими развалинами всех, кто добровольно не откажется от привилегированного места жительства.

— Береги себя, приветливый Фридрих. Я тебя, несомненно, обращу, если найду теплым на поле битвы. Без опекуна во взрослом мире тебе, дураку, нельзя. А насчет проклятой крови я оставлю все в тайне, как и ты о содержании нашей теплой беседы. Хоть я больше и не союзник, но точно не враг. От людской крови у меня изжога.

— Уже светает. Вам пора уходить. — я встал с кровати, затушил свечу и с улыбкой приоткрыл окно. — Я бы сказал, что жду Вас в гости, но это не так. Удачного полета, мессир.

— Ах, прости мою старческую забывчивость! — невзначай бросает Хайнц перед превращением в летучую мышь. — Один юркий кожан напищал, что Августа отравили чесноком. Ему очень нездоровится. Государь изнемогает в покоях, на шикарной аксамитовой кровати, завешенной легким пологом, и посмактывает мозги через костяную бомбилью. Регентом Август назначил, ожидаемо, Кнохенбайсера, своего лучшего друга и кузена по матери; вместе они начинали колдовать.

XXV

Начало холодать, пасторальный пейзаж пожух и скомкался; щедрая земля отдала людям почти все, что позволило подательное солнце. День становился все короче, как и сезонный труд косцов. Садовые деревья предчувствовали грядущие заморозки, и поспешно сбрасывали переспелые плоды, а вслед за ними сухие листья; природа готовилась ко сну. Самодостаточные гномы, живущие по своим чудным часам, с неослабевающим энтузиазмом возводили каменные укрепления и сеть подземных туннелей под Опфером. К ним присоединились крестьяне в качестве чернорабочих, соблазненные неправдоподобно-огромным окладом. Их умиляло непонимание пришельцами грубой человеческой экономики: разве грешно воспользоваться этим обстоятельством? Опферцы с радостью сменили серпы на молотки и зубила, проявив прагматическую сметку. Между двумя народами проявилось ясное и забавное противоречие: подземные жители сочли людей несмышлеными дикарями, продававшими драгоценное время и невосполнимое здоровье за ничтожные монетки. Люди, в свою очередь, мыслили приземленно и слепошаро, посчитав гномов эксцентричными магнатами, мотающими огромные состояния направо-налево, даже не разобравшись в разумной цене за услуги. Ведь не найдется второго такого заказчика от Южноморского ханства до холодных китобойных заимок, чтобы он платил батраку поденно, как с мастером-каменщиком рассчитываются за недели труда.

Обе стороны были в невероятных барышах. Гномы смогли за считанные месяцы окружить поселок мощными стенами и начать строительство приземистой цитадели с ветвистыми катакомбами, а люди стяжали неслыханное для сельских жителей благосостояние. Казалось, что они внутренне согласны умереть на стройке, лишь бы деньги достались их наследникам и сделали тех сказочно богатыми. Еще лучше, если их потомки освободятся из-под полевой каторги, заменив земляную грязь на чернильную; лучше потопать в духоте и бумагах, чем сугробах и лужах. Или же я думаю о людях самым лучшим образом, а на деле каждый урывал для себя любимого, не раздумывая о будущем? Так народы шли в ногу к своим мечтам, разрезанным по параллели; им не суждено сойтись в одной точке. Гномы грезили подвигами и долгом перед всеми живыми существами, а живые существа, хотя бы опферцы, выживали, набирая социальный вес.

Я же разрывался между ними, будучи на границе двух менталитетов. Я ощущал, как из моего изменчивого естества прорастали нежные побеги бескорыстного гномского мышления, словно прорезающиеся зубы у младенца. Оборотная сторона выглядела так, что я вызвался носить каштаны из огня для случайных лиц — так думали отзывчивые люди. Я не принадлежал ни тем ни другим, и оттого меня нередко пронимало тоской и стремлением к побегу в неведомые края, где могла находиться родина такого претенциозного скитальца, как я.

Но до тех пор мне довелось жить в доме старухи; мы с ней почти породнились. Такое чувство, что я приходился ей заброшенным племянником, которого в детстве сдали в приют или увезли жить за границу, а теперь он возмужал и вернулся, чтобы наверстать упущенное. Старушке так понравилась моя небрезгливость к работе и хороший уход за хозяйством, что она подбивала после войны остаться и досматривать за ней ввиду отсутствия

наследников. Я все отшучивался, показывай правую руку: «Семейство ювелиров уже измерило обхват моего безымянного пальца, но я обязательно вернусь с красавицей-женой и гномы построят мне высокие каменные хоромы у опушки дубравы. Я обязуюсь навещать Вас и помогать, как сейчас!»

Стоял мглистый осенний день; на окна надоедливо наседали мелкие капли; мы обедали у печи. Я уминал за две щеки вкуснейшие медовые вафли, приготовленные старухой, и бросал в ее адрес бутоны похвал, с моей стороны вполне искренних. Я любил хорошо и сытно поесть. Как назло, мой нежный десерт был приостановлен тяжелым и продолжительным стуком в двери сеней. От неожиданности я прокашлялся, запил квасом ставшую комом вафлю и пошел бегло открывать:

— Иду-иду, не выламывайте!

— Снаряжайся и выходи к воротам, срочно! — слышится из-за двери испуганный гномский голос. — Двабрин немедленно послал за тобой. Разведчики докладывают о сотне солдат, вышедших из леса. На них форма, как у тебя: гвардейцы Лихтхерштеллера. Вид у них неважный, и они плетутся вялой колонной к южным воротам.

— Что? Тревожные вести. Спасибо, господин надзиратель. — недоев, я направился вооружаться в свою комнату. — Удивительно, как быстро гномы осваивают иностранные языки.

Я поддел под мундир еще одну рубаху и накрылся шерстяным плащом, потому что не ожидал такого резкого и значительного похолодания. Старуха пожелала мне вернуться целым и сохранным, а я высказал контрольную благодарность за вафли. Чвякая налипшими комьями земли на подошвах, мы с Кугросом прошли через всю деревню к месту событий. Из-за дождя стало очень грязно, повсюду набежали лужи и дороги разворотило, кроме одной свежей, гномской, которая была мощеной и отличалась технологичным дренажем. Поднятое по тревоге войско занимало оборону на стене, строительных лесах и незатопленных рвах, а щитоносцы неслись к недостроенным воротам, чтобы не дать потенциальному врагу свободно войти в Опфер.

Кроме гномов на защиту деревни стало немало жильцов, пришлых дезертиров и авантюристов всякой масти. Гномы предлагали хорошее жалование и защиту от вампиров, потому под наши знамена отовсюду, словно моряки на зов сирен, стекались добровольцы из разных селений и даже городов-государств. Поскольку слухи о вампирской сущности элит обрели невиданное и опасное распространение, надо всей Гроссшмерцляндией повисло тяжелое, клубящееся, еле отличимое шипение, как бывает перед кипением чайника. Теперь мне думалось, что в этой бедственной стране возгорелись два одинаково ярких факела, а между ними раскинулся густой мрак грядущего. Благородный светоч против отвратительного жупела — испокон веку двойственный мотив — теперь одетый в гномов и вампиров. Слащаво, но терпимо.

Я помог гномам врыть в вязкий суглинок борт несчастного стального челна, который мы насилуем не один месяц на суше, тут и там пользуясь оным не по назначению. Быть может, этому металлу опостылела судьба переносного укрытия, и ему хочется поскорее на переплавку, чтобы стать чьей-то нержавеющей ложкой или заступом. Мы стояли на воротах, мокрые и злые, наблюдая за унылым серым пятном гвардейской колонны. Наконец гномы рассмотрели в подзорную трубу, как от солдатской массы отделился некий всадник на одряхлевшей тягловой лошади, неуклюже покачиваясь на

ходу. Мы решили терпеливо ждать, спрятавшись под каменной аркой от усилившегося дождя. Уставшее широкоспинное животное везло переговорщика спокойно и медлительно, неприспособленное к быстрому бегу.

— Фридрих, зряшную тревогу я дал. — виновато произносит Двабрин. — Я уже и сам вижу, что к нам плетутся раненые и голодные отщепенцы, а не штурмовые отряды противника.

— Ничего страшного, гномам надо закаляться. После осени, если мне не изменяет память, в этих местах наступает морозная зима. Да и не помешает бойцам оттачивать мастерство быстрых сборов. — я пожал плечами. — А если к нам пожаловал новый отряд вспомогательных войск, так это еще лучше.

— Скоро у нас численность вспомогательных войск впятеро превысит гномскую сотню. — вздыхает выходец из подземелья. — Тем более, когда Пурфрос скончался от старости, а Бегпуру отдавило ногу обвалившейся породой, и теперь он нестроевой. Нас уже девяносто восемь, даже не сотня.

— Возьмите себе двоих низкорослых людей, нарядите в адамантовый доспех, и никто не догадается о подмене. — я едко смеюсь.

— Ага, а на бороды прилепим козий пух. — Двабрин поднялся по ступенькам, чтобы взглянуть через зубец на стене. — Фридрих, конник уже почти доволокся. На переговоры ступаешь ты, у тебя форма располагает к дружелюбию.

Я недовольно шикнул, но согласился, ведь до сих пор не снял формы снабженца, считая себя, чем черт не шутит, ведущим логистом всего Флейшвольфбурга. Горожанам я доставлю свободу и мир, главную пищу цивилизованного народа. Обойдя укрытие, я пробуравил взглядом всадника и ощутил проснувшееся волнение; меня накрыл некий неясный страх и сожаление. Передо мной, верхом на лошади, сидел похудевший, измученный кочевьем Блютхольд. Он имел вид пораженного, сдавшегося человека, но это нисколько не умаляло его природной красоты, сделавшейся от страдания только глубже и заслуженнее. Мне его стало очень жаль, я подошел и добродушно подал руку, дабы помочь спешиться.

— Привет, Блютхольд. Не ожидал, что ты пойдешь на союз с гномами. Отец отпустил? И я... скорблю о твоей утрате. Твой брат не заслуживал быть казненным, как законченный преступник.

— Все очень запутанно и печально. — кратко ответил близнец; его худую кожу резали скулы, а без того острый нос стал нависать как клюв. — Хайнц знал, на что идет. И младший, и старший.

— А с отцом что приключилось? — мы двинули под арку к гномам.

— Тебе известно. После вашей беседы он вернулся в лагерь, день просидел в тенистом ущелье, раздумывая о суетном будущем, после чего простился и по закате полетел на примирение с Августом. Однако это, ожидаемо, оказалась ловушка и его тут же заключили в особую темницу, обвиняя в подстрекательстве, мятеже и попытке отравления. С тех пор минуло больше месяца, а вестей не прибавилось: видимо заплечных дел мастера все еще не выбили из него достаточных признаний. Мои люди стали голодать, часть отпала и решила силой отбирать продовольствие, сиречь разбойничать. Как я понимаю, некоторые пошли на службу к миротворцам.

— Да, перебежчики сообщали, что Вы скрывались где-то в лесистых холмах на юго-восточной окраине долины, в местности труднодоступной и пригодной к длительной партизанской войне.

— Несколько дней назад нас выследили вюрстваренштадские егеря и умело помяли нам шкуры. У меня много раненых, а убитых забрать не удалось — так поспешно и позорно бежали. Нам нужна помощь, взамен мы готовы верно служить гномам. Пожалуйста, организуй встречу с их военачальниками. Я хочу передать людей, чтобы их вылечили и поставили в строй сопротивления.

— А что с тобой? Почему уклоняешься от руководства?

— Я немедленно поеду в столицу, чтобы покончить с Августом. Известно, что у Вас есть особое снадобье, отравляющее кровь.

— Захотел пойти на верную смерть? — в моем голосе звучало сомнение. — Месть, конечно, блюдо холодное и иже с ними, но я не сторонник взаимного уничтожения.

— Тебе не понять, Фридрих. Я лишился семьи, самого дорого, сокровенного, красного угла. Какой смысл прозябать в одиночестве, в презрении и бедности, прозевав шанс прославиться и отомстить за все несчастья?

— Допустим, ты станешь круче вареного яйца и обретешь посмертное реноме самого отъявленного сукина сына. Но всего на неделю или месяц, а в лучшем случае — ограничишься поминанием раз в году на празднике, если наша сторона победит. Да, кровь за кровь, и глаза выколешь Августу по закону талиона. Но разве в этом есть зерно дальновидности? Тебе нет и тридцати, ты можешь породить множество детей и основать свою секту мстителей, что куда интереснее и даст смысл жизни не одному поколению потомков. Ну или вырастить их где-то за границей, отстроить там заново корчму и тихо наращивать живот. В конце концов, всегда можно пройти обряд пострига и вымолить Божье прощение. Так много опций, не требующих моментальной гибели, и притом нацеленных на осуществление мести, хотя бы через счастливую жизнь назло ненавистникам. Смекаешь? Вариативность — признак нового человека.

— Мне кажется, что гномы пичкали тебя второсортным чтивом в области нравоучений, пока ты даром питался их едой и жил в их домах. Сказано, конечно, формально логично, но как-то смазано и косноязычно.

— Я бы на твоем месте не оскорблял гномское позитивное мышление. — в беседу встрял негодующий Двабрин. — Я владею людским лучше и дольше, чем ты, курчавый фармазон.

— Гхм. — Блютхольд виновато встопорщился. — Приношу свои искренние извинения за бузотерство и свинские манеры, господин гном.

Мы приняли помятых гвардейцев с распростертыми объятьями, а тяжелораненых положили в госпиталь под нож и надзор хирурга. Остальных было решено отправить в карантинный барак, Блютхольда в том числе. Неделю мы их пичкали вакциной, которая теперь ценилась дороже золота и выдавалась порционно, под присмотром. Новоприбывших усиленно кормили и водили на допросы к надзирателю Кугросу. После этого Двабрин распределил мятежников по отрядам союзников, посчитав необходимым разделить их, дабы избежать интриг и возможного предательства. Даже гномам было вдомек, что однажды предавший в последующие разы сделает это еще более мерзопакостно, подкрепленный удачей предыдущих итераций.

Блютхольд опять засобирался, наполнив кровь серебристым феррумом. Я долго увещевал его, чтобы он изменил свои планы и остался ждать войско нечестивого регента в подземной цитадели Опфера. Или вдруг сам Август вознамерится покончить с миротворцами, и тогда мы распотрошим его

порченые кишки. Но упрямству Блютхольда не было предела: норовистый сын аристократа хочет всего и сразу. Тогда я заключил, что не могу оставить Блютхольда одного на столь долгом и бесприютном пути. Я вызвался быть его спутником, и мы засобирались вдвоем. Двабрин тщетно меня отговаривал; он считал меня близким другом и честным человеком, и не хотел моей ранней и мучительной кончины. Тогда гном решил, что не может остаться в стороне, за крепкими стенами Опфера, и решил отправиться вместе с нами. Мы засобирались втроем. Двабрина долго отвращал от этой вздорной идеи надзиратель Кугрос, но не смог. Последний никуда идти не собирался, особенно нырять в жерло вулкана, а потому с радостью принял командование гарнизоном. В целом, никто не остался обиженным: в Опфере намечается своеобразная битва регентов, на которую мы не попадем по ряду причин.

Чтобы избегнуть генерального сражения, мы снарядили сносных лошадей, взяли нескоропортящиеся продукты и облачились в легкие и тонкие кольчуги из адаманта, скрытые под формой и кожаными плащами. Старуха причитала, что не переживет эту зиму одна; я попросил гномов поселить ее в цитадели как кухарку. Напоследок мы вдрызг напились со старостой и приходским священником, опустошив церковную кладовую. На следующий день я опять обнаружил, что набил карманы сухими просвирами; у меня к ним иррациональная тяга. Перед отъездом прорицатель подвел черного петуха к очерченной площадке для гаданий, предлагая ему поклевать зерна с топора, щита или клинка из адаманта. Птица уверенно выбрала клинок, склевав весь ячмень. Гномский жрец предвещал нам осуществление ведущего замысла, потому как клинок предназначался для умерщвления вампиров. Следом надзиратель Кугрос воскурил благовония на походном алтаре, прочел гимны и благословил нашу братию на подвиг. Нас расцеловали, сказали много ободрительных слов и многолюдно провели за ворота. Из толпы вышел хромой трубач и заиграл туш: зеваки хлопали в ладоши, свистели и вразнобой произносили наши имена. Я подумал, что мы зря провели публичное прощание, ведь Опфер наводнился незнакомыми людьми, и не факт, что среди нас не затесалось августовских агентов. С иной точки зрения, гномы были очень дружны и трепетно относились к каждой встрече, считая ее последней. С похмельными головами, в прохладную листопадную пору мы вышли на дорогу. Так началась авантюрная вылазка на столицу.

XXVI

Путешествие вышло горьким и неважным; нас расстраивало так много вещей, и так мало утешало. Не последнюю скрипку сыграло уныние Блютхольда, но и ему звучно подпевала наша с Двабрином тревога касаемо проникновения в подземный дворец, а знобкая дождливая погода только усиливала меланхолические стенания. И неудобные седла натирали, и ледяные капли затекали сквозь капюшон за спину, и одежда слишком тонка, и не нашлось ни одного раскидистого дерева в округе, чтобы спрятаться от непогоды. Поразмыслив, что беседа вытравит дрянное настроение, я поверхностно спросил у Блютхольда:

— А сколько нам хоть скакать?

— Несколько дней, если погода позволит. Взмыливать лошадей нет желания, я не сторонник загонять трудяг, даже если дело срочное и архиважное.

— Нам нужно будет остановиться у какого-нибудь очага, а коням дать фуража. — встревает Двабрин. — Иначе сами заболеем, пока едем сквозь изморось и нас подстегивает до костей пробирающий ветер. Знал бы загодя, каково в дороге, то запросил крытую повозку и шерстяные одеяла, а еще наливочки для согрева. Да и вообще, перед великими трудами нужно хорошо отдыхать — не раздражаться, не переживать по пустякам. Флейшвольфбург нам ничего не простит.

— Роскошествовать предпочитаешь, миндальник! — ухмыляется Блютхольд. — Ну да ладно, мы все такие, стремящиеся к улучшению жилищных и рабочих условий. Какой дурак по своей воле откажется от комфорта и плевых должностных обязанностей? Никто не любит себя пересиливать, заставлять жить малопритязательно, в постоянном стрессе и доказывании, что порученное исполнится верно и качественно. Черт возьми, и зачем я вообще стремлюсь показать голую шею Августу? Все-таки я ошибся, господа, и это я имею мужество признать. Лучше мыслить сострадательно к себе, признавать поражения и не бояться ошибок, всегда довешивать еще один шанс. Тогда по капле ты затопишь весь мир. Однако ж, развернуться на полпути нам не суждено, друзья. Самое время запечатлеть эту вялую травку-муравку, кучи гниющих листьев, хмурое свинцовое небо и сказать самим себе: «Да, я решил умереть в таком мире!»

— А можно я скажу: «Да, я решил жить в таком мире!», Блютхольд? — я бросил нервический смешок. — Меня устраивает, что золотая осень сменяется неприветливым предзимьем. Я неприхотлив, а еще морально готов, чтобы в каком-то месте меня обзывали трусом и изменником. Давай повернем за этим указателем! Мы проводим тебя к какой-нибудь гавани, снабдим деньгами и посадим на корабль, ведущий далеко за море, где ты проживешь счастливо и безбедно.

— Прости, Фридрих. — выживший близнец сделался грустным. — Я не умею шутить.

Мы проезжали мимо пашен, посадок, холмов, низин, рощ, виноградников и садов, но повсюду было пустынно и угрюмо, словно крестьяне разом снялись с насиженных мест, чтобы во весь дух бежать от войны, кровопийц и налогов. К вечеру мы нашли пристанище в придорожном трактире, единственном, где горели окна и пахло вареными овощами. Постояльцев было мало, нам постелили в отдельной комнате на втором этаже; лошадей

отвели в стойла. Хозяин был предупредительным. Мы вкусно отужинали и отогрелись после долгой езды в сырость и холод. Особенно мне пришлась по вкусу горячая похлебка, в которой плавали целые куски говядины: редкая удача. От такой наваристой и прогревающей пищи у меня мгновенно пошли сопли, и я почувствовал мгновенное исцеление еще скрытой простуды. Мы засели за игрой в карты в общем зале, чуть погодя перешли на кости: играли по ставке в одну монету, чтобы не расстраивать дружбу и общее дело. Однако Блютхольд, бросая медяк, мрачно заметил: «А зачем мне деньги в могиле?» Двабрин выругался и трижды помянул духов предков, отводя морбидную установку близнеца. Мы заскучали от недалеких игр на удачу, а до сна оставалось еще несколько часов. Нам хотелось развлечься несколько интеллектуальней, и забыть о тревогах завтрашнего дня. У хозяина весьма кстати нашлись старые шахматы из коровьего рога с недостающими фигурами, замененными на саморучно вырезанные из дерева. Интересно, о скольких партиях и людях они могли нам поведать.

Было решено устроить соревнование среди посетителей. Мы пододвинули к нашему столу лавки и свечи, и громко сообщили о мероприятии. В качестве приза первому победителю Блютхольд ручался пожертвовать тяжелую серебряную цепочку с тельником. Для вторых и третьих победителей мы с Двабрином внесли по утешительной серебряной монете. Поступок Блютхольда виделся мне показным, но особенным, ведь этот парень никогда не носил рубаху наизнанку, и не отличался искренностью помыслов, держась темно и обособленно. Богобоязненный старик, пивший за соседним столом, наотрез отказался участвовать в шахматном турнире, потому что крест был освящен и принадлежал Блютхольду пожизненно. Последний поступит как закостенелый грешник, если легко отдаст личную святыню незнакомцу, и возложит на себя смертельное несчастье, пренебрегая распятьем.

— Что-то в тебе надломилось, барский сынок. — Двабрин хмуро посасывал пивную пинту. — Пустил по миру свое добро, к тому же ритуальные символы... все-таки помереть собрался.

— Лучше нательный крест послужит шахматисту, чем отправится в сокровищницу Августа. Я всегда привечаю умных и терпеливых людей.

— Ничего, я займу первое место и отдам тебе крест. — я решил разрядить разговор. — А если будешь упираться, то повесим Двабрину на грудь, он падок на блестяшки.

К сожалению, по жребию мне пришлось состязаться с гномом, и я не откладывая в долгий ящик проиграл и позорно выбыл. Глупо полагать, что за сотни лет бородач не обучился какой-нибудь рабочей тактике. Еще обиднее, что Двабрин поставил мне детский мат. Пришло немало местных по оклику сына трактирщика. Общий зал наполнился пестрыми голосами и одеждами. Женщины играли с мужчинами, мужчины с детьми, а гном по очереди щелкал всех остальных. Он так быстро и скучно ставил маты мясистыми грубыми пальцами, словно орехокол, что многие сдавались досрочно. И вот настал момент, когда Двабрин и Блютхольд схлестнулись в ожесточенной схватке; хозяин принес маленькие песочные часы для контроля хода. Гном вел всю игру, сбивал фигуру за фигурой; зрители пошли за добавкой, мол, все и так ясно. Но Блютхольд выдал подлый трюк: он пожертвовал ладьей, выманив короля в центр, и тут же сомкнул кольцо. Ферзь и конь поставили быстрый, неотвратимый мат. Трактир наполнился аплодисментами и неподдельной радостью, ведь нечестно-сильный игрок оказался сброшен с доски. Завистники ликовали падению титана!

Уже перевалило крепко за полночь, когда Блютхольд разделался со своим полуфиналистом, очкастым экономом здешнего барона. Зал почти опустел, остались только очень пьяные или очень заинтересованные зрители и участники. Даже трактирщик махнул рукой и отправился в кровать, заперев кухню и бар. Местные покидали наше общество довольными и веселыми, желая нам удачи в пути и предлагая обязательно возвращаться той же дорогой, чтобы организовать грандиозную пирушку. Гостям мы говорили, что по службе едем в столицу. Никто и не любопытствовал, каковы дела на фронте: о войне здесь пронзительно молчали. Насчет гнома, вероятно, местные догадывались, но явно тему не поднимали: мало ли уродцев на свете с врожденными заболеваниями? Еще не хватало обидеть почем зря щедрого человека, угощающего пивом и так недурно играющего в шахматы. Я облокотился об высокую спинку скамьи и, кажется, захрапел, подложив под шею сложенный плащ. Так прошло еще невесть сколько времени.

Мое преждевременное пробуждение было связано с головной болью. Невыносимо хотелось пить. Я пошел к бадье с водой и зачерпнул стоявшую рядом кружку, жадно осушив ее. Этого мне не хватило, и я набрал новую кружку и выплеснул воду на опухшее лицо. Придя в себя, я враскачку развернулся в сторону игрового стола и стал следить за происходящим. Над залом повисла напряженная полутьма, сдерживаемая несколькими свечами от окончательного падения во мрак. От натопленной печи воздух был горяч, но сперт и противен после многолюдных посиделок; несло табаком и перегаром. Людей осталось от силы человек шесть, включая финалистов и спящих пьянчуг. Блютхольд сидел ко мне лицом, безрадостно дымя трубочку. Я заметил в нем не столько сосредоточенность и азартное напряжение, сколько испуг загнанного в угол зверя. По стенам бежали неправдоподобно большие тени огоньков, причудливые и непонятные, и было в этом танце света что-то волшебное и зловещее. Атмосфера накалилась, ходы стали рваными и нелогичными.

Я подошел поближе: пока доминировал противник Блютхольда. Меня охватила интуитивная настороженность, когда я тщательнее исследовал незнакомца. Это был лысый костлявый старик с угловатыми движениями и очень неестественной мимикой. Я всмотрелся в его впалые голубые глаза, излучающие устрашающий блеск, и тут же отвел взгляд, обожженный некой могучей силой. Морщинистое лицо старца, засушенное и лишенное какой-либо эмоции, казалось безжизненным, словно церковные мощи. От старика пахло отталкивающим землистым ароматом, какого я прежде не встречал. Он был одет в буро-черную монашескую рясу, подпоясанную серой веревкой, что подчеркивало нарочный аскетизм. Старик восседал важно, по-хозяйски, перебирая костяные четки в левой руке. В свой ход Блютхольд по досадной ошибке потерял слона. И здесь пришлый монах позволил себе широко улыбнуться, обнажив яркие белые зубы: все целехоньки, без сколов, дырок, гнили и желтоватой кости. По совокупности курьезностей даже я понял, что с нами играет нечистая сила.

Двабрин резко ткнул меня в бок и растерянно прошептал, выдувая хмельной шлейф:

— Доигрался твой дружок. С ним играет сама смерть.

— Это чего ты так удумал? — я проморгался, уловив зрением мутный силуэт в балахоне над столом, который тут же растворился в табачном дыму.

— Потому что он поставил на кон свой нательный крест или всуе упоминал могилы, смерть и все самое запретное? Возможно, что все вместе

его и погубило, а может и Август приставил к нам злую тень? Теперь от нас с тобой толку, как от козла молока. Сейчас уже два ночи. — он указывает на стрелки карманных часов. — Если партия затянется до утра, смерть сдастся.

— Предлагаю заговорить ей зубы. Разве жнец людей не любит потрещать о своих жнивах?

— Попробуй, Фридрих. Но на твоем месте я бы подыскивал нового соратника.

Я подхватил табурет и присел справа от смерти, смотря на ее игру черными. Монах обратил на меня самое пристальное внимание, как будто в трактире для него, кроме Блютхольда, одномоментно возник и я. Старец перекрестил меня синюшной рукой, отчего нутро пробрало невероятной дрожью, а кожа непослушно вздыбилась. Холод его нечеловеческих, почти ледяных глаз, коснулся моих щек и обжег их, будто январская стужа. Монах заговорил со мной, и вокруг повеяло свежим и морозным ветром:

— Ты нездешний.

— А откуда я пришел? — щеки стыдливо горели.

— Ты и сам вспомнишь, когда придет время. — туманно ответила смерть. — Лучше скажи, нравится ли тебе Представление.

— Конечно, брат Погибель. — не раздумывая ответил я монаху.

— А Представлению нравишься Ты. — смерть посмеялась; холодок побежал по спине.

— Зачем ты пришел, брат Погибель, состязаться с этим бедным грешником, погрязшем в унынии и гневе? Разве тебе есть дело до серебряного крестика, ведь даже гномы оспаривают благородство этого металла? Разве ты не выше их?

— Я забираю то, что ценно. Для меня же нет ни высокого, ни низкого. Я отношусь с одинаковым уважением к хижине бедняка и палатам лорда, к последнему издыханию свиньи или вождя. Фридрих, лучше скажи мне, как свидетель многих удивительных дел: разве не чудесен и велик опыт, черпаемый в пути?

— Иногда и сам не знаешь, где спасуешь, а где совершишь славное деяние. Подчас сложно не осудить и не наградить; и так мучительно осязать выбор и не совершать его. Так страшно, брат Погибель, позволить всему идти как есть, и не чувствовать ни отторжения, ни приятия. Ведь наши тела устроены так, чтобы влечься к одному и отвращаться от другого, словно мотыльки к разным источникам света. А еще больнее видеть и не помочь, оказаться рядом и не изменить к лучшему; не спасти и не уберечь! А что, если лучшее для тебя — для иного крушение? А что, если ты омрачен страстями и не в состоянии отделить зерна от плевел, а сострадание от жалости напоказ? А что, если ты несознательно завистлив, низок и устрашен чужим успехом? Ты думал, брат Погибель, что я вдохновлен учениями великих мудрецов и напрямую общаюсь с космосом? Нет, я запутан и несусь подобно парусному судну, гонимый бродячими ветрами. Брат Погибель, ты посещаешь покойников, и с каждым имеешь искреннюю беседу: но разве ты уже отыскал величайший дар этого мира?

— Мы ищем его вместе и всенепременно обретем. — кратко ответила смерть. — Посмотри, что предлагает господин Блютхольд Хенрихзен. Крест, который отец возложил на него при крещении: первый и самый важный подарок в его жизни. Сколько воспоминаний и любви, сколько нежности и родительского пестования вложено в этот светлый оберег. Разве не станет от этого дар ближе и ярче, и не заблестит ослепительными красками?

— Да, брат Погибель. В этом определенно есть смысл.

— Я отпускаю тебе грехи, Фридрих. Подумай, перед тем как вернуться на Родину, какое приношение ты оставишь Свидетелю всех дел.

Я ощутил, что на протяжении всей беседы время словно остановилось: пространство было недвижно и молчаливо. С последним словом монаха плотная дымка развеялась, и он тут же громко стукнул ферзем по доске. Двабрин огорченно запричитал, а баронский эконом от неочевидного хода пролил на себя пиво.

— Шах и мат. — заключает брат Погибель, со скрипом отодвигая лавку, чтобы встать и пожать руку сопернику.

— Ваш приз. — близнец вел себя невозмутимо; он обменялся деловыми рукопожатиями со смертью и предложил серебряную цепочку с крестом.

— Блютхольд, я потребую вознаграждение позже. — монах жестом продемонстрировал отказ. — Я приду, как только ты исполнишь последний сыновний долг. Не мешкай, иначе вредитель выздоровеет. Мы сыграли чудесную партию. До новых встреч, господа.

XXVII

Под утро выпал первый снег. В это же время мы ютились в душной комнатушке под крышей; мне снились мерзкие кошмары на тему загробной жизни. Ближе к обеду мы продрали очи и расплатились за пьяный сон на соломенных тюфяках. Нам подали поздний завтрак в виде рыбной похлебки с овощами, слегка жиже, чем вчера: после попоек не грешно поститься. Трактирщик поблагодарил нас за находчивость и веселый турнир, произведший локальный фурор; приток клиентуры ему особенно понравился. Мы ни словом не обмолвились о сумрачном победителе, зачем-то отсрочившем получение награды. Блютхольд сник и стал вести себя как полупрозрачный призрак, не принадлежащий посюстороннему миру. Распрощавшись с персоналом, наша троица поспешила верхом на отдохнувших и сытых лошадях. Солнце успело растопить и расквасить утренние снежинки, и мы снова выпачкались в холодной грязи. Так прошло немало времени, и уже начало сереть, когда мы тянулись рысью мимо мелеющего озера. Рыбацкие мостки тоскливо торчали над влажным пустырем. Рядом догнивал остов лодки и валялся промысловый мусор, обнаженный отступившими водами.

— До Флейшвольфбурга подать рукой. — сообщает Блютхольд. — На этом озере мы часто ловили рыбу с братом, а зимой скользили по льду на костях. Помню, отец нередко просил, чтобы мы принесли несколько живых рыбин к столу. Он с удовольствием лакомился нашим уловом, а остальное жарили для персонала. А еще, помнится, Хайнц-младший однажды упал и пробил корку, а заодно очень поранился. Пришлось вытаскивать неумеху и затягивать ногу чулком, иначе бы Хайнц стек кровью. Слава Богу, обошлось.

— Подожди, что ты имеешь в виду под костями? — Двабрин сидел в седле очень неуверенно.

— Берется кость из голени лошади, отрезается нужный размер, шлифуется нижняя часть. Потом делается несколько отверстий, через них кость закрепляется ремнем к обуви. Дальше смело катаешься.

— Вот оно как. — гном решил не переспрашивать, но устройство коньков для него все равно осталось загадкой.

— Поглядите. — вмешиваюсь я. — Вот уже видно многокрасочные черепичные крыши и хмурые башни замка. Надеюсь, за нами нет слежки.

Вновь заснежило. Мы остановились в пригороде за верхними воротами, куда почти не заглядывали гвардейцы и приличные горожане. Этот район стал оплотом беженцев и разномастных бродяг, искавших укрытия от огня войны, стремительно пожиравшего Гроссшмерцляндию. Блютхольд с большим скрипом продал лошадей, почти вдвое ниже их реальной цены. На конюшне никто не хотел брать коней с опферским клеймом, считая их или украденными, или трофейными. Дождавшись темноты, мы провели гнома по безлюдным задворкам, утопая в помоях и слякоти. Мы не хотели, чтобы любопытный глаз зацепился за его пышную бороду и бронзовый загар. Блютхольд обошел нескольких знакомых, но никого не оказалось дома. Мы совещались у заброшенной лавки мясника, а я позволил себе присесть на деревянный порожек: заморился.

— Кто-то мертв, а кто-то скрывается. Мясник Шлау точно удрал, он не из боевитых. — оправдывался близнец. — После подавления восстания, видимо, в городе у меня не осталось друзей. Нам нужно пробраться за стену, а это

лучше всего сделать через канализацию: она весьма кстати соединена с подземельями Августа. С гномом гвардейцы нас точно не пропустят, если двинем через блокпост.

— А где переночуем? Холод собачий! Если не припадем к камельку, то завтра нам в лучшем случае отрежут почерневшие пальцы.

— Фридрих, ты явно драматизируешь. — Двабрин снисходительно похлопал меня по плечу. — От одной ночи переохлаждения не случится.

— У людей еще как случается. — согласился Блютхольд. — На постоялые дворы и кабаки не сунемся, опасно. Остался один выход: отдохнем с бездомными в палаточном лагере. Там хотя бы есть огонь и без нас хватает странных личностей.

— Не боишься, что обворуют, пока спим? — гном насупился. — Или ножа дадут по пьяни.

— Это все предрассудки. — отмахнулся раздосадованный близнец.

Мы расспросили нескольких полувменяемых бездомных, где они обычно ночуют. По счастливой случайности стихийный лагерь поставили у крепостной стены на фундаменте сгоревшей пекарни, неподалеку от входа в подземелья. Коммуна самоселов радушно приняла нас; гнома мы благоразумно держали под спудом. Среди жильцов оказалось немало дезертиров и даже несколько беглых бунтовщиков, которых Блютхольд тепло расцеловал. Они долго и обстоятельно беседовали, пытаясь сойтись во мнении касаемо методов дальнейшего сопротивления. Блютхольд также передал им мешочек серебристого феррума, чтобы повар приправлял чан с общественной кашей и тем самым спас хотя бы нижний город. Странно, что никто не отлавливал беглецов для возвращения в строй, тем более, чтобы предать суду. За символическую сумму мы выкупили войлочную палатку, заплатили за уголь и еду. Опасаясь соглядатаев Августа, мы поселились поодаль, под мостом у северных ворот, несмотря на работающий уличный сток в пяти метрах от нас. Воняло знатно, мы едва перебивали запах костром и дымными благовониями Двабрина.

— Ты думаешь, что нелюди, управляющие городом с помощью тайных служб больше двадцати подземных лет, не зафиксировали наш приход? — Двабрин был ироничен и угрюм.

— Значит они выжидают нашего хода. — Блютхольд подбросил углей в огонь. — Сейчас к нам присоединится один знающий человек. Он поможет организовать атаку.

— Я подозреваю, что вампиры возненавидели окаменелый Опфер, волюнтаристский и надежно укрепленный гномской рукой. Кнохенбайсер явно сосредоточил внимание на гарнизоне многоуважаемого надзирателя Кугроса, а не на нас, нескромных оборванцах. Слишком мелочно.

— Это разумное предположение. — Двабрин задумчиво обжаривал колбаску на жару. — Однако я стал пуглив и мнителен. В каждой летучей мыши вижу разведчика, а в каждом незнакомце — неведомую мистическую тварь.

— А каждый незнакомец видит ее в тебе, сердечный гном. — я легонько заострил.

Мы с Блютхольдом отходчиво посмеялись, а затем под мостом объявилась юркая мужская фигура в подбористом плаще. Подойдя поближе, мужчина скинул капюшон; Блютхольд его дружно приобнял; мы с гномом тоже встали и по-деловому пожали руки. В свете тлеющих углей было трудно разглядеть черты лица целокупно. Все же я узнал: это был хлопотный офицер из

управления гвардии, с которым я ранее имел не самое приятное дело. Он присел на одну из наших грязных меховых подстилок и поставил греться большой кувшин глинтвейна. Мы распили по кружке согревающего напитка и суетливо заговорили.

— Количество дезертиров перевалило за пять тысяч. Почти треть войска удрала, передовая драматичным образом опустела. Там, где полгода держали позиции ценой многих жизней и доблести солдат, теперь враги хозяйствуют без боя. Вюрстваренштадцы сплошь и рядом берут укрепления, в которых из десяти едва найдется трое защитников. Речь идет не только об обыкновенном малодушии, трусости и нежелании сражаться за свое. Мы все знаем, от чего народ устал и растерял веру. Сыск давно перестал работать по военным преступлениям. Даже не из-за бессчетных дел, а потому что боимся за свои шкуры. Не для того мы корпели в тылу, творили мерзости в угоду режима, чтобы нас погребли следующими. Цухтштиру на аресте оторвало руку самодельной бомбой, когда он полез в дом к сбежавшему саперу. Ко мне приходили начальники и ночами вызывали в подземелья тайной службы на ковер. Грозили смертной казнью, но я зарекся ходить по дезертирам: не вижу существенной разницы между смертью на задержании и плахой на площади. От меня на время отстали, сняв половину жалования. Я у них на карандаше, графские ищейки подозревают в сочувствии к мятежникам. Не волнуйся, сюда я никого не притащил хвостиком. Ты говоришь, Блютхольд, что искоренишь флейшвольфбуржских кровопийц. Уверен, что не надорвешься?

— Мы тебе щедро заплатим за приготовления. — ответил тот успокоительным тоном. — В твоей собственности окажется столько серебра, что ты завалишь им трюм когга и уплывешь далеко за Южное море. Будешь жить свою лучшую жизнь в зоне роста винограда, в обнимку с молодой смуглявой супругой или опытными любовницами. Мне известно, что предмет желаний всякого бюрократа из наших краев — навороваться и уплыть в страну, где жизнь частного лица пристойна и безопасна. Но для начала нужно постараться и скопить багаж на родине. Мне потребуется несколько вещей. Первое, чтобы ты предоставил чертежи канализаций и катакомб. Второе, чтобы свел меня с кузнецом, который согласится перековать три гномских гладия на десять копейных наконечников. Из этих наконечников тот же кузнец должен собрать короткие копья для боя в тесном пространстве. Нельзя добавлять другой металл в примесь, тигли должны быть чистыми. Хотя, впрочем... я отправлю Фридриха, он проинспектирует подробнее насчет этой затеи. Еще нам нужны добровольцы, человек восемь; немного обыкновенного оружия, еды на день или два, чуть-чуть взрывчатки, несколько ломов...

— Я возьму половину авансом. Карты избыточны для этого дела, ибо с Вами пойдет проводник, который охранял внешний периметр покоев несколько лет и знает тайные лазы. Я постараюсь убедить Цухтштира помочь, поскольку последнее время он только и делает, что вдрызг пьяный засыпает под лавкой в кабаке. Так недолго и всю пенсию ветерана пропить. Не затем мы похлопотали за назначение фронтовой, когда этот громила не выезжал дальше городского указателя. С кузнецом я тоже свяжусь, а к Вам пошлю какого-нибудь газетчика с весточкой. Навестите кузню самостоятельно, за стеной есть один понимающий мастер-оружейник. А насчет добровольцев, то набирайте смертников из местных голодранцев. Здесь слоняется много голодных беглецов из армии и просто вороватых бездельников. Необязательно говорить, куда Вы идете и зачем, а когда прибудете — выбора у них не будет — кровь у всех одинаково вкусная. Однако некоторых парней я к Вам

направлю, у них недавно были убиты близкие: по чьей вине, думается, Вы имеете основательные подозрения. Раньше все это производилось бесшумно, коварно и продуманно. Теперь же участились случайные убийства с улицы, жестокие и грязные: везде один и тот же след крови, уходящий в подземелье. Такое ощущение, что наше руководство выжило из ума от старости или низвело весь город до статуса кормовой базы. Да и в таких масштабах... страшно, что ненароком и тебя клыкастый паучок затащит в уголок, хоть до этого ты ему чистил паутину и старательно убирал обескровленных букашек.

— Если бы только моему достославному предку Вургграссу Верховному Кузнецу неравнодушные господа нашептали в гробнице... Его нерадивый потомок отдает на изуродование варвару-недоучке гордость гномских оружейников. Неслыханно, чтобы адамант переплавили на кривые прутки в каком-то хлеву! — Двабрин искрометно негодовал.

— Замечательно. — Блютхольд раздраженно массирует переносицу. — Записывай, где зарыты побрякушки епископа Шлафмунера.

XXVIII

Я прогуливался со свертком готовых наконечников; до обеда оставалось несколько часов. Позванивал легчайший адамант, заманчиво отсвечивая морской волной из-под открытого торца кожаного свертка. Мне пришлось несколько дней контролировать работу оружейника, чтобы он не украл редкий металл или не исказил технологию, которую гном мне сообщил в частной беседе. В общем, работа вышла сносного качества. Мы планировали сражаться отрядом до двадцати пяти легких пехотинцев, половина из которых вооружится магическими копьями. Чтобы разобраться с флейшвольфбуржскими господами, нас хватит; чтобы выбраться — загадка. За это время зимний холод прочно утвердился в городе. По погоде меня одели в многослойную одежду и забавный теплый колпак. От формы пришлось избавиться и обзавестись недорогим нарядом, какой в этом районе привыкли видеть. Мои сапоги весело хрустели на снегу, и я шел по улице, увлеченно глядя себе под ноги. Как удивительно оставлять характерные отпечатки подметок на беленькой дорожке. Внезапно кто-то крепко ухватил за плечо и властно оттянул меня вбок; я испугался, но поддался физическому требованию. Это оказался офицер гвардии с пышными усами, злобно встопорщенными при виде моего дуракаваляния.

— Снять головной убор и стоять здесь. — отчеканил он. — Сэр Шиненкрахен возвращается домой, чтобы умереть у родных пенат. Падать ниц не обязательно, он не обладает достоинством первого ранга дворянства.

— Слушаюсь. Спасибо за корректные инструкции, офицер. — ответил я, переводя дыхание; пришлось снять колпак и позволить морозному воздуху обдувать мои беспорядочные патлы.

— Тебе нужно остричь волосы и побриться, парень. Больно ты неряшлив и запущен.

— Да, господин, в сравнении с Вашей ровной осанкой, гладко выбритым лицом, оформленными усами и надушенным кафтаном, я лохмач и рвань.

— Молчать и горевать! — офицер сильнее сжал мое плечо.

Улицу пересекала одинокая повозка, запряженная двоицей вороных коней. В крытой фуре с приподнятой завесой, укрытый шерстяными одеялами, лежал зрелый мужчина. Он находился в пограничном состоянии, медленно сгорая от тяжелых ранений. Сэр Шиненкрахен выглядел очень болезненным, исхудавшим и желтым. Умирающий лихорадочно моргал и беспомощно двигал губами без возможности потребовать что-либо конкретное, изредка поворачивая голову или приподнимая руку. С ним сидел санитар, поя его болеутоляющим и учтиво болтая с дежурной улыбкой на лице. Прохожие столпились вокруг дороги, провожая умирающего безрадостными взглядами. Сгустилось вымученное молчание, и весь квартал застыл, чтобы проявить почтение благородному воину. Наконец повозка скрылась за городскими воротами, а предместью был дан зеленый свет заниматься своими делами; однако мою руку офицер все еще не отпускал.

— Разрешите идти? — я надежно прятал сверток под левой подмышкой. — Спешу работать, господин офицер.

— Нельзя. Теперь по расписанию проводы колонны барона Кнохенбайсера. Будешь кричать «Слава!», «Ура-а!», «Браво!» и «Возвращайтесь поскорее, орлики!» Понял? И чтобы в твоем голосе не прозвучало ни толики фальши!

— Так точно, сэр. А почему Его Светлость покидает город?

— Он выдвигается во главе Первого резервного корпуса на руины Опфера, чтобы отбросить наступление дьявольских карликов. Ты вообще в курсе, молодежь, что в мире чудится?

— Никак нет, сэр. Я из поселка, меня отец прислал в город, чтобы продать сыр.

— Разверзлись врата ада, сынок! Черти выпрыгнули из серных котлов с целью захватить Гроссшмерцляндию. Но недолго им осталось царевать. Святой род Лихтхерштеллеров вышибет гадину обратно в ее огненную нору.

— Хвала Господу! — из моих уст вырвался восторженный оклик.

Меня обдало холодным валом при упоминании Кнохенбайсера, а мышцы предательски задрожали, когда офицер предвестил, что Опферское сражение не за горами. Нервы ни к черту. Вот из-за ворот показались первые повозки, но уже на санях; ничего не предвещало появления вампиров. Войска шли слаженно, но без былого запала, который я наблюдал в последний месяц весны, в преддверии конфликта городов-государств. Люди были не те, оружие и снаряжение сдали в качестве; давала о себе знать усталость от войны и исход ремесленников. Ближе к концу колонны показались задернутые плотной кожей фургоны с охраной. По-видимому, в них перевозился ценный груз. Один из фургонов наехал на крупный камень; сзади нечаянно выдвинулся край гроба, плотно обитого бархатом. Эту оплошность поспешил исправить гвардеец на подножке. Краснея, он запихнул тяжелый гроб обратно в фургон. Кто-то из толпы заметил содержимое, люди тут же стали перешептываться; некоторые струсили и убежали, прочие зрители справедливо напряглись. Атмосфера наэлектризовалась и стала явно недружелюбной. Офицер от увиденного пришел в растерянность и ослабил хватку. Я этим воспользовался, дабы тотчас освободиться, а после этого прошмыгнул через скопище зевак и скрылся в первом же переулке. Теперь ясно, как путешествуют элиты при солнечном освещении.

В наше отсутствие городской уклад претерпел значительные изменения. Прежде всего наблюдалась порча мужчин. Те счастливчики, кого не успели поставить в строй, скрытно уклонялись или жили неприкосновенно благодаря доспешным грамотам. На улице чаще встречались господа поздней зрелости или беззаботные подростки ввиду непригодности к службе. Им не было нужды откупаться или искать место на государственных мануфактурах. Дезертиры, нищие и батраки сбивались в вооруженные шайки, чтобы оказывать сопротивление редким патрулям и добывать пропитание силой. Люди боялись появляться на улице после захода солнца и предпочитали не срезать дорогу уединенными проулками. Стало модно выписывать платежные чеки; обеспеченные граждане предпочитали охраняемый банк частным хранилищам. Грабежи и насилие приняли облик суровой данности при недостатке стражи: львиная доля гарнизона отдыхает в гробу или лазарете. Одежду стали сушить дома или вешать как можно выше, почти под крышей: белье умудрялись снимать на стремянках. Замки, решетки и ставни поймали волну популярности; в некоторых домах замуровали или заколотили окна на первых этажах. На фоне происходящего городское хозяйство пришло в тяжелый упадок. Даже расточительные армейские заказчики не могли превзойти довоенный спрос своими неразумными, но масштабными поставками. В порту уже давно работали иностранные специалисты, грузчики и корабельщики. Многие товары попали в дефицитную категорию, потому что сырьевая база перешла под контроль Вюрстваренштадта или от нее

остались рожки да ножки. Народ обнищал и сбежал в себя, боясь и завидуя равнодушным толстосумам. Флейшвольфбург накинул траурную косынку.

В лагерь я вернулся с наконечниками, мешком древков и материалами для насадки где-то после обеда, когда последние крупные силы гвардии покинули город. Плотник отказался собирать копья и предостерег меня, чтобы я не носил их в боевом состоянии публично. Совет показался мне толковым, и я принес все детали по отдельности. Мы поручили компоновку копий Двабрину, поскольку гномы проходят кузнечное дело в школе. Гному было отрадно, что конечный продукт изготовится его руками и таким образом позор переплавки отчасти покажется отмытым. После заката Блютхольд созвал команду, хорошо их накормил и напоил, выдал каждому снаряжение и пояснил их роли. Нас оказалось несколько меньше, но зато без случайных участников: у костра собрались только маститые заговорщики, мстители, законченные головорезы и бывшие охранители. Плотно отужинав, мы договорились отдохнуть. Нахохлившись у костра, воины укрылись одеялами, ковриками и невостребованной верхней одеждой. Внутренне взвинченные и рисующие себе жестокие сцены схватки, бойцы не могли отвлечься от страхов и сомнений этой ночи.

Наконец, ощутив нерв подходящего времени, Блютхольд обрушился с краткой речью к снаряжавшейся команде:

— Братья! Мне известно, что иногда нам страшно. Нередко мы по своей воле отворачиваемся от ослепительного света перемен. Но настают времена тяжелых прозрений, и мы вошли в них с открытым забралом. Я исхожу из той гипотезы, что в фургонах ехали вампиры, спящие в гробах. Таким образом недруги отвлечены миротворцами на севере, одновременно оголив господские хоромы к нашему дерзкому налету. Не беспокойтесь, бедняков в палаточном лагере мы уже подвергли вакцинированию, и на сегодняшний день Ваша кровь вызовет мгновенное и тяжелое отравление. Кроме того, наш находчивый соратник Фритламер додумался смазать дротики кровью добровольцев, и в бою мы выясним, как противник отреагирует на военные новшества. Помните, что после казни Августа мы солидарно разделим казну города, а вдобавок все имущество Лихтхерштеллеров, включая утварь, гардероб и арсенал. В дальнейшем Вы вольны действовать по собственному усмотрению, но я настойчиво рекомендую арендовать транспорт и покинуть этот бедолажный город морем или сушей, но незамедлительно. Не дожидайтесь реакции выживших родственников, претендентов, революционеров, интервентов, миротворцев и прочих сторон конфликта. Вампиров нужно колоть магическим жалом из адаманта, человеческую охрану — обыкновенным вооружением. Помолимся святому Хайльвицхоффу и будем спускаться. Цухтштир, на тебе подрыв волчьих дверей. На этом все. Через десять минут встретимся под проходом в туннель. Мы обрящем лучшую жизнь!

XXIX

Я не подозревал, что в столь хабалистом стражнике, как Цухтштир, на самом деле скрываются приличные взрывотехнические умения. Он шутя заложил бомбу под толстенные бронзовые двери с оттиском волчьих голов. Двери взлетели на воздух вместе с краями армированного проема, будто ряд детских кубиков, и осколками разлетелись по канализационному туннелю. Удивительно, как ловко Цухтштир провернул минирование, имея лишь одну руку, пусть и ведущую. От грохота у меня заложило уши и потянуло рвать; товарищи ругались и кашляли; полумрак смешался с облаком летучей крошки. Как только пыль слегка осела, по команде Блютхольда мы натянули маски и ворвались в подземелья с оружием и факелами наперевес. Думать было некогда, тело вскипело, наполнилось негаданной силой и решимостью, и устремилось к выплескиванию животной ярости, лишь покажись подходящая цель. Пробегая развалины входа, мы жестко вытоптали приваленные тела гвардейцев, сидевших у двери с той стороны. Теперь я знаю буквальный смысл выражения «двигаться по головам». К нам стали сбегаться заспанные охранники внешнего круга, пока что люди. Они приближались без определенной тактики и построения, застигнутые врасплох самым неслыханным нападением. В нашей команде состояло немало грубых матросов, охотно ходивших на абордаж; вдобавок они имели богатый рукопашный опыт в подворотнях. Морские псы легче легкого подтвердили квалификацию, нанеся не один десяток колющих ранений в швы и сочленения доспеха охранников. Орудуя рондельными кинжалами, матросы повергли троих весьма искусных воинов. Со звоном и криком бронированные тела падали на холодные плиты.

Деморализованные гвардейцы бежали к оружейному хранилищу, где наскоро забаррикадировались. Нападавшие нагнали их и потребовали сдаться, а к тому же вручить ключи от внутреннего круга, сопряженного с покоями Августа. Переговорщиком выступил Цухтштир и еще один бывший стражник, чью сестру на прошлой неделе утащил вампир, а впоследствии выбросил на свалке с прокусанной шеей. За дверью послышалась жаркая дискуссия: некоторые защитники не хотели предавать графа в самый уязвимый момент, другие требовали отплаты за пролитую кровь. Несколько человек вознамерились перебежать под наше справедливое знамя, а потому потянулись к засову. Далее следовал неясный гвалт и недолгая вооруженная потасовка со стрельбой.

Когда нам открыли двери оружейной, внутри нашлось несколько умытых кровью мертвецов и тяжелораненый капитан. Конечно, если не брать во внимание почти три десятка сложивших оружие гвардейцев. Капитан счел необходимым сохранить верность присяге, а потому попросил добить его прилюдно. Блютхольд перекрестил знакомого и почтительно умертвил личным кинжалом. Охранников внешнего круга наскоро разоружили, раздели и связали. Мы были приятно удивлены их скорейшей и почти бескровной сдаче в плен. До окончания сражения военнопленных заперли в винной кладовой, чтобы не нудились, а лучше красочно справили тризну по Августу, если смогут выпутаться.

Охранники в красках поведали о жутких бледных мечниках, об удивительных богатствах, сибаритстве господ и человеческих жертвоприношениях. Один из подельников пошел в отказ, испугавшись

телохранителей графа в зазубренных плащах, о которых ходила скверная молва. Тяжеловесный Двабрин гневно швырнул бесхребетного дезертира в ряд винных бочек и запер вместе с пленными. Разъяренный гном угрожал кастрацией и ослеплением тем, кто возомнит отступать: в гномском царстве не прощают вероломство. Взбодренная команда частично облачилась в трофейные доспехи, частично сменила вооружение и выразила готовность наступать. Нам предстояло отпереть серебряные ворота с изображением летучей мыши, у которой вместо глаз наличествовали драгоценные камни. К такой роскоши я питал неподдельную ненависть, а вот один из матросов нескромно зарезервировал левую створку: «Обменяю в банке на слитки!» Меня же больше тревожил тот факт, что спустя полчаса операции ни один вампир не соизволил явиться на битву за собственный дом.

Мы долго и сконфуженно стояли под блестящими воротами, как мыши под веником. Перед нами серебрилась последняя граница между живыми и мертвыми, простолюдинами и аристократами. Моряки плевались и перешептывались, Блютхольд раздумчиво вращал латунный ключ в руке, а я жевал сладкие сухари с изюмом, реквизированные у охраны. В конце концов нестомчивый, словно пчела, Двабрин выхватил ключ и с ужимкой начальника двинулся к воротам:

— Пора раскрыть пасть летучей мыши!

— Сейчас узнаем, к добру ли, когда гном открывает двери. — шутит налетчик с фактурным шрамом на щеке.

— Кажется начинаю понимать, каким образом складываются приметы. — я решил развить шутку.

— Держите в уме, что за сокровища скрыты в сем нечестивом логове. — вмешивается однорукий Цухтштир. — Мы их по вселенской справедливости отберем, и за их счет построим новое общество. Власть должна оказаться в руках воинов.

— Если Фаулеркекс берет левую створку, то я завладею правой. — прагматично отозвался один из бойцов.

Величественные ворота распахнулись мягко и свободно. Копейщики в оцеплении машинально отпрянули и навострили оружие, ожидая встретить неприятеля. Освещение подземного дворца выдалось неважным, от многих факелов остались только головешки, а в жаровнях закончился уголь. Во внешнем круге было куда ярче, так что мы не смогли разглядеть, что укрыто мраком дворцовых стен. От подземного воздуха потянуло спертостью и приторной гнилью, как будто кто-то специально заглушил вентиляцию. Мы собрались с духом и перешли черту, поскольку никакой реакции от кровопийц не последовало. Сначала команда шла длинным коридором с мраморными бюстами членов семейства, фаворитов, видных деятелей и прочих благородных лиц. Далее мы проникли в кольцевую галерею с фонтаном, лавочками и декоративным садом. Сверху падал прелестный лунный свет из круглого решетчатого люка с задвижками. Журчание воды казалось мне печальным и тихим, и в нем таилось нечто зловещее. В сумраке ветвящихся коридоров заиграли неясные силуэты; я ощутил вибрации и волнение воздушных флюидов.

Мы не понимали, в какой стороне нас ждет битва, а потому лихорадочно осматривали арки и проходы, по наитию отпирали закрытые двери и заглядывали в неожиданные закутки. Нас неизменно сопровождала темнота и давящее беззвучие; даже бесплотная жизнь умерла в этом проклятом месте. Однако обойдя всю цепь роскошно оформленных порталов, мы все же

натолкнулись на мрачные находки. Вдоль стен перехода, ведущего вглубь подземелья, оказалось немало носилок с телами. Блютхольд без сантиментов исследовал ближайшего покойника. Он отодвинул льняную пелену, пахнущую маслами, и обнаружил за ней камердинера с болезненной гримасой и выдвинутыми клыками.

— Он мучился перед смертью. Сдох в судорогах. — удовлетворенно подытожил близнец. — Значит гномы не соврали по поводу отравы. Подлец схарчил несъедобную добычу.

— Судя по всему, — Фритламер отогнал тьму впереди жарким факелом, — у нас намечается кризис престолонаследия. Поглядите только, как много нахлебников уморило.

— Погодите, я слышу обрывистый шепот. — Двабрин напряг широкие мясистые уши. — Мы потревожили хозяев.

Причудливые тени, вытянутые и точеные, ожили на сводах затемненного коридора. Они пустились в пляс, спорадически меняя размер и форму, тем самым увлекая наши обеспокоенные взгляды. Тени игриво ускользали и вновь проявлялись тут и там, овивая отряд остужающим вихрем. Бойцы всполошились и прижались друг к другу, крепко держась за адамантовые копья. Нас оплели лозы смятения, будто мы тотчас провалились в беспомощное детство, окруженные старшими притеснителями. Послышалось бряцанье металла и стук тяжелых каблуков. Из мрака показались бледные мечники с огромными двуручниками. Телохранители графа опасно сблизились и стали рубить копья издалека, расстраивая наш предварительный замысел. Завязалась яростная драка: пока рослый кровопийца ударял по одному человеку, другой колол его в незащищенное место волшебным шипом. Вопли людей и чудищ сплелись в единую жалобную песнь. Образовалась свалка потных и окровавленных воинов; сражающиеся прыгали по трупам, толкались, рубились и заодно терпели жгучую боль. Фритламера сшибли с ног рубящим ударом, он выронил факел и непредумышленно поджег саван покойника под собой; коридор наполнился гарью и вонью гнилого мяса. Вблизи телохранители выявились широкоплечими гигантами, а их свинцовые лица не знали другой эмоции, кроме гнева. Тогда я смекнул, что Август отбирал искуснейших воинов на протяжении двух столетий; он взрастил бесчувственных монстров.

Тем временем Блютхольда зажали вдали от команды и почти вдавили лезвие в шею. Не мешкая, я схватил наконечник из адаманта, отсеченный вампиром вначале стычки, и рванул к близнецу. По пути мне чуть не отрезали руку, если бы не наплечник. С вывихнутым плечом я обрушился на носилки с гнильцами, сбивая их на пол как кегли; в лицо мне брызнул настоянный гной. Оказавшись в тылу, я кое-как поднялся и всадил наконечник в незащищенную подмышку телохранителя, стоявшего ко мне спиной. Вампир этого не предупредил, так как был занят казнью Блютхольда. Неприятель тут же размяк, с дребезгом опрокинул меч и, пошатываясь, припал к земле; из его рта полилась густая черная кровь. Близнец отлип от стены и стал жадно вдыхать горелый воздух. Придя в себя, Блютхольд поравнялся и нежно погладил мою щеку; я ощутил прилив смутного жара, сливающегося с болью от вывиха. Близнец, принимая во внимание кровопролитную сутолоку вокруг, цепко схватил меня и сказал:

— Ты моя погибель и спасение, Фридрих. Считай, что детинец взят. Пойдем за мной, ибо отныне мы отдельные царства: наши лихие попутчики здесь только ради золота и власти.

— А как же Двабрин? — моя рука онемела после приступа рвущей боли. — Он настоящий!

— Не тревожься за судьбу находчивого гнома. Подхватишь его на обратном пути. Быстрее, пока нас не удушил пожар.

Блютхольд вручил мне факел, а сам оснастился волшебным копьем. Мы откололись от команды, забежав в соседний зал, богато обставленный мебелью. Повсюду было неухожено и покинуто, словно хозяева долгое время не брались за уборку или вовсе съехали, оставив бедлам на усмотрение следующих жильцов. Близнец вел меня ветвью пустынных и неосвещенных комнат, где когда-то над интригами корпело руководство Флейшвольфбурга, а ныне пылились изысканные безделушки. В конечном счете мы оказались в тронном зале, где все еще поддерживался огонь тусклого серебряного светильника. Нас встретили стены, затянутые бархатом и шелками, а к трону вели колонны из черного мрамора. Инкрустированные янтарем и серебром, блестящие бронзовыми капителями, — колонны показались мне витриной тщеславия.

В полусвете я уловил нездоровый огонек в глазах близнеца, обворожительный и недобрый. Спутник безумно захохотал, снял шлем и грубо метнул его в темный угол. От удара упал подсвечник, потянув за собой гобелен с изображением неизвестного рыцаря. Из-за лязга падающей утвари я отбежал, испуганно жмясь к ближайшей колонне. Гипотетические вампиры совсем рядом. Блютхольд, самоуверенно отмахнувшись, вразвалку подошел к пустеющему трону Августа. Он барственно расселся на мягком кресле с резными подлокотниками, сложив нога на ногу. Его безрассудство убедило меня, что помещение, по-видимому, безопасно.

— Хватит дурачиться, Господин земли Флейшвольфбуржской. — я подошел ближе, слепя факелом Блютхольда, уже привыкшего к темноте. — Что мы здесь забыли? Я устал блуждать по склепам.

— Они все потравились, Фридрих. Чванливые олухи жрали всех без разбору и закономерно заболевали. Дворяне не продвинулись в поиске причин недомогания, даже когда их сжинало поветрие. Выловили ветер в поле. В любом случае я не намерен изучать выкладки неудачливых врачей. Я уверен, что Верховный уже погребен со стрельбой и оркестром. Месть свершилась без нашего вмешательства. Как жаль, что мне не пришлось насладиться муками Августа.

— Почему дылды с двухметровыми, прости Господи, пилами не слегли от яда, а слонялись как привидения неосвещенными помещениями?

— Не могу однозначно ответить. Возможно, для их мускулистых тел доза маловата или кровососы имели особенный рацион. Впрочем, бугаи вполне могли доходить, так как их клыкастые соплеменники сгинули относительно недавно. Думается мне, если бы мы обождали еще пару дней, то заняли дворец без боя.

— А какое будущее ожидает город, Блютхольд? Как объяснить людям, что они жили двести лет в тотальной лжи, в хитро сконструированной клетке? Насколько приветливый образ будущего мы распишем грядущим поколениям? Вообрази, что произойдет, если голодная чернь просочится в зал с драгоценностями.

— Тот, кто откроет дворец для народа, станет родоначальником следующей династии. Фридрих, может быть, возложишь ответственность на себя? — близнец выскоблил янтарь с ложа, увлеченно рассматривая застывшего внутри комара.

— Не являюсь носителем подобных амбиций. — я присел на ступеньку перед троном и схватился за плечо, испытывая резкие накаты боли. — Сладятся и без моего княжения.

— Значит мерзавцы из низов примут эстафету и воцарятся на месте господ. — Блютхольд перехватил факел и закрепил его на подставке.

— Тогда к чему старания, ведь все вернется на круги своя? Плоды надкусит не садовник, а червь.

— Нуворишам придется обтяпывать народ куда искуснее и не позволять себе того же, на чем обожглись сброшенные элиты. Глядишь, через три-четыре переворота у кормила власти окажется здравомыслящий и созидательный человек. Царям древности дозволялось казнить и лишать имущества бессудно, а сегодня по этому поводу заседают авторитетные коллегии, руководствующиеся кодексами и прецедентами.

— Видал я многоученых чиновников! — меня охватил нелепый смех. — Пока кровопийцы держали их в строгости, из прислуги был толк. Без царя в голове они все сводят к взятке и домашнему сундуку.

— Фридрих, я обыкновенный повар, даже не владелец салона. У меня нет других размышлений на тему государственного строительства. — Блютхольд показательно отбросил янтарь со включением.

— Так или иначе, тигр оказался бумажным. — я оглянулся, обозревая величественный тронный зал, теперь ничейный.

— Знаешь, в уме я прокручивал захват дворца десятки раз. Но сумбур реальности внес свой жестокий юмор. — близнец постукивает звенящей перчаткой по трону. — Мне нечего сказать. Я растратил период процветания на ничтожные дела. У моих ног все сокровища горожан, но я не рад этому. Я не нашел утешения в смуте и раздорах.

— Давай уходить. Эти стены внушают мне зависть и презрение. Изнанка великолепия обезображена подневольным трудом жителей, втуне растраченном на тщеславное убранство. Голубокровные всегда считали, что достойны безоговорочного услужения и высоких палат, пока нищий народ конопатит дымные срубы. Я надеюсь, что подобное общественное устройство нам не под стать.

— Ладно, и так забот полон рот. Повременим с политикой. — Блютхольд собрался встать, опираясь на подлокотники в форме летучих мышей. — Пора отыскать вход в темницу, вдруг отец все еще томится в камере. Шансов мало, не стоит обнадеживаться.

Блютхольд носил крест навыпуск; чистота серебра составляла приятный контраст с матовой черной кирасой. Он был так красив, так стремителен и высок духом: пышная борода, тонкие черты лица, пылкие глаза; все в нем пело и дышало; все в нем говорило на языке прекрасного. Я обернулся, чтобы проявить сочувствие по поводу пропажи Хайнца-старшего, но поздно заметил костлявые руки, сплетенные вокруг шеи близнеца. Мы прозевали западню. Блютхольд захрипел, панически ударяя железными перчатками по спинке кресла и частично фигуре в черном балахоне. Нападающий хищно навис над троном; из-за мешковатой одежды я не мог понять, какого он телосложения. Сухие синюшные руки впились в кольчужный капюшон; в ответ близнец наносил отчаянные удары, но безрезультатно. От неожиданности и, по всей видимости, злых чар я впал в дивное оцепенение. Так промелькнуло несколько рваных мгновений схватки.

В ходе нападения неизвестный голыми руками разрывал железные кольца кольчуги! От неистового крика Блютхольда колдовство рассеялось, и я тут же

совершил рывок к трону. Неприятель предвидел мой рассеянный маневр. Он обхватил цепочку узловатыми руками, и резко потянул назад, с нечеловеческой мощью утягивая Блютхольда во мрак. Разнесся противный лязг и скрежет падающего латника, тяжелое шиканье, плевки и серии глухих ударов. Возня на полу продолжалась считанные секунды; я подобрал копье, обогнул трон, и уже взвел здоровую руку для удара; нужно спасти и защитить.

Опоздал! Во мне все резко остановилось, а магическое копье выпало из слабых рук. Мертвецы сплелись в смертельных объятьях. Блютхольда придушили цепочкой, подаренной отцом. Брат Погибель потребовал свой приз! Вот и грустное подтверждение: нельзя избегнуть начертанного роком.

Я склонился над телами и решил исследовать нападавшего, варварски разрезав черный атласный балахон. Убийца оказался вампиром, внешне похожим на Хайнца-старшего, только утонченней и худее. Блютхольд, похоже, на последнем издыхании воткнул ему адамантовый наконечник в живот. На шее у кровососа висел дорогой медальон с открывающейся крышкой. Я с гневом сорвал его и распахнул. Внутри содержалась миниатюра мальчика — приятная, хоть и немного поблекшая. Он был одет в жилет с тесьмой и милые сапожки; на вид ему было около шести лет. На лице ребенка сверкала улыбка, румяные щеки сияли неподдельным счастьем. На обратной стороне крышки красовалась вычурная гравировка: «От матушки Анны любимому Августу».

XXX

В приступе бессильной злобы я стал рвать гобелены, опрокидывать подсвечники, ломать драгоценные фризы и барельефы, топтать гербы, наотмашь резать кожаный престол, а в довершение снес все горючее к покойникам, погибшим в акте взаимного уничтожения. Какой печальный символизм. Пламя очистит; пепел скроет следы зла. Позади послышались грузные и суетливые шаги. В тронный зал вбежал Двабрин в сопровождении двоих пособников, чей страх больше не притуплял алчные намерения. Увидев беспорядок и разрушение ценностей, люди сосредоточились на присвоении уцелевших элементов. Они жадно выдалбливали камни, драгоценные накладки, панели, аппликации и прочие украшения. Гном ради интереса поднял янтарь с застывшим комаром, лежавший у ног, и нахмурил мохнатые брови. Покрутив замысловатый камешек в руках, он на память сунул ископаемую смолу в карман: будет что экспонировать в археологическом чертоге. Двабрин еще раз окинул помещение взглядом архитектурного критика: «Пошлая халтурка». Гном не присоединился к разорению дворца, а заприметив меня, сидящего позади раздолбанного трона, спешно направился к свалке поврежденных вещей.

— Дружище, что случилось? — он приятельски похлопал меня по плечу. — Мина у тебя кислая.

— Все кончено. — я хлопнул по ковру, выбивая рукавицей столетнюю пыль. — Ни Блютхольда, ни Августа; ни Бога, ни господина.

— Пусть их души обретут покой в Самосущем! — гном говейно вознес руки к потолку, увидев под грудой драгоценного мусора чьи-то ноги.

Двабрин принес факел и вручил мне огонь с лицом, затянутым тучей сожаления. Атмосфера задыхалась от тупости и молчания. Мы не нашли, что добавить, кроме рядовых пожеланий упокоения. Гном приволок мешок углей, высыпав их у основания кремационной площадки; туда же мы слили несколько амфор с маслом. Вокруг нас мельтешили победители и даже появились пленные под конвоем, которых использовали как грузчиков. Новым вождем признали Цухтштира: выжига с удовольствием возглавил сбор трофеев. Нас несколько раз обозвали недоумками, оттого что мы не обогащаемся по общепринятому военному обычаю. Но напрямую не угрожали, побаиваясь сердитости гнома. Зажечь погребальный костер оказалось легче, чем я думал. Огонь вспыхнул с ненасытностью и быстротой, которой позавидуют даже флейшвольфбуржские мещане. Тронный зал обволок противный дым, стало сложно дышать и смотреть.

За поджог против нас ополчились бывшие соратники. Я резко отпихнул усатого пройдоху, одетого в три шелковых кафтана и с ног до головы увешанного драгоценными цепями да браслетами. Он неуклюже упал, позвякивая наживой, и долго не мог собрать разбросанные украшения. Двабрина хотели прибить шестопером со спины, целясь в голову, однако адамантовый шлем выдержал удар. Гном пошатнулся, но его кости и суставы на порядок превосходили человеческие. Он испустил боевой клич и совершил уверенный выпад магическим копьем под ребро предателя, незатруднительно пробив нагрудник. Незамедлительно появился Цухтштир и приказал закончить побоище, оставив без внимания убитого подопечного. Из-за былой дружбы и экономии сил вождь позволил нам уйти: людей осталось мало, а феодальное добро нужно успеть вынести и перепрятать.

Двабрин быстрее ветра повел меня туда, где чувствительный гномский нюх улавливал источник сквозняка. Спустя несчитанное множество коридоров мы оказались в узком чулане с решетками вентиляции. Расположенные горизонтально на небольшом выступе, почти метровые в диаметре, они вели наружу. Сквозь них стыдливо проникал рассвет и окрики портовых рабочих. Гном скверно выругался и взялся подпиливать чугунные прутки при помощи магического копья. Доселе я не мог вообразить, насколько прочный и острый этот диковинный металл, как, впрочем, и сами подземные карлики. Спустя много капель пота Двабрин выбил ногой распиленную решетку. Мы выбрались на выстраданную свободу.

Вентиляционная шахта хитро высовывалась из-под земли невдалеке от гавани. Она была в стороне от оффшорной зоны, где я впервые познакомился с местными порядками. Решетки оказались скрыты от придирчивых глаз плотной стеной терновника. Нас с гномом нерадушно искололи ветки, а после этого обдул холодный морской ветер. Однако больше радуясь возможности жить и думать, мы кое-как взобрались по каменистому пригорку и выдвинулись на торговую улицу. Только-только открывались ряды, сходились заспанные продавцы и покупатели-пионеры. На меня снизошло озарение: по своей куриной памяти я чуть было не нарушил договор с бакалейщиком, у которого брал чеснок. Опасаясь репутационных рисков, я повел гнома прямо по улице, наплевав на преследования и кривые взгляды. От нас шарахались прохожие, а кое-кто и вовсе засвистел тревогу, вызывая стражников. Обыватели еще не догадывались, что в это морозное утро многие городовые не явятся на привычные посты.

Мы подошли к уже знакомому прилавку, чтобы обнаружить за ним искомого торгаша. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и недовольно сопел. Заметив меня, да еще в компании рыжего карлика с бронзовой кожей, от ужаса торговец побледнел сильнее вампира.

— Помнишь наш уговор, добрый человек? — я глуповато улыбнулся.

— Нет, упаси Господи! — брякнул бакалейщик.

— А я помню и чту. — мой ответ излучал любовь и признательность. — За мной долг в пять раз больше, чем получил за чеснок. Но что не выпало из дырявых карманов?

— Какой-то несправедливый у Вас договор. Снова тебя обтяпали, Фридрих. — с юмором вмешивается Двабрин; на этой фразе у бакалейщика подкосились ноги.

— Вот! Нашел, что оцениваю в пять раз больше. Отныне медальон графа принадлежит господину негоцианту. Полагаю, через пару лет с молотка приобретешь немалый надел за семейную реликвию Лихтхерштеллеров. — я осторожно положил на прилавок детский медальон Августа.

Город буйствовал. Команда Цухтштира открыла ворота замка для всех желающих. Трупы знати, словно предметы художественной выставки, подвесили на виселице, а кому не хватило места — посадили на кол. Среди повешенных я обнаружил сохлое тело Хайнца-старшего, по-видимому, пролежавшее в камере несколько месяцев. Параллельно народ вломился в пустующий особняк барона Кнохенбайсера, обнеся его подчистую. Убили несколько случайных слуг и гвардейцев, не принявших общественные перемены. Мещане сваливали под виселицу уцелевшую утварь по поручению клириков. Вещи, ненужные мародерам или запятнанные вампирским влиянием, послужили топливом для Великого костра очищения. К обеду площадь зажглась ярким пламенем; отовсюду звучали освободительные речи

и прославление героев. Народ взорвался и позабыл о всякой работе, предавшись свержению монархических устоев. Цухтштиру быстро нашли трибуну и дали возможность сообщить всему городу, что же произошло этой знаковой ночью.

В его изложении доблестный отряд сбросил ярмо владык ночи — ровно в заданном объеме, без вторичной выгоды. Конечно, при содействии благородного гномского посланника, даровавшего магические копья; горожане восхитились бескорыстным Двабрином. Толпа благодарно взревела и пронесла Двабрина на руках, осыпая его сушеными листьями и сахаром как триумфатора. Блютхольда он упомянул вскользь как проводника и храброго воина, почившего в бою с клыкастым Августом. Участников налета увенчали забавными хвойными венками, в том числе и меня. Цухтштир потребовал от нас молчания, коль мы желали покинуть демократизированный город целыми и невредимыми. По официальной версии подземелья были сожжены обезумевшими телохранителями графа. Пришлось пойти на соглашение, пропитанное ложью и своекорыстием. После обеда созвали сборы горожан и торжественно провозгласили республику.

Бургомистром, несомненно, избрали Цухтштира, наградив его помпезным прозвищем «Либератор» и назначив в качестве резиденции графский замок. Первым указом Либератор отдал под нужды общежития шикарное поместье Кнохенбайсера вместе с прочими дворянскими особняками, чтобы временно расселить тьму беженцев и бродяг. Приняли постановление об общественных кормлениях бедных, дабы заручиться поддержкой низов. Бургомистр пошел на вынужденный союз с епископом, цехами и богатыми семействами. Цухтштир оказался очень деятельным и распорядительным руководителем, не позволяя себе спеси предместника. Он моментально поднял жалование и потребовал от дезертиров вернуться в казармы, а также пообещал скорый роспуск призванных, «как только пройдет гроза». Бургомистр вознамерился укрепить стены и наполнить склады, опасаясь осады сил лоялистов. В остальном он занял позицию наблюдателя и терпеливо выжидал, пока гномы и вампиры взаимно сточатся где-то там, в долине Опфера. С Вюрстваренштадтом новоиспеченный бургомистр хотел замириться по-белому или отделаться символической данью.

Однако гнилое политиканство меня больше не занимало. Я с энергичностью взялся за обустройство личной жизни, главной смысловой опоры в жизни простого человека. За этим мы с Двабрином направились к лавке ювелира, сытые и согретые глинтвейном, уже поздно вечером. Признаться, я летал в эмпиреях, воображая совместную жизнь с обворожительной красавицей, дочерью старика-у-колодца. Я был твердо убежден, что она самая прелестная, верная и старательная девушка на свете. Мы стали бы чудесной парой и содержали процветающий дом, а также родили много сообразительных деток. Эх, как же хочется свить крепкое гнездышко! Подойдя к трехэтажному дому ювелиров, мы не обнаружили света в окнах. Это было первым звоночком, который я счел необходимым проигнорировать: «Видимо легли спать пораньше. — сказал я себе.» Мы громко стучали в дверь, но никто не соизволил открыть: «С третьего этажа нелегко спускаться, да к тому же надо накинуть что-то поверх пижамы. — я продолжал себя успокаивать.» Двабрину это надоело, но он был верным другом, а потому не подавал признаков, указывающих на безнадежность предприятия. Тогда я начал кричать на всю улицу: «Это я, Фридрих! Тот бесстрашный рыцарь, что принес целый мешок чеснока!» Повисло холодное

молчание. Только из соседнего дома морщинистая сплетница вылила ночной горшок и осталась в окне наблюдать. Тогда я принялся судорожно осматривать двери и окна первого этажа на предмет каких-нибудь пояснений. К моему стыду изнутри была прилеплена записка, разбившая мое сердце.

— Просим извинения за временные трудности. До конца боевых действий мы сворачиваем деятельность во Флейшвольфбурге в связи с неопределенным положением безопасности. — Двабрин взял смелость прочесть горькие слова за меня. — Все претензии и пожелания Вы можете присылать в наш филиал №1, находящийся по адресу: Южноморское ханство, город Шаханэсарай, улица Тарих, дом 16.

— Ускользнула за море! Провела меня, чертовка! — я бешено ударил кулаком по двери. — Какой позор!

— Тише, братик, мало ли на свете достойных девиц... — гном утешительно приобнял меня.

XXX*

Нас нарядили в роскошные соболиные шубы, посадили на грациозных лошадей, а еще тайно набили сумки серебром и отправили восвояси. Таким образом бургомистр по чести откупился, взамен потребовав навсегда забыть путь в город. Освобожденный от вампирского ига, Флейшвольфбург больше не нуждался в отваге чужаков, будь это выброшенный морем безумец или благотворительный подземник. В настоящее время городом правит Вселенская справедливость, Добро и Сострадание. Новая веха привнесет другие вызовы, кризисы и печали, но вместе с тем противоречия обязательно приведут к построению идеального общества. С таким настроем, все еще переваривая события последних месяцев, мы уверенно мчали в сторону Опфера. Двабрин питал надежды, что мы успеем соединиться с защитниками раньше, чем войска барона обложат крепость своими черными крыльями. Честно говоря, я был равнодушен к грядущим подвигам, не желая манипулировать тканью мироздания. Я достиг всех высот и предпочел отдыхать в путешествии, не ставя никаких целей. Разве есть на свете люди, сделавшие больше меня?

Мы проезжали мимо одного бедного хутора с поваленными заборами и покосившимися избами. Перед двором усердно трудился крестьянин с взлохмаченной бородой. Он был одет в рванье и выглядел истощенным. Поравнявшись, мы приметили, что мужик рьяно вытесывает колья из сосновых веток. Чудак успел вбить в мерзлую землю с десяток кольев, расположенных полукругом.

— Здравствуй, хозяин. — с интересом обратился к занятому человеку.

— Будь здоров и ты! — отвечает бородач неотрывно от работы.

— Слушай, а к чему ты стругаешь эти палки, если у тебя печь просит дров, а забор — новые столбы?

— А тебе не видно, что на это есть самая прозрачная причина?

— Ни бельмеса не понял. — я честно развел руками.

— Небо наклонилось и вот-вот рухнет на землю! — крестьянин срывается на крик. — Протри глаза, если вконец не ослеп.

— Ты что, пытаешься предотвратить падение небосвода?

— Кабы не я, то земной диск расплющился под тяжестью небес, как таракан под лаптем. Мое великое призвание — небо подпирать. — сказал мужик, и гордо взмахнул кувалдой.

— Все-таки есть на свете человек праведней и трудолюбивей, чем я!

Недоумевающий Двабрин повел лошадь вперед, сохранив молчание. Мне довелось скромно плестись в хвосте, расширяя заснеженную стежку. Я полностью удовлетворился знанием того, что еще не достиг звездных рубежей. Хвала всем святым, что мне не под силу удерживать небеса.

***

К сожалению, позднейшие страницы были уничтожены огнем, поражены плесенью, изъедены жуками-короедами и мышами, а также пострадали от халатного обращения книготорговцев. По тем ничтожным отрывкам, представляющим из себя отдельные фразы или фрагментарные описания, невозможно вычленить ни развития сюжета, ни даже отдельных персонажей. Автор, следуя барочной логике, посоветовал бы «довольствоваться малым»

или вовсе посчитал, что «избыточная вздутость словес» справедливо смыта временем. Так или иначе, но читателю предоставляется ровно столько, сколько было найдено в подлиннике XVII века. С уважением, переводчик и составитель настоящего издания Ильяс Приветов.

About the Author

Обратная связь: gggfazan228@proton.me